

874

„ЕВАНГЕЛИЕ ОТ... ИЕЗУИТА“

А. А. ОСИПОВ

„ЕВАНГЕЛИЕ“
от...
ИЕЗУИТА

РАЗМЫШЛЕНИЯ БЫВШЕГО БОГОСЛОВА
О КНИГЕ ЙЕРОМОНАХА Ф. ЛЕЛОТТА
„РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ“

Л Е Н И З Д А Т • 1 9 6 4

Имя А. А. Осипова, бывшего профессора Ленинградской духовной академии, в 1959 году покинувшего с миром религии, широко известно по его атеистическим книгам и брошюрам. Перу А. А. Осипова принадлежат вышедшие в Госполитиздате «Путь к духовной свободе» (1960), «Катехизис без прикрас» (1963) и в Лениздате — «Мой ответ верующим» (1960), «Продолжаем разговор с верующими» (1962) и ряд других книг и брошюр.

В своей новой работе А. А. Осипов подвергает критическому анализу и разбору заброшенную в нашу страну западными диверсантами от идеологии книгу католического богослова Ф. Лелотта «Решение проблемы жизни».

«„Евангелие“ от... иезуита» написано убежденно, ярко, публицистически страстно, с глубоким знанием разбираемого вопроса.

Книга А. А. Осипова призывает советских людей к бдительности, предостерегает от опасности отравления ядом религиозной идеологии.

Предостерегающее слово о книге, зовущей в потемки религиозной веры, принадлежащее человеку, который лучшие свои годы потерял в религиозных заблуждениях, звучит особенно убедительно. К нему не могут не прислушаться те, кто еще цепляется за веру в несуществующего бога.

Часто
ВВОДНАЯ

Глава 1

О ЧЕМ ПОЙДЕТ РЕЧЬ

В последние годы в нашей печати неоднократно появлялись статьи, фельетоны, заметки об иностранных туристах — поставщиках заграничной «литературы». В двойных стенках автомашин, в канистрах из-под бензина, в запасных колесах и сотнями других способов пытаются забрасывать в нашу страну эту литературу пропагандисты идей так называемого «свободного мира».

Большую долю в этой идеологической контрабанде занимает литература религиозного содержания. Западные борцы за капитализм, колониализм, «свободное предпринимательство» и тому подобные прелести «свободы для толстых» отчетливо и по-своему правильно оценивают место религии в жизни и воззрениях людей.

Они понимают, что прогресс сознания человеческого часто отстает от прогресса материального. Понимают, что способствует этому отставанию некая инертность и косность нашего мышления, свойство предпочитать привычные, проторенные пути целине. А религия, изменяясь и перестраиваясь в веках и тысячелетиях вместе с изменениями в социально-экономическом бытии людей, в то же самое время неизменно сохраняет множество пережитков всех предыдущих эпох, является дрожжами, питательной средой этой косности.

Религии свойственно догматизировать явления и понятия, объявлять извечными законы, родившиеся в определенных социально-экономических формациях, бережно поддерживать всем своим авторитетом обветшившие формы жизни, понятия морали разных эпох. В то же самое время в эксплуататорских государствах религии свойственно слепое доверие к авторитетам, учение о смиренном подчинении тем, кто у власти, тем, кто выше,

сильнее, богаче. Она основана на учении о покорности и терпении в скорбях, бедах и лишениях.

Всё это выгодно тем, кто хотел бы остановить колеса истории, завести жизнь в тупик. Полезно тем, кто живет эксплуатацией человека человеком, кто хотел бы всегда оставаться вверху и иметь покорное человеческое стадо под ногами, стричь и резать овец из этого стада по мере желания и надобности, наслаждаться их податливой покорностью, строить свое счастье на слезах людей и отказывать им самим в праве на личные чувства, на свой мир, свое место под солнцем.

На Западе религия и по сей день исправно и старательно служит капиталу. Правда, не те уже теперь времена, чтобы осуществлять это просто и прямолинейно. Пастыри западного «словесного стада овец Христовых»¹ демагогически кричат о правах этих овец, о «любви божией» к трудящимся, грозно громят в проповедях богачей, «забывающих долг милосердия во имя Иисуса Христа» и тут же предлагают овцам «возложить печали свои» не на профсоюзы, а на бога, бороться за место не на земле и под солнцем, а в «раю небесном» у «солнца правды Христа бога нашего», ждать равенства и всех прав не в государстве, а в «горнем Иерусалиме» после мистического и туманного «второго пришествия»... Изменились времена, изменились методы, но суть и цели религии остались старые. И это главное.

Оттуда, с Запада, и сегодня, и, может быть, даже более, чем когда-либо, устремляются жадные взгляды на великие просторы нашей Родины.

Во-первых, потому, что она — сокровищница, полная ценностей. А тем, кто деньги, стяжение сделал своим подлинным богом, — всегда денег мало. И всегда карман соседа желаннее собственного.

Во-вторых, наше движение вперед ужасает Запад, как опасный пример. Капиталисты боятся, как бы их «овцы» не поняли, что у нас в СССР нет «овец», а все — люди, имеющие равные права и обязанности, и что это делает нашу страну счастливой, открывает величайшие перспективы и возможности. А если они захотят того же? Увидев свет — пойдут к свету? Нет, нет, нет! Как

¹ Выражение в данном случае не ироническое, а заимствуется нами непосредственно из повседневной практики и литургической терминологии церкви.

допустить это! Что же останется тогда стригущим «овец», пожирающим их? Зубы на полку? Разве кто-либо когда-либо проделывал это добровольно? Что же остается? Закрыть свет? Погасить? А силенки-то есть?

Вот тогда и возникает у них мысль: а не совершить ли идеологическую диверсию — попытаться поколебать уверенность советских людей в своем идеале — коммунизме, поставить его под сомнение? Не попытаться ли напомнить советским людям об их прошлом «овечьем» состоянии при царизме? Не попытаться ли вернуть их в овечьи загоны церкви Христовой? Глядишь, и пастырям шерстки клок достанется и стригущим — шкурки на шубу. И примера не с кого брать будет. Все будут одинаково блеять и повиноваться.

В одной из статей заграничной печати проводилась мысль о бесполезности лобовых атак на советских людей и выражалась надежда возродить в них кроткое учение Христово, — оно-де смирило бы человеческую гордыню и помогло бы советским людям понять идеалы, цели, задачи и чаяния «свободного мира»...

Вот и засыпают к нам библии и проповеднические листовки. Вот и делают ставку на «смиряющее души слово божие».

Позволю себе на минуту отвлечься.

Для автора этой книги советский период его жизни начался поздно — в 1940 году. Первая половина его жизни прошла в буржуазно-капиталистической Эстонии. Так что есть что сравнивать. Он знает теперь по собственному опыту и тот и другой мир. И тем дороже ему наш — советский.

Вот почему попытки чуждой нам религиозной агитации автор, потерявший в религиозных блужданиях лучшие годы своего бытия, воспринимает болезненно и остро, как намерение повернуть наших людей на пути, ошибочность и горечь которых пишущий эти строки изведал на своей спине.

Он ставит своею целью предостеречь людей от необдуманного вступления на пути религиозной веры, советует не доверять кажущейся красотости слов и поучений заокеанских или западноевропейских проповедников христианства, откуда бы они ни звучали — по радио, через книги и листовки или иными какими способами.

Во имя этого начат и сегодняшний разговор, написана предлагаемая читателю книга. Разговор, как думается, тем более нужный и своевременный, что зарубежная пропаганда с каждым днем становится всё более навязчивой, всё более изощренной...

С какими только «изобретениями» западных пропагандистов не приходится встречаться! Известно, что главные четыре книги христианского Священного писания носят название евангелий: Евангелие от Матфея, то есть изложенное Матфеем, от Марка, от Луки и от Иоанна. Слово «евангелие» (от греческих «εὐ(ε)v» — «благо» и «ἀγέλλω» — «извещаю») означает «благая весть».

Поставщики контрабандной религиозной литературы тоже мнят себя евангелистами — «благовестниками», несущими «обезоженным», а потому-де «грешным», советским людям «благую весть о боге и его правде». Но если спросить: «А от кого же звучат эти новые евангелия?» — ответы получаются довольно неожиданные и удивительные.

Вот, например:

«Евангелие от колонизаторов

Оно спустилось к нам с неба. Не фигурально. С пропагандистского воздушного шара. Почему мы называем его «от колонизаторов»? А вы взгляните на обложку этой листовки.

На голубом фоне белым изображен юноша — скорее мальчик, обнаженный до пояса, со связанными сзади руками. Ниже — черным — ременная плеть, так называемая кошка-девятихвостка, с узлами на каждом «хвосте». Заглавие листовки — «Слово полковника неизменно».

Уже сама обложка настораживает, — на листовке религиозного содержания — орудие пытки и жертва пытки. Обратимся к тексту. Он начинается так:

«В продолжение моей службы в Индии, в те бурные времена мятежа и убийств, у меня в полку был маленький трубач». Далее рассказывается, что это был мальчик сирота 14 лет, Вилли. Отец его был убит, мать умер-

ла.¹ «После смерти матери жизнь мальчика стала несносной от презрительных насмешек и грубых шуток солдат, для которых он стал как бы мишенью».

Полк выступил в лагерь на стрельбы. По просьбе фельдфебеля, уверявшего, что «этот мальчик святой» и благотворно влияет на солдат, полковник взял мальчика в лагерь.

«В то время я имел партию грубых рекрутов», — продолжает он рассказ.

Разберемся. Кто, кроме заядлого колонизатора, мог бы охарактеризовать мужественную и мученическую борьбу великого индийского народа за свое раскрепощение и освобождение как «бурные времена мятежа и убийств»? Никто. Вот почему мы назвали эту листовку «евангелием» от колонизаторов.

Далее. Кто, кроме презирающего «низшие классы» аристократа, стал бы подчеркивать грубость, «низменность» солдатской массы? Здесь явно звучит голос классового врага трудящихся. Но дальше.

Вскоре в лагере начались грубые нарушения дисциплины. «Я дал слово, — пишет полковник, — что в следующий раз первый, кто совершил такой проступок, будет наказан плетью для примера другим».

Слово полковника неизменно

«Евангелие» от колонизаторов. Заграничная религиозная листовка с проповедью смиренния и жажды страданий, украшенная изображением орудия пытки и жертвы пытки.

¹ Советский читатель удивится: а почему мальчик не был отправлен в школу, в детдом? Но речь идет о капиталистическом мире, в котором и оставление ребенка при воинской части, где служил его отец, уже считалось актом милости.

Смотрите, с каким эпическим спокойствием, с каким знанием палаческого дела повествует этот благовестник-просветитель нашим советским людям о телесных наказаниях. А мы-то возмущаемся зверствами колонизаторов в Анголе и Южном Вьетнаме, недавней «мокрой» работой оасовцев в Алжире и гитлеровских гестаповцев по всей Европе!

Кто-то испортил мишени. Расследование привело к палатке, где спал и Вилли. Никто не хотел признать вину. Полковник объявил: или кто-либо из спавших в палатке примет наказание, тогда остальные будут свободны, или каждый получит десять ударов плетью.

Заметьте, офицер обращается к своим солдатам, а не к заключенным в концлагере. Не об уголовниках, рецидивистах и выродках идет речь, а о недавних крестьянах, рабочих, мастеровых, ныне рекрутах, призванных на военную службу.

Они так привыкли к своему страшному миру, авторы подобных «откровений», что даже не чувствуют, как мерзок должен быть для советского человека тот мир, который они пропагандируют и представляют.

Что было дальше?..

После двух минут тишины вперед выступил Вилли и заявил, что примет наказание, если остальные будут от него освобождены. И поскольку и после этого никто не призывался, полковник, считая, что его «слово должно быть твердо», решил истязать ребенка.

Здесь надо учесть две стороны. Первая — поведение благовестника-рассказчика. Вы заметили, что самое заглавие «Слово полковника неизменно» как бы подчеркивает важность того, что колонизаторы, «господа» умеют «хранить свое лицо». Полковник и занят только тем, как бы не уронить достоинства. Ему ничего не стоило сказать: «Иди в строй! Речь идет о солдатах, а ты ребенок». Но он так занят собой, своим «весом» и «значением», что думает по существу не о ребенке, а о том, в какое он, полковник, «поставлен положение». Страшная «мораль» подлого мира жестокого индивидуализма и классового презрения «высших» к «низшим». И всё это подается подчеркнуто, как пример для подражания нашим людям.

Вторая сторона еще страшнее. Почему Вилли вышел из строя? Может быть, он дружил с виновным и тогда

его поступок был бы понятным порывом высокой человеческой дружбы. Нет! Вилли — воспитанник отцов духовных, наставлявших его в «христианской морали». Как увидит читатель дальше, целью его «жертвы» была проповедь страдания, внушение провинившемуся солдату, что «Христос умер и за него». Внушение смирения, покорности, подчинения власть имущим. Радостного приятия страданий за подлинные и воображаемые грехи. И уж конечно же полного непротивления всем неправдам и жестокостям окружающего классового мира. Недаром фельдфебель охарактеризовал Вилли «святым»...

Что же получается? Есть плети, жестокость, надменность, презрение к подчиненным — так им и быть. «Бог этот мир создал. Богу его и судить». Какая удобная, гибкая мораль для угнетателей и насильников! Как непроходимо безнадежна она для угнетенных и подчиненных! «Христос умер за нас — и мы должны быть готовы умереть за него». «Он терпел и нам велел. На том свете зачтется...» Как не вытерпеть всех мерзостей этого мира, когда в том нам сияет рай!

Может быть, мы произвольно дописали в листовку мысли, которых там нет? Делаем белое черным? Да-вайте же посмотрим, что написано в ней дальше.

А дальше говорится: «..я отдал приказ. Покорно лежал он с обнаженной спиной, когда один... два... три удара опустились на него. За четвертым ударом слабый стон вырвался из его уст». Христианин-колонизатор, полковник, от лица которого идет рассказ, стоял и смотрел... А сердце виновного солдата, человеческое живое сердце, — не вытерпело. Он выступил из строя и попросил остановить истязание ребенка. Мальчик успел ему сказать: «Ты свободен. Слово полковника не может быть нарушено». И потерял сознание. Он умер через сутки. Христианнейший убийца еще «оказал ему честь», придя навестить его. У постели умирающего был виновный солдат, повторявший в ужасе: «Зачем ты так сделал, мальчик?» Но передаем слово листовке:

«Я думал, что, может быть, это тебе поможет понять, почему Христос умер за тебя», — ответил Вилли.

«Христос ничего не может иметь общего с таким грешником, как я».

«Он умер, чтобы спасти таковых, — ответил Вилли.— Он сошел с небес, пострадал и умер вместо тебя, и теперь он зовет тебя прийти к нему».

Солдат плакал и каялся.

Вилли умер от четырех ударов. Хорошее же было бы наказание, если бы полковник каждому подозреваемому «отпустил» по десяти ударов, как собирался. Это же чуть ли не массовое убийство.

И всё в порядке. Ничто не осуждается... Осуждается лишь любая попытка выйти из повиновения этому жестокому миру...

А вот и награда, о которой повествует конец листовки. Вилли умер, но зато «его дух перешел от земли на небо».

Смерть от пыток на земле, смирение, покорность, радостное приятие страданий и «рай» на небе... Реальная мука в мире, в котором мы живем, кажущаяся награда в мире, которого нет, не было и не будет. Таково «евангелие» от колониализма, — колониализма, церковно благословляемого, «богоустановленного», паstryями опекаемого.

Зачем понадобилось посыпать к нам такие листовки?

Ответ прост и ясен!

Советский народ сломал хребет фашизму. У недобитых эсэсовцев еще и сегодня болят свернутые скулы. А наш дом — богатый и цветущий по-прежнему — вызывает у них волчьи голодные спазмы и обильное слюноотделение жадных шакалов. Хочется, и страшно. Взять бы, да спины болят. А «главный дирижер», стоящий за спинами деятелей ФРГ и недобитых эсэсовцев, — капитализм, военщина США — подталкивает, нашептывает, подзуживает: а если с помощью божией? Если попытаться перевоспитать сначала тех, у кого такие сильные кулаки?

Может быть, удастся внушить советским людям смиренное искашение Христа страждущего, для которого умер Вилли Голт? То-то удобно будет! Ты ворвешься в чужой дом, начнешь раздевать и грабить. Даешь пощечину хозяину, а он развернет посланное тобою миниатюрное Евангелие от Матфея, вроде того, что лежит сейчас предо мною, из той же «небесной» посылки, и прочтет:

«Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую

щеку твою, обрати к нему и~другую» (Матфея, гл. 5, ст. 39).

И подставит щеку в надежде на Христовы «милости» на «том свете».

Ты начнешь имущество хозяйское паковать. А хозяин почитает Евангелие и найдет в нем заповедь:

«И кто захочет... взять у тебя рубашку, отдав ему и верхнюю одежду» (Матфея, гл. 5, ст. 40).

И предложит покорно:

— Может быть, вам помочь вещички в чемоданы упаковать? Легче выносить-то будет!

Ты погонишь хозяина в новые Майданеки и Освенцимы. А он припомнит слова того же Евангелия:

«И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Матфея, гл. 5, ст. 41).

И скажет:

— Может быть, с песнями или рысцой прикажете?

Ты поставишь его под пулеметы к стене. А он вспомнит слова Христа в том же Евангелии от Матфея:

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благоворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матфея, гл. 5, ст. 44).

И скажет:

— Что вам утруждаться — разрешите, мы сами себе вырвем коронки золотые и сложим куда следует, обрежем на диванные подушки косы наших дочерей и жен, выроем себе заранее могилы. А то вы ведь к лопате не-привычные. Еще пузыри на руках появятся.

Вот на кого и во имя чего работает «кроткая вера Христова», посланная нам «с небес» евангелистами от колониализма и капитализма.

А они, кстати, надеются, что кто-нибудь клонет на них приманку. На лежащем на моем столе Евангелии и адресок штемпелем нашлепали. Пишите. Читайте. Снабдим вас досытка...

Любопытно, что воздушный шар с листовками, как известно, был запущен на Дальнем Востоке, а адресок дан на Ближнем... Широка паутина идеологического одурачивания. И карта паучьих гнезд совпадает с картой баз, с которых смертельные жала атомных и ядерных ракет нацелены в сердца людей мира и созидания...

Такова звериная логика колонизаторов. Награда-то на том свете! Почему же не попытаться ускорить отправку миллионов просвещаемых листовками и евангелиями людей за получением ее...

Рядом с акулами, спекулирующими на смирении христианском, юятся не без надежды на лакомый кусочек за счет народа нашего и щучки помельче. Вот, например:

«Евангелие» от эмиграции

Тоже «дар с небес». Крохотный розовый листок — вроде бутылочной этикетки. Всего один стих из Нового завета — попытка напомнить людям, что «без бога не до порога». Авось не вспомнят люди даров этого «бога любви» — тайфунов и цунами,¹ обвалов и наводнений, засухи и сельскохозяйственных вредителей и всего того «благоустройства мира божьего», которое не осушает на лице земли слез человеческих...

Почему же мы назвали этот лоскуток бумаги «евангелием» от эмиграции? Дело в том, что стих из Евангелия дан на фоне рисунка церкви вроде «Василия Блаженного» и перед нею «ваньки» — извозчика в кафтане с кнутом в руках. Кто как не медленно умирающий на чужбине человек без Родины — эмигрант времен Великой Октябрьской революции — может представлять себе такую Русь!

Если жалкими и мерзкими выглядят потуги пропагандистов под маркой «Made in USA» («Сделано в США» — а именно это на них обозначено), то есть силы, которые для тех же целей готовы привести в действие усилиями тысяч фанатиков отработанные методы и приемы, тонкие подходы, психологические разработки и эффекты. И не только готовы привести в действие, но и приводят. Мы имеем в виду сложную пропагандистскую машину католического монашеского ордена иезуитов.

Об одном из ее «пробных шаров», пущенных в наш советский огород, и пойдет, собственно, речь в этой книге, как об «Евангелии» от... иезуита.

¹ Цуна́ми — губительные приливные волны, сметающие океанские побережья; вызываются подводными землетрясениями и подводными движениями земной коры.

О ИЕЗУИТЕ ЛЕЛОТТЕ, ЕГО ОРДЕНЕ И ПЕРЕВОДЧИКЕ

С некоторых пор среди проникающей из-за рубежей пропагандистской литературы в разных уголках нашей Родины стала всё чаще попадаться книга с претенциозным заглавием «Решение проблемы жизни (Христианское мировоззрение)». Рисунок на ее обложке, изображающий юношу лыжника на фоне заснеженных гор, как бы адресует ее к нашей полной жизни и сил молодежи, любящей спорт и природу. В книге 390 страниц иллюстрированного текста и несколько вклейек на меловой бумаге.

Над смыслом, сутью, целью жизни задумываются многие. Произведения с подобными названиями находят читателей — не всегда при этом достаточно критичных и подготовленных, чтобы во всем правильно разобраться. Какое же решение проблемы приносит эта книга нашим советским людям? Ее эпиграфом автор избрал изречение из Первого послания апостола Петра (гл. 3, ст. 15) в Новом завете: «Будьте всегда готовы вся кому, требующему у вас отчета в вашем упновании, дать ответ с кротостью и благоговением», — и тем самым прямо ставит себя в качестве наставника и учителя. Откуда же она пришла к нам, эта книга? Кто ее написал? И насколько честно, непредвзято, правильно?..

Объяснение дает предисловие переводчика — Владимира Ильина — белоэмигранта, профессора Парижского православного богословского института, который существует главным образом на американские подачки через организацию YMCA (Христианский союз молодых людей). Не знаю как сейчас, но в свое время это был видный деятель реакционной религиозной организации эмигрантской молодежи — РСХД (Русское студенческое христианское движение). В 1929—1932 годах я был членом кружков РСХД в Таллине и Тарту, встречался с Ильиным. Знаю его книги: «Загадка жизни и происхождение живых существ» (Paris, YMCA-Press, 1929, 116 стр.), в которой он пытается извратить дарвинизм, приспособить естествознание к целям религиозной пропаганды, и «Шесть дней творения» (Paris, YMCA-Press, 1930, 232 стр.), в которой В. Н. Ильин, подделывая Библию под науку, а науку под Библию, не менее безза-

стенчиво, чем в первой книге, фальсифицирует ряд естественных наук и играет в наукообразность.

Уже в начале предисловия В. Н. Ильин заявляет, что переведенная им книга «представляет особый интерес для православного читателя, так как ничего подобного еще не появлялось на русском языке», и что автором ее является «отец Лелотт».

Чем же привлек переводчика труд отца Лелотта и кто он — этот «отец», что так восхитил эмигрантское «светило от богословия»?

Ильин не может не видеть, что грандиозные открытия науки наших лет не оставляют камня на камне от доводов прежних апологетов церкви, и пишет:

«Пришлось пересмотреть проблемы христианского мировоззрения в свете совершившихся событий, и в этом именно смысле произведение отца Лелотта является единственным в своем роде. Этим и объясняется его огромный успех и появление этого труда на 12 языках, — очевидно, в таком труде назрела самая жгучая потребность».

Понятно волнение, с которым ухватился за книгу Лелотта русский эмигрант Ильин. Ведь для людей, потерявших родину, хранение древних обычаев, обрядов, видимостей национального облика становится единственной отдушиной, позволяющей как-то жить и не чувствовать себядвигающимися покойниками. А религия, с ее застойностью, «извечностью» догматизированных «истин», является той соломинкой, за которую хватаются люди, оказавшиеся за бортом истории.

Радость Ильина понятна. Но кто же он, обретенный Ильиным, «отец» — спаситель христианства и «русского православия» в частности? Ильин не скрывает. Он с гордостью представляет автора книги своим будущим читателям:

«Отец иеромонах Лелотт принадлежит к обществу Иисуса, — ордену, известному своей передовитостью, независимостью и научностью».

Православный богослов-эмигрант в своей ненависти ко всему передовому и прогрессивному докатился до откровенного признания заслуг и полезности ордена иезуитов.¹ Этот орден появился на мрачном горизонте хри-

¹ Мы далеки от мысли чернить всю русскую эмиграцию. Русская пореволюционная эмиграция прошла сложный путь, — от не-

стианской, католической истории 27 сентября 1540 года, когда папа Павел III утвердил официально монашеский союз, основанный в 1534 году «святым» отцом иезуитов Игнатием Лойолой. Присоединив к трем основным монашеским добродетелям (безбрачию, бессребреничеству и послушанию) четвертую — беспрекословное повинование папе, орден поставил себя в положение папской жандармерии. Папы скоро оценили пользу новой организации. Недаром иезуиты с первого дня своего существования не признавали над собой никакой другой светской или духовной власти, кроме орденского начальства и папы. Они стали исполнителями самых тайных, часто откровенно преступных, замыслов папской политики. Коварство и обман, интриги и использование тайны исповеди, провокации и заговоры, убийства и организации государственных и дворцовых мятежей и переворотов стали обычными средствами осуществления их планов *«ad maiorem dei gloriam»* — «к вящей славе божией», как они обозначили это на своем девизе.

Иезуитам принадлежит сомнительная честь изобретения «двойной морали», суть которой состоит в том, что человек клянется или заверяет другого в чем-нибудь устно или письменно, а сам про себя клятвенно перед богом утверждает противоположное. И «слово пред богом побеждает слово пред человеками». С самого начала своего существования орден усиленно занимался воспитанием юношества, захватил множество школ, университетов. Иезуиты воспитывали юношество в отупляющей покорности вере и в мракобесии, развили огромную миссионерскую деятельность. В свое время в

ненависти к удивлению, а порой и к восхищению нашей советской явью, великими победами Страны Советов на фронтах второй мировой войны и в мирном созидании. Великая Отечественная война поставила перед эмигрантами жгучий вопрос: с кем они в тяжелых испытаниях, постигших Родину и весь мир? Тысячи представителей эмиграции ответили на этот вопрос, что они вместе со своей Родиной. Но некоторые оказались всё же твердолобыми в своей вражде. Так в войну и после нее произошло расслоение русской эмиграции. Одни ее представители стали друзьями Родины, почувствовали, что и у них есть где-то родной дом, которым нельзя не гордиться, который нельзя не любить. Многие из них решительно окончили свое эмигрантское житье на чужбине и вернулись. Часть осталась где была, но с новыми чувствами и думами. И только упорные в своей ненависти к советской власти продолжали оставаться в лагере наших врагов. О них-то и ведем мы речь.

Южной Америке ими было основано церковно-рабовладельческое государство (в Парагвае), правители которого пролили море крови местных индейцев, высасывали из них все соки, уничтожали местную культуру, национальное искусство многих племен Южной Америки. Способствовали они во многом и попыткам пап удушить свободную науку — созданием «Index librorum prohibitorum» — «Индексов запрещенных книг».

В отдельных государствах иезуиты нередко открыто изобличались в предательской, шпионской деятельности, в финансовых, спекулятивных и просто мошеннических махинациях, присваивании имущества и тому подобных неблаговидных делах.

Дошло до того, что в 1773 году папа Климент XIV под давлением общественности и протестов в разных странах вынужден был официально закрыть и распустить орден. Но он был так нужен самим папам, что, как только изменилась международная политическая ситуация и ожидалась международная реакция, орден был восстановлен (в 1814 году). Правда, из России уже в 1920 году иезуиты были изгнаны после представления им целого списка криминальных и мошеннических дел.

Шло время. Менялись взгляды. Религии приходилось переходить от наступления к обороне. В поисках опоры и союзников верхушка католичества стала всё более превращаться в один из центров мировой империалистической реакции. В связи с этим и орден иезуитов становится гибким и податливо-послушным орудием империалистов и ватиканских заправил от религии в их колониально-капиталистической политике. Интервенции против молодого Советского государства, организации «крестовых походов» против Страны Советов, поддержка фашистских режимов Муссолини и Гитлера, консолидация с американскими монополиями, заговоры и подрывная деятельность империалистов в странах социалистического лагеря — таковы мрачные страницы истории и современности, которые отмечены обязательным участием в них ордена иезуитов.

Что такое орден иезуитов численно? Это 36 000 членов, 15 принадлежащих им университетов и более 400 институтов, в которых подвергается тонкому воздействию свыше 150 000 обучающихся в них. Тысячи школ, сотни газет и журналов. Нельзя не обратить внимание и на

Решение Проблемы Жизни

Ф. ЛЕЛОТТ

Обложка книги Ф. Лелотта. Демагогическая фотография, рассчитанная на привлечение внимания молодежи, тянувшейся к путешествиям в дальние края, к штурму вершин, к большому человеческому подвигу. А за обложкой таится ложь, яд, фальсификация...

тот знаменательный факт, что самая крупная организация иезуитов теперь находится в США. Иезуиты такая сила, что реакционные политики мирового масштаба считают необходимым заигрывать и дружить с ними. Недаром сын бывшего государственного секретаря США Фостера Даллеса — Эвери перешел в католицизм и стал деятелем ордена иезуитов.

Мы не ставим себе цели повторять здесь всё, что можно сказать и что было сказано об иезуитах и их деятельности, а потому отсылаем читателя к такому замечательному документу, как книга-разоблачение бывшего иезуита и богослова Алигера Тонди «Иезуиты» (М., Изд-во иностр. лит., 1955).

Таков этот «известный своей передовитостью», по словам русского православного богослова-эмигранта, орен.

А сегодня? Когда во второй половине 1962 года на I сессии XXI католического Вселенского собора его участники, вынужденные учитывать антивоенные настроения широких масс католиков, принимали обращение о борьбе за мир во всем мире и о мирном сосуществовании, группа иезуитов организовала в Риме антисоветскую выставку, чтобы разжечь страсти и вызвать взаимоотталкивание людей разных лагерей и воззрений.

Преемник агрессивного твердолобого Пия XII — папа Иоанн XXIII присоединился к борьбе за мир и мирное сосуществование народов, за прекращение гонки вооружений и переговоры Востока с Западом. Причина этой перемены понятна: в Ватикане есть люди, умеющие судить трезво; это качество особенно проявляется, когда дело касается интересов самой католической церкви. Борьба же за мир пользуется такой всеохватывающей популярностью в роде человеческом, что не признать ее — значит рисковать оттолкнуть от себя основные массы простых верующих людей...

Кому как не папе Иоанну XXIII, который долгие годы, проходя свое церковное служение во многих странах, лично соприкасался с положением религии на местах, было лучше это знать и лучше, чем деятели Римской курии,¹ учитывать основные стремления верующих масс, чаяния и заботы рядовых трудящихся-католиков

¹ Курия — совокупность центральных католических учреждений в Ватикане.

по лицу земли. Вот почему, как показали события, покойный папа Иоанн XXIII не мог поддерживать политику «холодной войны» и развязывания мировой бойни. И чем бы ни были вызваны перемены в политике Ватикана по вопросам войны и мира, мы можем только приветствовать их. Нам дорого и важно всё, что противодействует войнам и истреблению.

В октябре 1962 года, на приеме в Ватикане польских епископов — делегатов II Ватиканского (он же XXI Всеяленский) собора, папа сделал еще один шаг, чтобы вернуть уважение масс (на этот раз со стороны населения стран социалистического лагеря) к католической церкви, заявив, что он — «за неизменность послевоенных границ по Одеру—Нейссе,¹ что вызвало ужасное недовольство в Бонне».²

И вот при таком развитии событий большинство иезуитов осталось в лагере крайне правых твердолобых фанатиков — консерваторов, который возглавляет великий инквизитор кардинал Оттовиани.

Кажется, впервые в истории католичества иезуиты, верная гвардия пап, оказываются «монархистами более самого монарха» и зачисляют себя в лагерь, не поддерживающий мероприятий, мнений и желаний папы, а, наоборот, противостоящий им.

Это — об ордене иезуитов в широком масштабе.

А каково отношение иезуитов непосредственно к православию?

Для иллюстрации позволю себе рассказать только о некоторых эпизодах, связанных с иезуитами, из своей личной практики, — практики бывшего православного русского священника в буржуазной Эстонской Республике 1935—1940 годов.

Буржуазная Эстонская Республика была в религиозном отношении страной протестантско-православной. Около 80 процентов ее населения (при общем населении в 1,2 миллиона) исповедовали лютеранство, 20 процентов — православие (приблизительно 100 тысяч русских и немного больше эстонцев). Кроме того, были еще

¹ Граница по Одеру—Нейссе между Польшей и Германией (ГДР) установлена соглашением держав-победителей сразу же по окончании второй мировой войны.

² Цитируем по заметке в «Известиях» от 21 октября 1962 г.

немногочисленные группы сектантов (баптисты, методисты, армия спасения и т. п.), несколько общин старообрядцев (в Причудье) и тысячи четыре с половиной иудаистов (еврейской национальности). Католиков было тоже около четырех тысяч, главным образом из числа некогда осевших здесь поляков, литовцев и немцев. Они имели несколько костелов (в Таллине, Тарту и еще кое-где). И вот Ватикан обратил на маленькую республику свое особое внимание и объявил ее *terra missio-pes* — страной, подлежащей усиленной обработке католическими миссионерами.

В короткое время было заменено почти всё духовное руководство местных католических приходов. На все места были назначены иезуиты, присланы целые отряды монахов и монашек; появились и униаты.¹ И все они оказались тайными иезуитами.

Был назначен епископ. При костелах появились униатские приделы или часовни. Проповеди, кромепольского и немецкого языков, как было до этого, стали читать на эстонском и русском языках. На этих же языках начали издавать пропагандистскую литературу. В конце концов на всю республику остался один ксендз (Винcentий Денис), не связанный с иезуитами, которого начали подвергать систематической травле и в результате вынудили его уехать.

Какие меры предпринимались иезуитами для вербовки иноверцев (православных, лютеран и др.) в католичество? Приведу только один пример.

¹ Христианство с самого начала своего существования делилось на основное течение и множество непрерывно возникавших ересей (т. е. с точки зрения основной линии — лжеучений) и отколов (когда учение основной линии в общем не изменилось, но та или иная группа выходила из повиновения возглавлению церкви). В XI веке основное течение раскололось на два -- римско-католическую церковь на Западе и греко-кафолическую, или православную, на Востоке. Католики неоднократно пытались привлечь к себе православных, предлагали им унию, то есть союз (1274 г., 1432 г.). В 1596 г. т. н. Брестской унией большому количеству православных Зап. Украины и Зап. Белоруссии уния была навязана силой. Униаты сохранили православные обряды и богослужение (правда, уже с сильным налетом окатоличивания), но признали над собою главенство папы. После второй мировой войны подавляющее большинство униатов на территории Советского Союза воссоединилось с православной Московской патриархией, но за рубежами нашей Родины униаты имеются еще во многих странах.

Были устроены школы-интернаты, куда приглашались дети нуждающихся русских родителей. При этом родителей монахи и монахини заверяли, что ими движет чистая христианская любовь к бедным и нуждающимся и они слова не скажут детям в пользу католичества и не будут их переманивать в свою веру. И действительно, «не переманивали». Но что делали?

Детей водили и в костел и в православную церковь. В православную водили в будни к ранним обедням, когда нет хора, бормочет дьячок, храм пуст, холоден, неуютен. Невыспавшихся ребят заставляли стоять на вытяжку, — так-де велит ваша вера, — ничего не объясняли. Ребята скучали и с отвращением ждали конца этой пытки православием. А в костел водили в праздники и парадные дни, предварительно понятным языком объясняли, что к чему, сажали на скамьи, уводили, если замечали, что дети начинали уставать. Ребята видели множество молящихся, свет, блеск, красивые ризы, слышали пение и музыку. Им было интересно. После этого их вели на праздничный обед. Так создавалось ощущение радостного переживания. Вскоре наступала опять очередь тягостного стояния на непонятных и скучных будничных обеднях православия. Контраст был явным. И ребята вскоре объявляли родителям: мы желаем стать католиками и верить в бога доброго папы римского, добрых отцов иезуитов...

Припоминается и личный опыт.

Моя прихожанка по таллинской Казанской церкви — прелестная девушка — влюбилась в поляка-инженера из старой, известной в Эстонии семьи. Он ее полюбил не менее крепко. Родители отнеслись к роману хорошо. Намечалась свадьба:

Девушка хотела венчаться православным обрядом, а родители жениха мечтали о католической свадьбе. Решили венчаться дважды. Договорились со мною. Пошли к ксендзу. Попали к единственному не иезуиту отцу Викентию Денису. Этот ксендз, долго живший в свое время в России среди православных людей, хотя и был человеком фанатически верующим, но в исповедном смысле довольно терпимым.

Жениху он сказал:

— Наши не пойдут на разрешение двух свадеб. Я иезуитов знаю. А на католической я буду обязан взять

подписку, чтобы дети были крещены в католичество. Но ведь мать, говорю о вашей будущей жене, захочет детей воспитывать единоверцами. Я верю, что Христос у нас и у православных один, и не хочу быть насильником. Придется пойти на хитрость. Что ж, иезуитов и обмануть не грех. Не они ли сами учат, что «цель оправдывает средства»... Сделаем так. Вы обвенчаетесь сначала у отца Александра Осипова. И пусть он возьмет с невесты и с вас подписку, что дети будут крещены в православие. Потом вы приезжайте в костел, и я вас венчу, как будто бы не знаю о состоявшемся православном обряде. А когда после свадьбы предложу вам с женой вашей расписаться в католицизме будущих детей, ваша жена ответит, что уже дала одну подписку и не может дать противоположную...

Так всё и было устроено. Отец Викентий Денис (теперь его давно, очевидно, нет в живых, и это разоблачение ничем ему повредить не может) в глазах католиков сам оказался как бы одураченным... и невиновным.

Я заслужил от иезуита-епископа эпитет «розумна бестия!» (говорю со слов самого Викентия Дениса). Право же, похвала была не по адресу. Я, молодой и неопытный, так одурачить иезуитов тогда не сумел бы, не будь Викентия Дениса.

Но иезуиты не успокоились.

Во время брачного пира в доме родителей жениха на пороге комнаты внезапно выросла мрачная фигура монаха с надвинутым на глаза капюшоном рясы. Подняв руку, монах торжественно пожизненно отлучил от причастия («за предательство во власть сатанинских схизматиков¹ восходящего потомства своего в третьем и последующих коленах!») родителей жениха и проклял их дом.

Мать, ревностная католичка, упала в обморок. Отца чуть не хватил удар.

Потребовалось ходатайство перед самим папой, чтобы проклятие было снято. Сколько горя, слез, нервов стоила несчастным старикам эта история. Инженер

¹ Схизматики — отколовшиеся от церкви, которая считает себя единственной правильной. В этом отношении православные считают схизматиками католиков, а католики — православных.

добился победы только пригрозив, что он и ряд его друзей отрекутся от католичества.

Но и этим дело не кончилось. Когда приблизились роды, монашки начали склонять молодую, ее мужа и родителей мужа крестить будущее дитя по-католически. Мать не сдалась. Ребенка окрестили в православной церкви. Когда его повезли в церковь (из-за боязни скандала родители не решились крестить дома), монашки легли на лестничных площадках, чтобы не дать вынести младенца. Выли, проклинали. Грозили всеми караами неба...

Теперь для меня, атеиста, любое крещение ребенка — ненужный и невежественный обряд. И любая религия представляется одинаково вредной для людей, шагающих в большие человеческие дали.

Пишу это не для того, чтобы показать, что одно христианское исповедание лучше, благороднее другого. Все они «одним миром мазаны», одни заблуждения под разными соусами проповедуют. Мне хотелось показать, какова рекламируемая проповедниками «христианская любовь» внутри самого христианства. И еще: анализ прошлого вооружает нас данными, разоблачающими то, что проповедует в своей книге Лелотт.

Трудно, видно, приходится церковникам, если они сейчас объединяются там, где прежде грызлись, проклинали и ненавистовали. Плохи дела, в частности, у православных церковников, если их деятелям и богословам приходится рекомендовать, как «свет Христов», книгу своих же давних непримиримых противников.

А ведь Ильин именно так и делает, когда пишет:

«Книгу отца Лелотта, дышащую юношеской свежестью и жизнерадостностью, можно рассматривать как написанную от имени христианской молодежи и обращенную к молодежи всего мира».

Чувствуете, какую «зеленую улицу» для иезуитов, для их пропагандистской литературы и приемов открывает профессор Ильин? ¹

¹ Как в этом создании «зеленой улицы» Лелотту участвуют другие отцы православия (и, в частности, у нас в СССР), см. заметку Я. Сухотина, перепечатанную из «Ленинградской правды», в «Приложениях» к нашей книге.

Вряд ли, однако, люди поверят Ильину. Ведь слово «иезуит» для миллионов простых верующих людей является символом тьмы, преступлений и грязи.

Ильин еще и поясняет, чем книга иезуита Лелотта может оказаться действенной именно среди молодежи. Поясняет прямо и недвусмысленно:

«Характерна для самого автора и его среды (т. е. опять-таки для самого ордена иезуитов! — А. О.) здоровая посюсторонность».

Да, мироненавистничество в наши дни товар не ходкий, залежавшийся... Призывы идти в монастыри, в сугубый аскетизм остаются неуслышанными. Молодежь говорит о небесах только когда речь идет о спутниках, космических ракетах и космонавтах.

Мир и на Западе всё дальше уходит от мистицизма и аскетизма, от подчеркнуто религиозных, отрешенных исканий и стремлений.

Уже десятилетия живущий в Западной Европе, Ильин не может не видеть этого ухода. Видит он его и в молодежно-эмигрантской среде... и беспокоится о потере церковных позиций не менее иезуитов. Потому-то так близки и понятны ему попытки католичества преодолеть, подправить свою идеологию, чтобы отречение от мира сего ушло на задний план, в тень, а на первое место выдвинуть вхождение церкви в современный мир со всеми его проблемами, особенностями, противоречиями и спорами.

Отцы иезуиты как бы примеряются ныне, — а что если, вместо того чтобы звать представителей современного мира прямо в «горные обители», к «воспарению духа от земли на небо», забежать в самую гущу земных увлечений человечества и там напомнить ему о боге и его «святынях»? И вот создаются при храмах спорт-клубы, дансинги, туристские группы. Иезуиты занимаются спортом. На Всемирной выставке в Брюсселе строится павильон «государства Ватикан» со статуей Христа из жести, выполненной в абстракционистском стиле. Маститые «отцы» благословляют пляжи с «одетыми» в две узкие ленточки (на груди и бедрах) купальщицами.

Всё это — попытки церкви войти в мир, поскольку мир не желает больше входить в церкви. Их немало, этих попыток, иногда очень тонких, иногда же вызы-

вающих улыбку своим несоответствием традиционным позициям христианства. Ильин отчетливо представляет себе, как практически слабы рядом с такими приемами иезуитов позиции православия, призывающего ждать «царствия небесного» и стремиться к нему... уповать на то, что «господь близ есть» и дело человека на земле «готовиться к сретению с ним» в «посте, благоговении и молитвах». Ильин и та часть эмиграции, которая единомышленна с ним, понимают, что, держась за обветшалые догматы, они не вернут старую Россию, не опрокинут ненавистный им новый мир с его космическими победами и грозной поступью пятилеток и семилеток.

И Ильин решает, что учиться реалистическому практицизму у католичества никогда не поздно.

Захлебываясь от восторга, он вещает:

«Мудрость всей организации католической церкви, которая влилась в произведение отца Лелотта, заключается в том, что она действует вне апокалиптического¹ террора, мудро устраивая жизнь на земле. Не исключено, что апокалиптический террор, к которому всегда, а в наше время в особенности, так любят прибегать представители церкви,² есть нечто условное...»

Итак, православное богословие Ильин объявляет «апокалиптическим террором», обвиняет в нем и прошлых и современных представителей церкви...

Мы не веруем ни в бога, ни в черта. Нас «апокалипсисом» и «вторым пришествием» не запугаешь. Нам безразличны догматические споры между православием и католичеством. Любая форма религии, любая разновидность христианства для нас — суеверие, пережиток, древние ошибки и заблуждения плененных ими людей.

Но вот православным верующим людям, которым может попасть в руки книга иезуита Лелотта, пожалуй, не мешало бы задуматься над тем, не попадают ли они

¹ Апокалипсис — последняя книга Библии и Нового завета, пророчествующая о конце мира и страшном суде. Апокалиптический террор — здесь: запугивание людей страшным судом, призывами думать об участии их на «том свете» и готовиться к «концу мира».

² Здесь Ильин говорит критически о православии, представителем которого сам же и является.

под анафему православного «исповедания восточных патриархов»,¹ приемля «труд» иезуита, рекомендуемый эмигрантским профессором, именующим себя православным богословом, но открывающим двери католической проповеди.

А Ильин между тем обращается уже не только к православной, но и вообще к русской, то есть к советской, молодежи.

Ссылаясь на преклонение перед католичеством дореволюционного реакционного философа Владимира Соловьева, он рекомендует воспринять и оценить «религиозные искания и религиозную мудрость Запада», ориентироваться на Рим.

Какими же средствами и приемами пытается убедить рекомендуемая им книга иезуита Лелотта нашу молодежь в правоте этих своих идеалов?

¹ «Исповедание восточных патриархов» — так называется символическая книга православной церкви, излагающая основы православной веры (1672 г.).

Часто

первая

**ФАЛЬШИВЫЙ
ФУНДАМЕНТ
ТРУДА ЛЕЛОТТА**

Глава 3

МЕТОД УНИЖЕНИЯ, С КОТОРОГО НАЧИНАЕТ ЛЕЛОТТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

«Зачем жить?», «Познать, в чем смысл их жизни, — вот в чем остро нуждаются люди», — начинает свое произведение Лелотт и тут же декларирует, что уйти от этого вопроса немыслимо, так как-де «нельзя безнаказанно идти против замысла, который бог предначертал и вписал в сокровенные глубины нашего существа».

Первые строки — первая передержка! «Узнаю черта по следам его копыт!» — как говорили в старину. Впрочем, «цель оправдывает средства» — лозунг иезуитов, а отец Лелотт прежде всего иезуит.

Мышление человека — высший продукт особым образом организованной материи мозга, активный процесс отражения объективной действительности в представлениях, понятиях, суждениях и т. д. Мышление всегда связано с определенной формой движения материи — с деятельностью мозга. А Лелотт заранее, как нечто само собой разумеющееся, отделяет это мышление от существа человека и передает некоей внешней, вне материи существующей силе — богу, «предначертавшему и вписавшему» якобы свои «замыслы» «в сокровенные глубины нашего существа».

Что если бы мы с вами сказали: соленость соли вложена в молекулу хлористого натрия извне, а не присуща ей как таковой по ее внутреннему существу, молекулярному составу; что лай собаки привнесен в ее существо извне, а не определяется особенностями ее гортани и конструкцией голосовых связок; что речь человека обусловлена не особенностями его гортани и голосовых связок, развившихся в длительном процессе эволюции, в общении антропоидов и затем людей, в силу нужды в

этом общении для совместной жизни, охоты, обороны, взаимосвязи и поддержки?

«Язык» человекаобразных обезьян насчитывает ныне до сорока «слов», выраждающих их состояния и нужные им понятия. У примитивных племен словари исчерпываются сотнями или тысячами слов, а такие языки, как русский, немецкий или китайский, насчитывают уже десятки тысяч понятий. Огромный процесс эволюции, роста, истории запечатлен, как это знают языковеды, в каждом слове. Сравнительное языкознание — инструмент раскрытия процессов развития нашей речи, да и нашего бытия, отразившихся в языке. А по Библии — язык не продукт развития, а «дар свыше», готовым полученный человеком от бога. Ведь в этом «слове божьем» говорится о том, что пожелал бог — и дал тот же «дар», да еще взаймы, на время, ослице Валаамовой,¹ которая вместо ослиного «и-а» заговорила человечьим голосом, а ее ослиный мозг, мгновенно догнав в развитии своем людей, стал мыслить не хуже самих писателей Библии...

Разумеется, вопрос о происхождении сознания очень сложен. Его нельзя объяснить одной-двумя фразами, как это сделал Лелотт, который свел всё к бездоказательному утверждению, что разум дан человеку якобы богом: Материалистической наукой происхождение сознания объяснено очень обстоятельно и убедительно. Но, не имея возможности специально и подробно останавливаться на этой проблеме в своей книге, мы предлагаем читателю ознакомиться с книгой А. Спиркина «Происхождение сознания» (М., Госполитиздат, 1960, 471 стр.).

Характерна и такая иезуитско-христианская черта разбираемой книги. С первых слов Лелотт пытается смирить, устрашить, поставить на колени своего читателя: «...нельзя безнаказанно идти...».

Вот тут и «познавай», когда заранее намекается, что ты можешь «съесть» только то, что тебе предложат, а на остальное, большее — не дерзай, это-де тебе безнаказанно не пройдет.

¹ Сказка, рассказываемая в библейской книге Чисел, где ослица пророка Валаама вдруг заговорила со своим хозяином человеческим языком, и при этом по-человечески разумно.

Лелотт набрасывает такую картину, чтобы еще более унизить человека в окружающем его мире:

«Вот уже годы протекли с того момента, когда без моего согласия я оказался помещенным на шарообразный механизм Земли, к которой я пристал, как муха к глобусу.

...Говорят, что носящий меня шар ничем не поддержан и ни к чему не подвешен, что за один день он совершает поворот вокруг оси по касательной и описывает вокруг солнца эллиптическую орбиту со средней скоростью 108 000 км в час, что само солнце, увлекая за собой множество своих спутников, среди которых находится и наша Земля, направляется к блестящей Веге в созвездии Лиры со скоростью 70 000 км в час, что 3000 или 4000 звезд, которыми я любуюсь вечером и которые мне кажутся неподвижными, также движутся с головокружительными скоростями в пространстве.

Хотя это и противоречит моим впечатлениям, ничто в мире не находится в покое. Мир является как бы балетной сценой, где исступленные балерины кружатся без передышки. И я, пишущий или читающий эти строки, безнадежно прикреплен к одной из них и вместе с этой спутницей солнца кружусь, кружусь, кружусь».

Показать человека ничтожной песчинкой, затерянной и незаметной в просторах Вселенной, — вот на что делается здесь ставка. Принизить человека, растворить его в бездонности окружающего. Внушить чувство бесконечной малости и ничтожества.

Хочется противопоставить этому внушению ничтожества человеческого другой отрывок, из книги американского геолога Максвелла-Рида, вышедшей у нас в свое время в авторизованном (начиная со 2-го издания) переводе пулковского астронома Л. Савельева, отдавшего жизнь за нашу Родину на Пулковских высотах в Отечественную войну. Я говорю о популярной геологии для юношества «Следы на камне». Редактировал ее всемирно известный ученый — академик геолог В. А. Обручев.

В заключении этой книги было написано:

«Так же как астрономия показывает, что наше жилище — Земля — только одно из бесчисленных небесных тел, космическая пылинка, так же геология пока-

зывает, что наша человеческая история только один геологический день из протекших уже нескольких тысяч таких дней — капля времени.

А история жизни на Земле показывает, что человеческий род — только один из ростков одной из веток дерева жизни, а таких ветвей на дереве жизни бесчисленное множество.

Геология учит нас скромности. И вместе с тем она, так же как астрономия, учит нас гордости.

Бесчисленное количество звезд в небе, и Земля по сравнению с ними — пылинка; что же мы по сравнению со звездой? Но мы сумели построить приборы, которыми уловили их зыбкий свет и сфотографировали его, сумели по этому далекому свету догадаться о строении звезд, узнать, из каких веществ они состоят.

Невероятно огромна Вселенная по сравнению с человеком, и всё же мы поняли ее порядок.

Невероятно мал срок человеческой жизни по сравнению с историей Земли; наш век действительно напоминает век бабочки-однодневки, нет, он даже меньше: если история всего человеческого рода занимает только один геологический день, то чему же равен срок жизни каждого человека?! Несколько геологическим секундам...

А всё существование геологии как науки — науки об истории Земли — укладывается в половину геологической минуты.

И вот, оказывается, за эти полминуты мы сумели проникнуть в тайны Земли, восстановить всю ее сложную и длинную историю.

Мы — только одна из бесчисленных веточек дерева жизни на Земле; но разве какие-нибудь другие животные могут сравниться с нами!

По строению тела мы очень похожи на обезьян, и мы действительно их родственники, как бы двоюродные братья. Но посмотрите, как непохожа наша жизнь на жизнь наших двоюродных братьев. Мы строим города, перекидываем через широкие реки мосты, пробурачиваем, как иглой, горы, разрезаем, точно бритвой, материи; мы глядим в телескоп и видим самые далекие звезды; глядим в микроскоп и видим самые крохотные бактерии; мы дирижируем электро- и радиоволнами; мы научились летать.

Всего этого мы достигли за ничтожно короткий срок. И впереди у нас нет предела.

А наши двоюродные братья и сейчас кувыркаются на деревьях и ищут зубами блох, совсем как сотни тысяч лет назад.

Один астроном приводил, помнится, такое сравнение: если время, протекшее за всю человеческую историю, обозначить толщиной почтовой марки, то время, которое людям еще предстоит прожить на земле, прежде чем Землю постигнет какая-нибудь катастрофа, — время это придется обозначить высотой огромной башни».

Вот что можно сказать по поводу тех же рассуждений, если подходить к вопросу с точки зрения науки и истории, фактов и реальности, а не заранее принятых на веру, унижающих человеческое достоинство догм религии.

Описание Лелотта кажется страшным и безнадежным, если представить себе, что кто-то именно «поместил» тебя, маленького и ничтожного, сюда, в огромное и чужое, чуть ли не враждебное тебе целое, где ты действительно песчинка на пляже, штурмуемом океанскими бурями и прибоями. Но если осознавать себя частью этого большого мира, при этом частью мыслящей, наиболее развитой, возвышенной самим развитием этого мира, этой природы, этой материи, — ощущения, естественно, будут другие. Явится гордое осознание своего места Человека в Мире, венцом развития которого на нашей Планете этот Человек и является. Тогда желание познать и освоить этот мир, величие и необъятность его, начнет привлекать к себе, а не ужасать и запугивать. Так что всё дело в том, в какой позиции, с какой точки зрения смотреть на предмет.

Но будем справедливы. Отец Лелотт «учитывает» возражения, подобные тому, которое сделали мы, и, сам забегая вперед, не прочь признать за человеком некоторые свойства проникновения в окружающий мир. Он пишет:

«Вот что еще удивительно — я часто живу там... где не нахожусь! С одной стороны, я чувствую себя локализованным в определенной точке пространства; с другой стороны, во мне есть дух, постоянно покидающий меня и способный мгновенно пересекать простран-

ство и переноситься в самые отдаленные концы Вселенной.

И этот дух, всецело пребывая в настоящем, постоянно исследует прошлое и прозревает будущее. Не поразительно ли всё это?»

Перед нами вновь заранее предвзятое мнение. Он, видите, ли, готов признать полет мысли человека, но относит его к некоему абстрагированному от физической природы человека «духу», подготовляя этим, как нечто само собой разумеющееся, оправдание и утверждение церковного учения о душе, отдельной от тела. И припоминается недавний спор мой со священником.

В июне 1962 года я выступал с лекцией в г. Бологом. Во время ответов на вопросы встал мой бывший ученик по ленинградским духовным школам местный настоятель священник И. И. Благовещенский и затеял спор. В ходе его он заметил, что духовенству обидно, когда в атеистических лекциях его подразделяют на две категории: верующих-фанатиков и людей, которые в церкви «не ради Иисуса, а ради хлеба куса», и заявил затем... Впрочем, не буду пересказывать, а просто приведу выдержку из описания, сделанного мною сразу же по окончании спора:

Благовещенский. Не оспариваю второй категории. Да, такие есть. И верующим это грустно сознавать. Но в то же время мы даже рады, когда таких отрицательных типов разоблачают и помогают церкви от них освобождаться. Но вот первую категорию оспариваю. То есть, я не отрицаю, что есть и оголтелые фанатики. Но... не только они. Вы забыли главную, основную массу, просто верующих, которым дорога вера, дорог Христос, которые просто молятся и в вере своей почерпают силы жить. Зачем же вы на эту основную массу людей в церкви навешиваете ярлык фанатиков? Можете вы мне на это ответить или нет?

Я. Прежде всего попрошу вас ответить для ясности (вы уж извините, что начиняю с контрвопроса): как вы определяете понятие «фанатик»?

Благовещенский. Ну, человек слепо, и не взирая на доводы разума, доверяющий раз и навсегда принятой или внушенной ему идее, мнению, суеверию.

Я. Отлично. И еще вопрос. Вы слышали об опытах оживления людей? Воскрешения их учеными-медиками?

Как после наступления, констатации клинической смерти, в считанные минуты, пока не начался процесс распада нежнейших в нашем организме мозговых клеток, врачи — медикаментами, физиотерапевтическими и другими приемами или включая искусственное сердце — возвращают организму жизнь и делают мертвца, покойника живым?

Благовещенский. Слыхивал. Читал об этом в научно-популярной литературе. Но я не понимаю...

Я. Сейчас поясню. По учению религии, которую вы — не фанатик, по вашим словам, но искренне верующий, убежденный в вере человек — исповедуете: душа существует самостоятельно от тела. Есть выражения у «святых отцов», где тело именуется «телесной оболочкой», «бранными одеждами» души, где говорится, что тело для души, а не душа для тела, что душа повинуется Богу, а тело — прах, разлагающийся по законам природы. Так ведь? Не выдумал я всё это?

Благовещенский. Так!

Я. Хорошо! Как же тогда понять, что душа, покинувшая тело по воле божией (ибо сказано: ни един волос с головы вашей не упадет, если нет на то воли отца вашего небесного...), покорно возвращается в него по воле медицины? Слушается не Бога, отзывающего душу, а врачей, действующих на тело? Ведь нелепо было бы предполагать, что после того, как кто-либо снял платье или костюм, их стали бы натирать лекарствами, колоть шприцами, массировать и человек в результате этого спешно бы влез в них обратно. А душа под воздействием на ее телесную оболочку, на ее платье, именно так и поступает. Покорно вновь надевает оболочку на себя, вопреки законам логики духовной и формальной, показывает свою подчиненность телу, зависимость от него, а не от Бога. Не доказывает ли это, что Бога, якобы управляющего душой, великого и всемогущего, не существует, души — отдельной от тела — нет? Есть жизненные и психические функции организма, восстанавливаемые воздействием на организм, которому они присущи, высшие формы деятельности которого они представляют. Не приводит ли это доказательство, этот факт, абсолютно достоверное и многократно наблюдавшееся явление, к выводу о необходимости отказаться от убежденной веры в отдельное существование души от тела,

на котором зиждется вся православная антропология, религиозная «наука» о человеке?..

Благовещенский. Видите ли... вопрос о душе — это скорее философская проблема, а потому так судить о ней трудно...

Я. Не уходите в дебри терминологии, отче! Медицина-то жизнь возвращала людям, всю их психику восстанавливала не умозрительно, не в философских рассуждениях, а фактически... Вот вы и ответьте фактически, конкретно: вы сами — за факты науки или за учение религии, которое обязаны принимать на веру? Четко: да или нет?

Благовещенский. Мы, верующие люди, рассуждаем об этом с духовных позиций... Это вопрос сложный, и здесь о нем говорить долго и не всем будет понятно...

Я. Отчего же долго — одно слово от вас требуется. Продолжаете вы, не взирая на опровержение наукой отдельной души в человеке, не взирая на приведенный факт, придерживаться требования религии о раздельных душе и теле или нет?

Благовещенский. Я сказал уже вам, что мы искренне и убежденно веруем... И я тоже.

Я. Так!.. Знаете о данных науки, но закрываете на них глаза и веруете в душу, ибо так велит религия! Чем же ваша «истинная вера» отличается от слепого доверия фанатика? Где же черта между верой и фанатизмом в таком случае? Выходит, прав был я, когда делил пастырей и деятелей церкви на фанатиков и проходимцев! Только фанатизм в разной степени владеет человеком. В оголтелом, как вы выражились, фанатике он определяет каждый шаг, всё поведение. В рядовом верующем, не оказывая заметного влияния на повседневную жизнь, заставляет всё же, вопреки фактам, данным науки и практики, упорно держаться взглядов, диктуемых религией. Так что каждый, кто верит только потому, что религия к этому обязывает, является, в той или иной степени, фанатиком внутренне, перед своим рассудком, перед самим собою. Да иначе и быть не может. Ведь если слепо, закрывая глаза, не твердить себе: «Верю, верю, верю... Верю в твердь и после полетов в космос... Верю в душу и после опытов медицины, исследований психиатрии, физиологов... Верю в рай и ад и после исследований этнографии, истории религии...» —

и т. д. и т. п. Если не твердить этого, а принять всё, что дает сегодня нам знание, — вере места не останется. Не будем же, отче, наводить тень на ясный день. Не стоит отворачиваться от термина «фанатизм» и рядиться в ризы чистых от него «убежденных верующих». Убеждение, невзирая на факты, и есть фанатизм в самом неприкрытом, зловещем его виде...

Отец Иван что-то еще говорил. Я пытался вслушиваться, но шум в зале, возбуждение, вызванное спором, горячие схватки, возникшие стихийно в ряде мест зала, не давали возможности услышать его слова. Под шум спора умилила меня одна бабуся в черном, низко на лоб надетом платочек. Поднялась она в первых рядах, и я, бывший ближе, расслышал ее негромкий голос:

— Уж сел бы ты, батюшко! Где ж тебе говорить, раз сам того не знаешь... Садись... садись ты... Не срами себя...

Священник к тому времени уже и меня-то слышать не мог, а ее и подавно не услышал: ему что-то громко говорили окружающие. Он махнул рукой и действительно сел. Спор о душе и фанатизме кончился так же внезапно, как и разгорелся.

Вот эту-то нераздельность физического и психического в человеке, единую материальную основу всего человеческого существа и пытается незаметно скинуть со счетов, обойти «яко не сущую», чтобы в дальнейшем она не мешала его отвлеченным богословским построениям, отец Лелотт.

Ученые материалистического лагеря давно показали, что хотя сознание, мысль, не обладает физическими свойствами, какими обладают материальные тела, однако из этого вовсе не следует, что оно принадлежит какому-то сверхъестественному миру, принципиально отличному от материального мира, и не зависит от материи.

«Психика является результатом материальной деятельности мозга. Об этом говорит прежде всего тот факт, что психические явления имеют место только в нормально функционирующих живых организмах, обладающих нервной системой... Зависимость сознания («души», если пользоваться терминологией Лелотта. — А. О.) от определенным образом организованной материи легко обнаруживается в тех случаях, когда нару-

шается нормальная деятельность мозга вследствие каких-либо травм или заболеваний».¹

«Итак, сознание является продуктом мозга, продуктом высокоорганизованной материи, функцией мозга; мозг же является органом сознания, органом мышления... Физиологические процессы в мыслящем мозгу и мышление, сознание — не два параллельных процесса, а один единый процесс, внутренним состоянием которого и является сознание. В. И. Ленин подчеркивал, что „сознание есть внутреннее состояние материи...”» (В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 74).²

Лелотт же не только вводит понятие «души». Ему мало всего, им сказанного. Он пишет:

«Я живу потому, что в моей груди бьется сердце, находящееся день и ночь в движении, хотя я ему и не дал первого толчка и не в силах остановить его биение усилием моей воли. 100 000 раз в день этот орган сжимается и расширяется. Кто пустил его в ход, и как он может так биться?»

Замалчивая бесчисленные открытия эволюционной физиологии, палеонтологии, антропологии, дарвинизма и других наук, Лелотт обходит также, словно несуществующий, долгий путь развития в ходе отбора, борьбы за существование, влияния среды и окружающих условий, приспособления, выработки инстинктов и рефлексов, — путь, который прошла природа от неорганического вещества до живой клетки и от живой клетки до мыслящего человека. Это понадобилось Лелотту, чтобы подсказать читателю затасканный богословский тезис об «архитекторе Вселенной», «который пустил в ход» весь мир, и наше сердце в частности.

Так отец Лелотт постарался мимоходом перекрыть пути осознания человеком его подлинного места в природе как ее материальной мыслящей части, неразрывно слитой со всем окружающим нас миром, живущей им, познающей его, представляющей высшую ступень его развития на нашей планете и в ближайшем отрезке окружающей нас бесконечной Вселенной. Гражданина Земли и Вселенной, а не затерянную пылинку ее.

¹ «Основы марксистской философии». М., Госполитиздат, 1962, стр. 113.

² Там же, стр. 114—115.

Иезуит Лелотт попытался внушить человеку, что мир двойствен и что якобы над материальной сущностью и основой мира существует внешний разум — «архитектор Вселенной» — бог. Лелотт внушает ложную идею двойственности человека, якобы имеющего помимо «плоти» — материальной своей стороны — отдельную от нее бодроподобную ему «душу».

Читатель думает, что ему, его разуму ставят интересную задачу, животрепещущий вопрос. А на самом деле ему незаметно завязывают глаза и пытаются вести, как слепого за руку, по пути, желанному иезуитам.

О том, что смысл жизни может быть заключен в самой жизни, в возведении ее на высшие ступени духовно-физического, единого цикла раскрытия бесчисленных дивных свойств, присущих материи в ее бесконечном поступательном движении вперед, — ни слова... Как будто такого пути и нет, и не было, и быть не может.

В помощь словесной своей эквилибристике Лелотт привлек иллюстрации к книге. О них стоит поговорить особо, ибо он взял на вооружение так называемые «психологические фото».

Что это такое?..

Много лет назад, отвергнув в борьбе с католическими религиозными сверхнелепостями множество слишком откровенно сказочных мифов, протестантизм и так называемые рационалистические секты (баптисты, методисты, пресвитериане, штунда, молокане, духоборы и т. д. и т. п.) отвергли и иллюстративный материал (изображения чудес, святых, богородиц, до минимума свели изображения Христа), которым пользовалось и пользуется католичество для внушения людям веры (и, заметим, пользуется по сей день православие).

Но вскоре протестантские и сектантские «пасторы», «наставники», «проповедники» и другие идеологи протестантизма и его сект убедились, что без наглядности закреплять религию трудно. Библейские же картины, изображения Христа и апостолов они в быту широко использовать опасались, чтобы не возродить, не вызвать рецидива отвергнутого ими иконопочитания.

И вот тогда-то и был применен метод сначала «психологического рисунка», который с распространением фотографии превратился в метод «психологической фотографии».

В чем его суть? Берется, допустим, изображение цветка, а внизу приписывается: «Дивен бог в красоте творений своих» И иконы нет, и ярким изображением внимание человеческое привлекается сначала к самой картинке, а через нее — к сопровождающему ее, весьма условно связанному с нею, тексту...

На Западе в каждом протестантском доме, а также у многих сектантов в СССР можно встретить на стенах комнат такие снабженные рисунками тексты. Для протестантской и сектантской прессы это и поныне — излюбленный прием пропаганды.

Православные к нему обращались редко. В дореволюционной России такое бывало в исключительных случаях только в некоторых журналах типа «Русского паломника».

Католики же давно учили красочно-наглядную, фиксирующую силу этого метода.

Отец Лелотт решил использовать и это оружие в борьбе за души советских людей. Мы уже упоминали об обложке книги, сделанной с применением этого метода. Сюжет молодежный. Современному молодому человеку такую книгу в руки взять не противно, скорее — любопытно. Это и требуется.

А остальные иллюстрации...

Вот первая вклейка: гуси чередой выходят из хлева. Внизу подпись: «Многие люди поступают не лучше — они следуют за другими без определенной цели, питаясь тем, что они находят, крича на тех, кто их стесняет, не обнаруживая признаков личности...»

Но ведь можно было написать и так: «Не так ли верующие, гогоча под сурдинку молитвы, идут за своими духовными вожаками, пока их не ошиплют и не изжарят на вертеле себе на потребу те, кого они привыкли считать своими пастырями духовными...»

Звучит, не правда ли? И тоже заставило бы задуматься... Такова оборотная сторона «психологической фотографии».

Фото на 29-й странице книги Лелотта: девушка, задумчиво глядя вправо, прислонилась к косяку двери. Подпись: «Зачем я живу? Кто мне ответит?..»

Этот же рисунок с подписью: «На пороге в большой мир» — можно было бы поместить в «Комсомольской

В своей книге Лелотт уподобил этим гусям всех людей. По его утверждению, они, как гуси, «следуют друг за другом без определенной цели...» Но ведь с большим основанием это можно сказать именно о верующих, слепо и бездумно идущих за своими пастырями и проповедниками.

правде» или журнале «Смена» в номере, посвященном выпуску средних школ (см. стр. 49 нашей книги).

Еще одна иллюстрация: берег моря, даль, облака и пробивающееся сквозь них солнце. Подпись: «Когда я размышляю о малом пространстве, занимаемом мною, и когда вижу затерянные в бесконечности пространства, неизвестные мне и которым я неизвестен, я ужасаюсь, видя себя здесь, а не в другом месте. Кто меня сюда забросил? По приказу кого это место и это время были предназначены: мне?»

Журнал «Вокруг света» мог бы поместить то же фото с подписью: «Дали зовут: познай мир, в котором ты живешь. Море ждет своих капитанов, небо — космонавтов и пилотов. Как велика и просторна открывающаяся перед тобою жизнь, молодость!..» (см. стр. 59).

И так фото за фото.

Но есть среди них и явно провокационные.

Вот вклейка между страницами 48-й и 49-й книги Лелотта: два старика сидят на ступенях лестницы в улочке какого-то горного городка Италии или Франции. Подпись: «Для чего, для кого они прожили свою жизнь? Что останется от жизни, полной труда и испытаний, если нет бога, готового принять эти замирающие жизни и дать им новую молодость?..»

Каким черствым индивидуализмом пронизаны эти строки! А жизнь среди людей, для людей, вместе с людьми? В старой сказке-притче старик сажал сад. Люди посмеялись: «Ты же не доживешь до плодов, старый дурень! Кто будет есть их?» — «Вы или дети ваши. Я человек среди людей, — сказал старик. — Уйду я — останутся люди...» (см. стр. 67).

Но Лелотт, видимо, считает, что жизнь не жизнь, если человек не «ухватит» своего, лично ему «назначенного» не на этом, так на «том свете»...

Другой провокационный трюк. Изображен паренек у сверлильного станка в возрасте учащегося ремесленного училища. И подпись: «Творение божие не завершено, человек призван сотрудничать с богом в его творческом деле» (см. стр. 75 нашей книги). Опять та же цель — уединить человека от людей. Уединить его с богом. Перенести цель жизни в «потусторонний мир».

Но ведь многие трудятся для того, чтобы людям стало лучше, чтобы каждый работал по способностям, получал по потребностям! Или это отцу иезуита кажется менее реальным, чем все сказки-выдумки о боге и «том свете»?..

На 129-й странице книги Лелотт дает фото лесной чаши осенью с надписью: «И увидел бог все, что он создал, и вот, весьма хорошо». Поставим рядом фото тоже леса, но пораженного так называемым «походным шелкопрядом»¹ (тоже «доброго» божьего «творения»!) или фото леса после пожарища (от молнии «божией» или от лавы вулкана!) — что тогда останется от этого «весьма хорошо»? Ведь на наказание за грехи людские тут не сошлешься. Не мы, люди, вредителя леса выдумали, не

¹ Картина страшного бедствия, вызванного этой гусеницей не-заметной серой бабочки — зловещим вредителем хвойных деревьев, дается, между прочим, в журнале «Искатель» (1963, № 1 и 2) в статье-репортаже Ник. Коротяева «Схватка с оборотнем». Советуем почитать ее.

мы, люди, молнию или вулкан создали. И людей еще не было, а леса от этих бедствий также страдали. Люди же (а не бог!), воздействуя на походного шелкопряда ядохимикатами с самолетов, изготовленных людскими руками; научились оберегать леса от вредителей, сохранять их целыми. Но «весьма хорошо» приходится здесь относить не к богу с его «походным шелкопрядом», а к нам — «грешным рабам его», якобы ни на что доброе, судя по книжке Лелотта, не способным... (см. стр. 80 и 81 настоящей книги).

Таковы фототрюки Лелотта.

Но вернемся к тексту. Посмотрим дальше, какую еще «пищу» уготовил отец иеромонах искусно обрабатывающему им читателю.

Глава 4

МЕТОД ЗАПУГИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА. ДРЕВНИЙ СТРАХ СМЕРТИ. СТРАДАНИЯ. О ВЕРЮЩИХ ЗНАМЕНИТОСТЯХ И ИГРЕ ЦИТАТАМИ

Нарисовав картину «малости», «бессилия», «ничтожности» человека во Вселенной и оперируя при этом как «аксиомами» церковными доктринами о существовании якобы в мире особой таинственной силы — бога, а в самом человеке — не менее таинственного, обособленного от тела, духа или души, Лелотт на этом не останавливается. Ему хочется еще и припугнуть своего будущего читателя. Ведь страх оглушает, парализует мысли, заставляет людей, подобно утопающим, хвататься за любую протянутую руку помощи; не разбираясь, кому она принадлежит и способна ли помочь.

Лелотт прибегает к древнему испытанному средству запугивания — к «страху смерти».

«Зачем умирать?» — ставит он перед читателем свой новый вопрос. И оглушает целым каскадом трагических фраз: «Я исчезну, как и пришел. Я вышел из тени и вернусь в тень». До меня-де миллиарды существ жили и померли, и после меня будет то же. «Всё ушло, всё погрузилось в забвение»; «Воистину это трагично»; «После меня будут чередоваться новые поколения, они еще не существуют, и, однако, они появятся в положенный срок на земле; улицы наших городов, набережные

портов, дачные места, поезда — всё будет переполнено несметной толпой, радостной или беспокойной, а меня не будет, чтобы увидеть ее! И они даже не будут иметь представления о моем существовании в прошлом. Как это удивительно! Их равнодушие меня ранит».

Как тут не ужаснуться! А именно к этому и ведет читателя отец Лелотт. Он отчетливо представляет, что запуганный «страхом смерти» человек готов будет ухватиться даже за кажущиеся утешения «вечностью будущего века», которые предлагает ему в виде лекарства от всех бед религия, лишь бы перестать бояться. И в этом новый подлог иезуита, ибо он сознательно берет человека изолированно от общества. Берет как индивидуальную единицу, вне того огромного собирательного целого, каким является человеческий род в целом, великая накопительная эстафета поколений.

Не надо забывать, что ощущение именно своего, личного, маленького «я» в центре, когда человек всё расценивает с позиций личной выгоды, заинтересованности и эгоизма, — это продукт классового этапа жизни человечества. В эпоху общинно-родового строя этого не было. Люди жили ордою, потом общиной, родом. В этих начальных коллективах они не мыслили себя вне их и свои желания объединяли с желаниями окружающих их родичей. В эту эпоху были уже зачатки религии, страхи перед непонятностью смерти, но они еще не тяготели над сознанием.

Позже, с появлением классов, классовой борьбы и угнетения человека человеком, началось звериное осправление места каждого под солнцем. Человек приучился думать в основном о себе, — как бы ему получить, ему иметь, ему радоваться. А когда всё сосредоточилось в его «я», нелепым стало ощущение смены поколений, конец его единственного драгоценного ему «я». Тогда-то и овладел людьми пресловутый «страх смерти», или, как принято говорить у церковников, «страх смертный».

«На помощь» человеку явилась религия. Она принесла свое выдуманное утешение — бессмертие души, якобы отделяющейся от тела, дальнейшее существование ее «на том свете», в местах, соответствующих «заслугам» человека на земле перед богом и церковью.

Религия принесла утешение, но одновременно закабалила утешаемого новым страхом. Поманила одной

сказкой — о рае, припугнула другой — об аде и его «вечных» муках. И тем закрепила человека в «рабах божиих», сделала его покорной «овцой» стада церкви, для процветания и пропитания паstryей духовных.

Долг был этот период страха и надежд на потустороннее. Для миллионов людей в капиталистических странах он не кончился и сейчас. В преклонении перед подвигами и героями несли по существу люди мечту о выходе человека за узкие пределы его эгоистического «я», о возвращении к жизни среди людей, во имя людей.

Только с рождением нового, небывалого еще социалистического общественного строя, при котором у нас «героем становится любой», люди вновь обрели истинное свое место в мире, но, уже качественно более высокое и совершенное — жизни в коллективе, где каждый радуется вместе со всеми, не мысяя себя вне окружающих. При социализме в человеке рождается сознание, что он, смертная часть бессмертного целого¹ — человечества, будет жить вечно в делах и потомках, в огне эстафеты поколений. Это сознание постепенно уничтожает страх смерти у людей, тем более что успехи медицины и улучшение социальных условий с каждым годом дают людям более возможностей исчерпывать до дна кубок бурлящей в них жизни — от колыбели до глубокой, но всё-таки творческой старости.²

Лелотт, конечно, такого не скажет. Ибо ему и церкви, которой он служит, этот страх — порождение классового общества и связанного с ним индивидуализма — нужен и выгоден.

Но вот что любопытно. Используя «страх смерти» в интересах церкви и религии, отец иезуит тут же, попутно, пытается в угоду другим своим, уже не церковным, хозяевам притушить другой, совершенно естественный

¹ Мы здесь говорим об относительном, сравнительно с человеческой жизнью, бессмертии человечества, ибо в мире вечного круговорота материи абсолютного бессмертия отдельных форм материи нет, — это было бы завуалированным идеализмом, модификацией поповщины.

² Автору настоящей книги уже приходилось в его атеистической работе после разрыва с религией заниматься проблемой «страха смерти». Поэтому интересующихся более подробным изложением вопроса позволю себе отослать к своей книге: А. А Осипов Продолжаем разговор с верующими. Л., Лениздат, 1962, 171 стр.

в людях страх. Мы имеем в виду страх перед опасностью атомных и термоядерных войн. Мы читаем у него:

«Я противлюсь хотящему меня повалить. Однако скоро придет день, когда я буду превращен в прах, свободно умещающийся в горсти ребенка.

Ежедневно около 200 000 человек — мне подобных существ, обладающих, как и я, мыслью, чувствами, желаниями и опасениями, — 200 000 человек перестает двигаться, и их спешат выключить из потока жизни. 8000 человек в час, 133 — в минуту...

Нас приводит в ужас сознание того, что атомная бомба может стоить жизни 200 000 человек... Однако столько же человеческих существ исчезает ежедневно даже в мирное время».

Вы понимаете, куда гнет этот служитель бога? Попутно, незаметно, как бы исподтишка? Чего-де, собственно, нам атомной войны опасаться, когда мы ежедневно по одной «атомной бомбе смерти» испытываем, и вот ведь — существуем всё-таки.

За такие «откровения под сурдинку» кое-где платят наличными.¹

Но не будем отвлекаться. В другом месте своей книги — объединяя вопрос «зачем жить?» с вопросом «зачем умирать?» — Лелотт заявляет: «...люди обретут покой только тогда, когда поймут, ради чего они живут и умирают. Тогда-то именно они откроют в себе самих неисчерпаемый источник веры и уверенности, надежды и любви, который исполнит их радости и преобразит их жизнь».

И в этом новая предвзятость иезуита.

Он как заранее оправданное, бездоказательно ис-

¹ Мы уже отмечали, что в католичестве сегодня противоборствуют две тенденции. Одна — реалистическая, учитывающая желания людей доброй воли во всем мире. Это позиция покойного папы Иоанна XXIII и поддерживающих эту позицию епархиальных епископов и кардиналов, которые стремятся укрепить и сохранить положение католичества в мире путем присоединения к движению борцов за мир, за сосуществование, за решение споров путем международных переговоров. И другая — жесткая, реакционная линия твердолобых фанатиков, главным образом из руководства римской курии, желающих сохранить и продолжать жесткий курс Пия XII. Приведенная цитата из сочинения Лелотта и является завуалированным отголоском этой пропаганды «холодной» и «горячей» войны наиболее реакционной части католического руководства.

Лелотт дал под этим фото подпись: „Зачем я живу? Кто мне ответит?..“ Он навязывает молодежи мысли о каком-то потустороннем руководстве ею. А молодежи свойственно самой находить пути и смысл жизни на реальной земле, а не в пустых исканиях цесуществующего бога. К этому фото больше подошла бы такая подпись: „На пороге в большой мир“.

тинное, как аксиому выдвигает положение о желанности «покоя» как конечной цели человеческого пути. Когда-то такого заслуженного «покоя» пожелали на юбилейном чествовании академику И. П. Павлову. А он возмутился и заметил, что покой — это смерть, застой, и попросил не хоронить его заранее и пожелать ему от души «всяческого беспокойства».

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой! —

писал об этом драгоценном свойстве человеческого существа — стремлении к активности, к непрерывности творческой деятельности — наш великий поэт.

Мы наблюдаем в повседневной жизни, как человек, старея, всё больше устает на работе, всё труднее ему становится выдерживать бурный написк жизни и ее дел, он уже мечтает о пенсии, об отдыхе. Но стоит ему действительно уйти, и на него наваливается чувство оторванности от жизни, пустоты. И если он не вернется в жизнь, не найдет себе посильное дело, не включится в великую нашу «бучу», как это делают у нас десятки, сотни тысяч пенсионеров, — такой человек начинает быстро опускаться, дряхлеть и рано, раньше, чем это могло бы быть, умирает.

Человек — венец жизни на земле, а потому вне жизни, вне деятельности, творчества он не может быть ни удовлетворен, ни счастлив. Его покой (духа) — в вечном беспокойстве поступательного движения жизни.

Религия же просто обманывает человека, когда объявляет его «сосудом скудельным»,¹ «пищей червей», «данником смерти», когда заявляет, что источник жизни лежит вне человека, в боже. В поисках этого «источника жизни» она заставляет людей жить с ложной уверенностью в том, что их уход от реальной жизни и ее запросов к мечтам о боже и его «царстве» есть на самом деле подлинное стремление «от смерти к жизни». Но так как бож — этот «источник жизни» — всего-навсего человеческая же выдумка, то и жизни подлинной в этом «источнике» нет и быть не может. Он потому и представляется людям «вечным», «неизменным», то есть по существу — мертвой схемой. А пребывание возле неизменного — это статическое состояние. Вот откуда церковное учение о «желанном покое». Вот откуда моления о «вечном упокоении», погребальное пение «Упокой господи раба твоего». И выходит, что, направляя человека к божу, церковь манит его покоем мертвленности.

С этой-то подмены жизни, заключающейся в самом материальном мире, мертвым отражением ее в пустых небесах и начинает отец Лелотт свое учение о «христианском мировоззрении». Сколько красивых слов соединяет он с этим учением о «покое»: «радость», «любовь», «преображение жизни». Заметьте, говоря о «преображении», он фактически зачеркивает все поступательное движение человечества от дикости к все большему постижению высоких духовно-социальных принципов существования форм разумной, мыслящей материи, всю историю человеческого рода на земле. Он зачеркивает радость бытия, которой дышит вся наша человеческая жизнь, — радость, которой переполнено искусство человечества, отражающее его желания и стремления.

Лелотт раздевает человека, совлекает с него все богатство, накопленное веками и тысячелетиями человеческой культуры, и рядит в рубище нищего, обиваю-

¹ Сосуд скудельный — глиняный, то есть непрочный и ломкий. Обычное выражение церковных писателей и проповедников. Заимствовано из Библии.

щего с протянутой рукой порог чертога им же выдуманного абстрактного бога...

Мы не хотим быть голословными и отсылаем читателя к замечательной книге современного итальянского ученого-коммуниста Амб. Донини «Люди, идолы и боги» (М., Госполитиздат, 1962), где подробнее и лучше говорится о том, откуда взялась вера в богов и в бога.

Оглушив читателя «страхом смерти», вопросом-воплем «зачем умирать?», Лелотт пускает затем в ход следующий «ударный» вопрос: «Зачем страдать?»

«Я думаю о всех телесных страданиях, перенесенных мною с детских лет. И еще более — о моих тревогах, разочарованиях, неуспехах и утратах», — пишет он и тут же густыми мазками рисует картину физических страданий от болезней, терзающих людей, показывает людей как «пользующихся уходом, так и лишенных его». Затем переходит к страданиям «не только физическим»:

«Я думаю о мучительных переживаниях тех, кто страдал и еще страдает в тюрьмах и концлагерях, о миллионах несчастных и «перемещенных» по политическим причинам лиц, вырванных из их родной почвы... Думаю о моральных страданиях стариков, брошенных в домах престарелых, о материах, с тревогой ожидающих возвращения детей, об отцах, не имеющих возможности прокормить свою семью, об обманутых женах и мужьях, о непонятой любви, о тысячах брошенных или осиротевших детей. Нет на земле места, пощаженного страданиями».

И Лелотт ставит вопрос: «Почему же существует страдание, если все от него отшатываются?»

Человек нашей Родины может напомнить отцу иеромонаху, как в десятках стран, опекаемых миссионерами-иезуитами, из каждой тысячи рождающихся детей не менее трети не достигает отрочества. Как люди в христианских и «христианнейших» странах не могут купить лекарств, чтобы облегчить страдания своих близких, как им приходится ютиться в пещерах и подвалах близ стен самого Ватикана, как их выкидывают на улицу за невзнос квартирплаты, платы за свет и т. п. папскому «Банку святого духа», ибо именно Ватикан владеет большей частью коммунального хозяйства Рима и ряда других городов Италии.

Мы могли бы напомнить, как другие христиане — деятели христианских церквей и сект — уговаривали одураченных, запуганных «перемещенных» из СССР и стран народной демократии лиц запрещавать себя на шахты и плантации, только бы не возвращаться на Родину, протягивающую им свои материнские руки.

Но Лелотт ставит вопрос о причине страданий не для того, чтобы признать, что поддерживаемая капиталистическими христианскими странами гонка вооружений переобременяет государственные бюджеты и лишает государства возможности тратить средства на социальную помощь и культурные нужды, на улучшение здравоохранения и условий жизни масс своих граждан. Не для признания того, что классовое неравенство и гнет эксплуатации являются отцами и прямыми и «крестными» большинства испытываемых миром бед и страданий. Не для того, чтобы сказать людям, что там, где этого нет, — например, в Советском Союзе, — вдвое за годы советской власти выросла средняя продолжительность жизни человеческой, полностью ликвидированы такие зловещие источники смертей и страданий, как многие эпидемические болезни (чума, черная оспа и другие) и государство стоит в преддверии полной ликвидации ряда других болезней (мalaria, детский паралич и т. п.).

Не для того ставит свой вопрос отец Лелотт, чтобы признать, что не будь в мире вражды антагонистических систем, не стой над миром призрак атомно-ядерного истребления, которым грозят финансовые акулы — воротилы Нью-Йорка, Лондона, Парижа «и иже с ними», — даже многие стихийные бедствия и катастрофы можно было бы своевременно предупреждать, спасать от них людей, сводить до минимума убытки.

Обо всем этом Лелотт молчит. Более того, как мы увидим далее, классовое деление, классовое неравенство он принимает как обязательное, естественное, богоданное.

Он ставит вопрос о страданиях сугубо демагогически, чтобы как раз увести человека — своего читателя — от острых проблем современности в мир личных духовных переживаний, в область отвлеченного морализирования и сосредоточить его внимание на будто бы личной ответственности и «греховности» перед «творцом».

Ради этого Лелотт предлагает и четвертый вопрос: «Зачем делать зло?» — и представляет дело так, что человек по существу своему часто тяготеет к злу:

«Хотя я часто желаю добра, однако я делаю зло. Я чувствую себя одновременно свободным и заключенным в цепи. Откуда происходит во мне это разногласие? Случается так, что я положительно ищу зла и наслаждаюсь им. Почему это?»

Ответ на этот вопрос Лелотт ищет не в земном, реальном. Причины, почему человек иной раз совершают зло, он видит не в зависимости от среды, от воспитания, от внушаемой человеку морали класса, представителем которого он является, не в звериной «морали» собственника и хозяйствчика, тысячелетиями воспитывавшейся в людях.

Он не пригласит оглянуться на новое общество, создаваемое у нас и в других странах социализма. Цель Лелотта — представить человека виновным и поставить затем на колени пред богом «судией» в надежде, что этот же «судия» окажется и «поручителем милостивым» за человека.

Сам очернит, сам же и умоет. Сам обвинит, сам же и обелит от возведенных на придуманного им «преступника» преступлений.

Слава-де «милосердию» и «долготерпению» твоему, господи!

Но даже в кавычках не слава — отцу иезуиту Лелотту, затратившему столько сил на то, чтобы согнуть людей перед ними самими, в их собственных глазах, и увести от решения больших, реальных вопросов жизни.

И еще одно важное дополнительное положение: заключительные выводы каждой главы отец Лелотт сопровождает цитатами.

Достаточно сказать, что только в первой трети его книги помещены 172 выдержки из произведений 114 авторов. Правда, учитывая, что многие иностранные, близкие французам имена ничего не скажут советскому, русскому читателю, кое-что добавили от себя и русские переводчики. Так, в упомянутое число входят девять цитат из восьми русских авторов (поэтов Батюшкова, Державина, А. К. Толстого, Тютчева, Фета, русских буржуазных философов и богословов-эмигрантов Н. Федорова и князя С. Н. Трубецкого, православного

«святого» Серафима Саровского). Обилие четко выделенных, подчеркнуто подаваемых цитат, ссылок на самых разнообразных людей, авторов, авторитетов, весьма характерно для иезуитской пропаганды. Оглушить читателя количеством и качеством привлеченных авторитетов и единомышленников. Внушить ему: смотри, сколько людей, и какие при этом люди, с нами! Тебе ли, червю, еще сомневаться, проверять, примериваться. С нами мир. С нами культура, знание, ум и сердце его, искусство его.

Иеромонах Лелотт — мастер своего дела. Кого только нет в его наборе! Матерые апологеты¹ и пропагандисты католичества, такие, как папы Пий XII и Пий X, богословы Сертиллианж и Дюплесси и метавшийся между верой и неверием Паскаль.² Ученые и философы вроде Беккереля, Планка, Эддингтона, Джинса, Ньютона. Древние античные авторы, как Цицерон и Платон. Поэты и писатели «Святые отцы» и просто святые фанатики. Все эти разнообразные имена сплетаются в один клубок.

Иезуита не стесняют ни века, ни профессии, ни даже вероисповедания. Всё пригодно, что можно употребить «к вящей славе господней»:

Пусть цитаты не касаются религии, а поддерживают, и то относительно, частные отдельные высказывания (так за уши притянуты Эйнштейн, Гоббс и некоторые другие), — не важно. Имя в книге названо. А всевышний читатель запомнит его.

Большинство цитат взято, разумеется, из работ строгого христианских, узко богословских, ни малейшей научной и доказательной ценности для мыслящего читателя не имеющих... А может быть, прочтет не только

¹ Апологеты — защитники. В богословии так принято называть писателей церкви, специализировавшихся на обороне догматов и положений религии или данного исповедания от нападок неверующих, иноверцев или еретиков.

² Блез Паскаль (1623—1662) — выдающийся французский математик и физик, философ. Конец жизни провел в Пор-Рояле — монастыре еретиков католичества — янсенистов, бывшем центром буржуазной оппозиции против абсолютизма и католической церкви. Философски колебался между рационализмом и скептицизмом, приводившим к признанию главенства веры над разумом. Его сочинение «Письма к провинциальному» бичует казуистику и лицемерие иезуитов. Тем более примечательно, что иезуит Леллот берет его имя и сочинения на вооружение.

мыслящий. Апостолы тоже закидывали удочку веры главным образом в сторону «не мудрых и простецов». А может быть, для несведущего в этих именах читателя умело рассеянные среди имен подлинных ученых, подлинных гениев человечества эти богословские имена засияют отраженным светом, сойдут за важные авторитеты и увеличат тем самым «доказательность» и «непропроверимость» всей книги.

Так строится иезуитский подлог Лелотта, его психологический бизнес на именах и авторитетах, используется старый прием церковников подпирать религию «верующими знаменитостями». Это метод, практикуемый не только католиками, а потому о нем стоит поговорить подробнее.

В годы моего учения в Тартуском университете у нас, богословов, пользовалась широкой популярностью книга протоиерея Жилова «Что говорят знаменитые люди о Библии», изданная в Тарту (старом Юрьеве—Дерпте) незадолго до первой мировой войны. Жилов вообще ставил своей задачей показать величие христианства в мировой культуре. Ему же принадлежат два тома стихотворной антологии «Катихизис в звуках поэзии». Работая в качестве аспиранта-докторанта в библиотеке университета и в библиотеке Свято-Исидоровского православного братства при Успенском соборе в Тарту, я столкнулся лицом к лицу с плодами православного просветительства этого деятеля, за волосы притягивавшего культуру к обслуживанию церкви. Оказалось, что для создания своих «трудов» почтенный иерей, вооружившись ножницами и предполагая, что никто не заподозрит священнослужителя в варварской порче книг обеих библиотек, вырезал из ценнейших изданий интересовавшие его цитаты.

Такое отношение к культуре, которую Жилов так усердно ставил на службу церкви, придавая ей образ хранительницы и вдохновительницы всей культуры, очень меня тогда поразило.

Что же касается использования Жиловым (как теперь Лелоттом) «веры» великих людей в качестве средства укрепления людей в верности религии, то я, тогда очень верующий человек, не мог это не оценить.

В самом деле. Какие сомнения может допустить в своей скромной, маленькой, рядовой жизни обыкновен-

ный человек — христианин, когда множество видных людей, творцов бессмертных ценностей, свидетельствовало ему с своей бескомпромиссной вере в бога, Библию, церковь. Ему оставалось только присоединить свой смиренный, робкий голос к их великим свидетельствам.

Так ли непреложен, так ли справедлив и оправдан этот апологетический прием церкви? Постараемся разобраться в этом.

Бросается в глаза то обстоятельство, что церковники привлекают для подкрепления своих позиций свидетельства ученых, художников и гениев разных эпох как одинаково равнозначные.

Но ведь, несмотря на исключительную талантливость, они оставались людьми определенной эпохи, культуры, определенных социальных и экономических, политических и классовых кругов. Гениальные в какой-либо области науки, прогрессивные в одной области культуры, в остальных разделах науки и культуры они нередко являлись представителями взглядов и убеждений, совсем неприемлемых для современного человека.

Мы высоко ценим военный гений Суворова и адмирала Ушакова. Но ведь оба они были в то же время помешиками-крепостниками, один более гуманным, а другой даже довольно крутым. Знаменитый физик и химик Гемфри Дэви был лордом, типичным представителем знати, и его не смущало то, что ему присуживал в путешествии по Италии гениальный физик и химик Майкл Фарадей, который пришел в науку из скромных учеников переплетной мастерской.

Как величие Ушакова и Дэви не оправдывает крепостничества первого и аристократического сnobизма¹ второго, так и религиозность того или иного ученого, являвшаяся данью времени, не служит аргументом в пользу религии, в пользу веры.

Церковь к тому же непоследовательна в подборе своих доказательств. Она не преминет засвидетельствовать вам, что великий Ньюton, открывший закон всемирного тяготения, снимал шляпу и вставал, когда произносил имя божие. Она делает из этого вывод: вера

¹ Сноб (англ.) — насмешливое прозвище пустых, увлекающихся модами и слепо преклоняющихся перед обычаями так называемого «высшего света» людей. Снобизм — манера, поведение, присущее снобам.

свята и истинна; значит, каждый должен прославлять бога не менее истово и благоговейно.

Но ведь если говорить так, то можно привести и другой пример. Не менее великий и гениальный физик Архимед открыл закон гидростатики. Он был язычником: верил в богов Зевса, Афродиту, в сатиров, нимф, кентавров и весь пестрый пантеон древнегреческого мира. Не значит ли это, если следовать логике церковников, что мы должны вынести из Эрмитажа и других музеев статуи древних греко-римских богов и, восстановив их храмы, начать им поклоняться именно как богам?

Если принять тезис церковников, что гениальность человека в одной области гарантирует прогрессивность его взглядов во всех областях, то следует именно так и поступать, как мы только что сказали.

А творец известной теоремы и первый античный ученый, высказывавший мысли о шарообразности земли, Пифагор, исповедовал культ солнца. Гениальность его вне сомнения. Что же — давайте поклоняться солнцу. Он верил в магическое значение чисел. Что же — превратим математику в колдовство. Вы скажете: это явная нелепость. Но разве не нелепость следовать христианскому благочестию Ньютона только потому, что он Ньютон, а не рядовой кузнец, портной или крестьянин своего века?

Логический абсурд подобных взглядов говорит, что называется, сам за себя. И прав Гольбах, когда в книге «Религия и здравый смысл» пишет:

«Говорят, что есть ученые и гениальные люди, искренне преданные религии. Это доказывает только то, что и гениальные люди могут иметь предрассудки, могут быть трусивыми и могут иметь расстроенное воображение, которое препятствует хладнокровному исследованию предмета. Паскаль ничего не доказал, защищая религию, кроме того, что и у гениального человека может быть уголок безумия, что можно иметь здравый смысл и не проявлять его одинаково во всех вещах, что можно быть правым в одном и заблуждаться в другом».

Это, так сказать, первое «но», которое возникает при рассмотрении тезиса церковников о значении для доказательства истинности религии веры гениальных и выдающихся людей. Пойдем, однако, дальше.

Вторая неправда в этом вопросе, которой оперирует

религия, состоит в том, что она берет человека как некое неизменное целое. Но разве жизненный путь каждого человека не подвергается постоянным изменениям во взглядах, воззрениях, привычках на протяжении всей жизни?

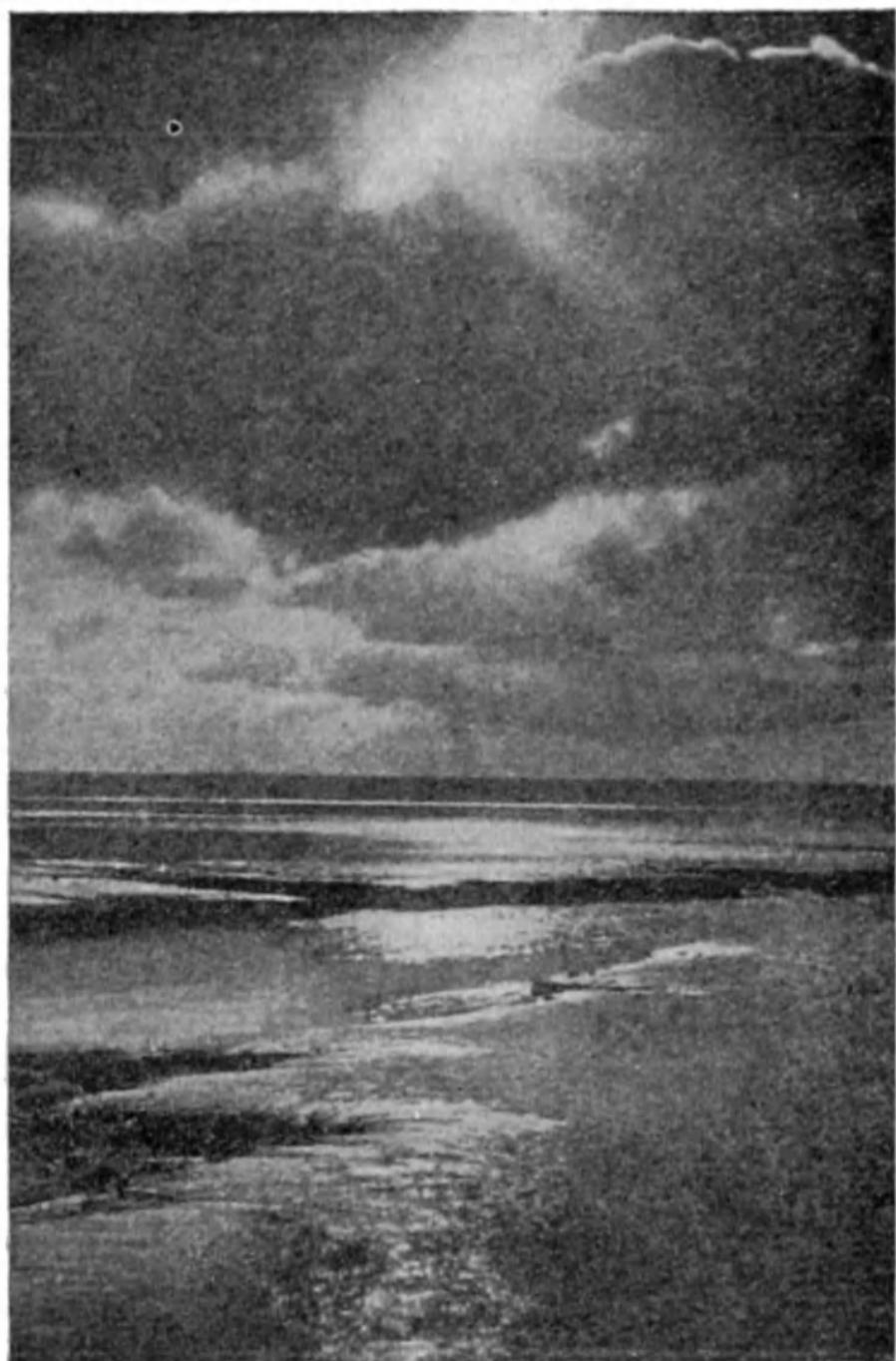
Писатель И. С. Тургенев в молодости заполнил популярную тогда анкету о взглядах, привязанностях, привычках и предпочтениях. Однако, найдя этот листок через много лет, он написал новые ответы на те же вопросы. Оказалось, что три четверти ответов не сошлись. Так изменили его жизнь, опыт, переживания, всё то, что он за это время познал, принял или отверг.

А что делают защитники религии? Если они находят у какого-либо выдающегося человека высказывания якобы в пользу религии, они немедленно объявляют его верующим проповедником божества, своим человеком. И спекулируют его именем, нимало не интересуясь тем, что он говорил или писал помимо этого, к каким другим выводам или итогам пришел.

Лелотт в этом отношении идет чуть ли не дальше всех. Он упоминает о Попове как о «сыне протоиерея, современнике Маркони, открывшем антенну и детектор беспроволочного телеграфа» Во-первых, здесь подлог. Маркони он подает как изобретателя радио, а подлинного изобретателя Попова — как открывшего якобы лишь некоторые детали к изобретению Маркони. А во-вторых, — что, собственно, доказывает рождение Попова в семье протоиерея? Энгельс был сыном капиталиста, — так, значит, и он не коммунист, а капиталист? Это же просто игра на предках. И игра нечистая.

Любопытный случай произошел однажды с А. В. Луначарским, наркомом просвещения первых пореволюционных лет. Луначарский пришел к марксизму сложным путем больших и трудных исканий. Был на его пути и период увлечения так называемым богостроительством в духе «русского религиозно-философского общества». ¹ В дальнейшем Луначарский горячо и последовательно защищал материалистическое мировоззрение, скрещивая словесные шпаги на знаменитых диспутах с

¹ Русское религиозно-философское общество — богоискательская организация русской мистически настроенной части интеллигенции в предреволюционный период.

Под этим фото Лелотт поместил унылые рассуждения о якобы ничтожности человека, будто бы затерянного в огромном мире. Между тем изображеному больше соответствовала бы подпись: «Дали зовут...» Ведь люди, познав свою планету, сегодня дерзновенно штурмуют ее космические окрестности.

вождем религиозной идеалистической мысли митрополитом Александром Введенским. Когда Луначарскому процитировали одно из его же высказываний периода богостроительства и заметили, что он сам внутренне оказывается будто бы верующим человеком, он четко и резко раскрыл лживость таких вывертов защитников религии, показал, что нельзя человека квалифицировать по пройденным этапам иисканиям его жизненного пути.

Религиозники, игнорируя эту простую и ясную истину, применяют метод иезуитской двойственности. В отношении обратившихся к вере они не цитируют их прежних антицерковных или атеистических высказываний, а в отношении ушедших от нее утверждают, что они ушли по внешним случайным мотивам, а внутри остаются верующими людьми. Автор этой книги и сам получил немало писем, в которых защитники веры старательно внушают ему, что он-де обязательно продолжает в глубине души веровать в бога; а только разум его «заблудился» во внешних церковных противоречиях.

Вспомним утверждения церковников об академике И. П. Павлове. Сын протоиерея, воспитанник Рязанской духовной семинарии, ученый прошел путем больших исканий и не сразу преодолел влияния среды, воспитания и традиций.

Церковники не устают обыгрывать подобные факты, пряча насквозь фальшивую религиозную идеологию за гигантские фигуры величайших людей мировой науки. С пеной у рта они опровергают документы последних (да и не только последних) лет жизни И. П. Павлова, которые свидетельствуют о том, что он пришел к законченным материалистическим взглядам и стал в конце концов последовательным атеистом.

Один из соратников Павлова по научной работе, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Д. А. Бирюков рассказывает: «На вопрос о религиозности Павлова мне легче ответить, чем другим, потому что по этому поводу я лично с ним беседовал, вернее, не беседовал, а спросил его однажды об этом. Павлов рассказал в ответ о том, что одно из издательств не хотело печатать его книгу потому, что на ней стоял эпиграф: «Святой памяти сына Виктора». Кто-то в издательстве не хотел пропускать слово «святой». Павлов, будучи весьма упорным человеком, не соглашался снять

это слово, и книга была издана с этим эпиграфом. В те годы был широко известен один религиозный деятель, глава «обновленческой» церкви, митрополит Введенский. Он заявил в одной из своих лекций, что Павлов тоже признаёт бога и религию, так как даже в эпиграфе пишет: «святой памяти». Всё это Павлов обобщил в нашей беседе, отнеся заявление Введенского к группе неумных доводов, основывающихся на внешних признаках, по которым нельзя судить о религиозности человека вообще. Он закончил фразой, что религия — дело слабых».

Кстати говоря, Лелотт тоже пытается играть на мифе о якобы религиозности И. П. Павлова.

Высоко на щит поднят в качестве верующего человека великий немецкий поэт Гёте. Но церковники стыдливо замалчивают, что этому гениальному писателю и ученому принадлежат слова: «У кого есть наука... тот не нуждается в религии».

В своей книге Лелотт относит к числу верующих и гениального русского ученого М. В. Ломоносова, подкрепляя этот вывод цитатами из его религиозных од. Но он не вспоминает, что Ломоносов писал, говоря о теории создания всего мира Богом: «Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно, и натуральному знанию земного шара»,¹ что он писал и такое: «Упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодной водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти».²

В связи с рассуждениями о «полезности религиозных убеждений для науки», встречающимися и у Лелотта, не лишне вспомнить и еще одно изречение Ломоносова. Составляя «регламент университетский», он потребовал в нем, чтобы «духовенству к учениям, правду физическую для пользы просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях...»³ Ясно?!

¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. М.—Л., изд-во АН СССР. 1950—1957, т. V, стр. 574—575.

² М. В. Ломоносов. О размножении и сохранении российского народа. Избранные философские произведения. М., Госполитиздат, 1950, стр. 605.

³ Пекарский П. П. История Академии наук. СПб., 1870, т. I, стр. 671.

Так обстоит дело с игрой церковников на частностях жизни некоторых великих людей, деятелей науки и искусства.

А на чем зиждется сама религия, ставя науку, по средневековому изречению, в положение «служанки богословия»?

Вот что говорит, сопоставляя науку и религию, один из видных деятелей христианства, «святой» Исаак Сирийский:

«Ведение (так он называет знание. — A. O.) противно вере».

«Мысль — это быстропарящая и бесстыдная птица».

Склоняйтесь же скорее перед религией, люди быстролетной и высокой мысли, откажитесь от своего «бесстыдства»!

«Созерцание тварей (т. е. наблюдение природы, занятия естествознанием. — A. O.), хотя оно и сладостно, есть только тень ведения. И сладость его неотделима от мечты во сне».

Таким образом, реальное объявляется нереальным, подобным сновидениям. Вот логика, поставленная на голову! Бессмыслица, возводимая в высшую осмысленность!

Но мало и этого, далее мы читаем:

«Нет ведения, которое не было бы в скудости, как бы много ни обогатилось оно. А сокровища веры не вмещают ни земли, ни неба».

Могущество знания объявляется скудостью, а слепое доверие к выдуманным «истинам» религии — необъятным сокровищем «истинного познания». Мало этого, в честь веры произносятся пышные похвалы, а знание осуждается в том, что составляет его доказательность и силу.

«Вера ...нередко она может всё произвесть и из не сущего... (говоря современным языком: выдумать из несуществующего, сфантазировать и представить в качестве истины. И это-то ей и ставится в заслугу! — A. O.). А ведение не может что-либо произвести без вещества». Честность в проверке фактов, которой гордятся ученые, ставится им в упрек той верой, которую некоторые из них склонны принять и исповедовать.

«У ведения нет столько самонадеянности, чтобы производить то, чёго не дано естеством. Да и как ему про-

извести это? ...Ведение с осторожностью охраняет себя от этого и никак не соглашается переступить в этом предел. ...Вера же самовластно переступит всё».

У веры нет границ для полета ее фантазии. А точность, доказательность положений науки защитники религии выдвигают в качестве главного обвинения против нее.

Мало и этого. «Святой» муж просто пытается удержать человека от его тяготения к познанию окружающего: «Пусть ум твой не будет высокомерен, и не полагайся на силу твою...», «Остерегайся собственной свободы...», «Остерегайся ведения...», «Блажен, кто удалился от мира и от тьмы его и внимает себе единому».

Так уединяется человек от радости общения с людьми, радости познания мира, радости свободного исследования того, что он, кто он, где он, зачем он... Всё подменяет религия со своими надуманными рецептами «спасения».

Нередко церковники извращают высказывания выдающихся людей, трактуют их по-своему.

В некоторых случаях такая подмена состоит в том, что термины просто подменяются один другим: «идеал» толкуется как «религиозный идеал», «вера», упоминаемая как идея, как правота науки и т. д., трактуется как «религиозная вера». Так религиозный оттенок придается по существу совсем далеким от религии высказываниям. В ряде случаев повод для подобной подмены подают сами ученые, пользующиеся общепринятыми терминами, но явно вливающие в них иное содержание.

Великий ученый Альберт Эйнштейн, разработавший теорию относительности, например, сплошь и рядом применяет к природе, к Вселенной, к материи слово «бог» как соответствующее закономерности понятие. Он не вкладывал в него ничего такого, что под этим понятием разумеют церковники. И тем не менее, встречая знакомый широким массам в более конкретно религиозном смысле термин в работах Эйнштейна, богословы всех толков трубят о его якобы религиозности. Они объявляют ученого верующим, «своим» и ставят в пропагандистских целях его имя на своих знаменах.

Но ведь Эйнштейн еще в 1930 году заявил:

«Я не верю в бога, который награждает и карает, бога, цели которого слеплены с наших человеческих

целей. Я не верю также в бессмертие души после смерти, хотя слабые умы, одержимые страхом или нелепым эгоизмом, находят себе пристанище в такой вере...» Что может быть яснее и четче? Но он вскоре еще пояснил свои мысли: «Я верю в бога Спинозы, проявляющего себя в упорядоченности мира, но не в бога, занимающегося судьбами и делами людей...»

А ведь под пантеизмом¹ Спинозы² скрывается чистый атеизм, прямое безбожие. Бог Спинозы не что иное, как сама природа.

И недаром известный американский ученый-кибернетик Винер в своей книге «Кибернетика и общество» замечает, что Эйнштейн использует термин «бог» для обозначения сил природы. Церковники же всячески обыгрывают как имя Эйнштейна, так и встречающееся у него в трудах слово «бог». И даже тот исторический факт, что ученый потребовал в своем завещании, чтобы его похоронили как атеиста, без каких бы то ни было религиозных церемоний, не укрошает пыла церковников в их борьбе за присвоение религии имени Эйнштейна и его научного и философского наследия.

Разоблачая попытки церковников и служителей религии использовать имена великих ученых для пропаганды религии, разоблачая софизмы³ церковников, их передержки, умалчивания и искажения фактов, мы приходим к определенным выводам. В одних случаях религия, присваивая себе великие имена, извращает факты и сознательно подтасовывает их. В других — она берет ча-

¹ Пантеизм — учение, утверждающее, что «всё есть бог», то есть, что сама природа и мир есть божество. Но если я сам кусочек божества, то не могу я молиться самому себе. В пантеизме теряет смысл религия, то есть связь с божеством, не может быть культа. Бог делается безличным, то есть растворяется и исчезает в самой природе. Однако следует оговориться, что в последнее время западные философы в своей борьбе против материализма пытаются и пантеизму придать реакционно-идеалистическое содержание.

² Бенедикт Спиноза (1632—1677) — выдающийся голландский философ-материалист, критиковавший религию, Библию. Создал пантеистическое учение, которое современники его справедливо рассматривали как атеистическое.

³ Софизм — внешне правильное, но по существу ложное умозаключение, основанное на выхватывании отдельных сторон явления и их внешнем противопоставлении или на ложном использовании разных значений одного и того же слова.

стные моменты из жизни великих людей и их отдельные высказывания, подавая их как итог и заключительный аккорд всей жизни великого человека или гения. В случаях третьего рода религия пытается рядом с гениальными сторонами и проявлениями человека протащить в бессмертие его временные, частные слабости, присущие ему как представителю своего круга, класса, века, среды.

Такая апологетика религии с помощью ссылок на верующих гениев или авторитеты ничего не говорит, ничего не может доказать ни уму, ни сердцу человека, если он способен мыслить непредвзято и честно.

Глава 5

ВОДИТЕЛЬСТВО С „ПОДХОДЦЕМ“

Итак, Лелотт уверен, что его читатель запуган смертью и страданиями, что он сомневается в своей собственной порядочности, оглушен именами и цитатами, очарован до самогипноза ловкой подборкой психологических фото. Теперь, как ему кажется, читатель послушно пойдет туда, куда его поведут.

Куда же?..

Это раскрывается, как говорится, тоже не без «подходца»:

«Рассмотрим бегло, как люди реагируют на эти проблемы» (смысла жизни, смерти, страдания, зла. — A. O.) — предлагает отец Лелотт. Ну что ж — рассмотрим!

Многие люди, говорит он, вообще не задумываются над подобными вопросами. Это правильно.

«Не малое число из них, инстинктивно повинуясь голосу совести, ведут безупречную жизнь, трудовую и жертвенную. Они вполне заслуживают нашего уважения; неудивительно, что, когда вопрос о смысле жизни встает перед ними, эти души принимают без больших колебаний бога и его волю».

Позвольте, возразит читатель, речь ведь до сих пор шла о смысле жизни. А при чем здесь вера в бога?

Здесь и «зарыта собака». Перед нами новая попытка внушения готового решения, ничего общего ни с наукой, ни с философией не имеющая.

Отец Лелотт, вопреки фактам, тысячами подаваемым жизнью, проводит затасканную идею, порожденную еще древними писателями церкви Тертуллианом и Киприаном, что «всякая душа по природе своей христианка» и что поэтому всё добро в людях — от бога, действующего через их «богообразные» души. А раз так, то человеку должно быть свойственно стремление к своему «первообразу» — богу. И если он бога не знает, но живет «праведной» жизнью, то он не Человек с большой буквы, а неосознавший еще себя «раб божий», проводник дел божиих в грешном нашем мире.

Так христианство незаметно присваивает всё морально-прекрасное в мире, обкрадывает мир в добре и правде, чести и подвигах, красоте и достоинстве. Всё от бога. А мы — только нищие, его рабы или в лучшем случае — посредники, орудия его благости в мире.

Но, кроме того, отец Лелотт незаметно совершает подмену понятий и пытается заставить читателя думать, что смысл жизни — это и есть вера в бога, что другого пути и ответа нет и быть не может. Тем самым он заставляет решать проблему в желанном ему направлении.

«Христианство, и оно одно, открывает смысл жизни, к нахождению которого стремятся все, кто задумывается над этим вопросом...» — восклицает он в другом месте. Но это не доказательство, а заклинание, попытка без приведения каких бы то ни было оснований установить постулат¹ и заставить людей как загипнотизированных поверить в него раз и навсегда.

Так зачеркивается изменившее судьбы человечества учение Маркса, Энгельса, Ленина, зачеркивается значение подвига коммунаров Франции и революционеров международного рабочего класса. Так зачеркиваются мечты и борьба за лучшее будущее героев Герцена и Чернышевского, Писарева и Добролюбова. Борьба энциклопедистов за просвещение человечества. Поиски правды о мире и человеке философов-материалистов от античности до наших дней. Все достижения, всё преображение человеческого общества и человеческой жизни после Октябрьской революции на территории нашей Родины...

¹ Постулат — исходное положение, принимаемое без доказательств.

В книге Лелотта эта фотография снабжена рассуждениями о бесмысленности жизни, прожитой изображенными на ней стариками, если только они не отмолили себе мечтку „в царстве божием“. Такие ли в действительности эгоисты эти труженики, чтобы только думать о своем „бессмертии“ за гробом? Не их ли руками преображен мир, создавались всем и каждому нужные ценности?

Ведь сейчас даже противники наши не смеют не признавать, что именно коммунисты-материалисты, — которые, конечно, являются атеистами, — неграмотную, отсталую Русь сделали страной всеобщей грамотности, одной из мощнейших индустриальных стран мира, дали людям реально и действительно право на труд, на отдых, на обеспеченную старость, на образование, на лечение. Исключили из жизни эксплуатацию человека человеком, привели трудящихся к управлению государством, к влиянию на самые судьбы мира. Всего этого они достигли за какие-нибудь 45 лет, убрав с дороги людской то, что за 1000-летие своей христианской истории не сумела убрать, да и не думала убирать, старая Россия.

Лелотт предлагает признать, что и во всех достижениях наших, неосознанно для их творцов, действовал,

разрушал веру в себя, опровергал себя, осмеивал и унижал себя тот же бог...

Оглянемся на мировую культуру. Ушли, давно изжиты те времена, когда христиане высокомерно считали только себя (с божией помощью, разумеется!) творцами культуры, всех постижений и достижений человечества. Сегодня мы склоняемся перед великими ценностями, данными миру народами азиатского и африканского материков, народами Южной и Центральной Америки, творившими на своих человеческих путях без какого бы то ни было воздействия христианства. К ним оно неизменно приходило врагом и губителем их древних культур, их самобытности, их талантов, а не другом, не помощником, не открывателем «истин» о жизни, правде и человечности.

Парадокс поистине достойный ордена слуг Иисусовых. А Лелотт, совершив подмену, далее проводит ее уже последовательно, как нечто «доказанное» и само собой разумеющееся.

Так, отметив, что некоторым некогда думать о смысле жизни «из-за материальных забот», он пишет:

«Сколько рабочих, например, принадлежит к этой категории. Не легкомыслie и не отказ от требований истины, но тяжелые условия жизни препятствуют им сохранить живую веру».

Чувствуете? Видите? И тут то же учение о врожденности, «естественной» присущести человеку веры в бога. Их-де лишь заботы отвлекли. А «истина» всё равно «требует» от нас «живой веры». Здесь уже о «смысле жизни» нет ни слова; «вера» подменила его целиком.

И это говорится о классе, откинувшем древние химеры, преобразующем четвертую часть суши земной, о классе, идущем сегодня в авангарде всего передового, достойного, честного, прекрасного!

Еще удивительнее суждения Лелотта о людях, имеющих им «ищущими, но не находящими».

Здесь слова «смысл жизни» уже не произносятся. Лелотт пишет, что «к этой категории принадлежат все любящие истину... но еще не открывшие ее». Правильно, «смысл жизни» — это служение тому, что человек считает истиной. Но дальше следует непревзойденный «шедевр» иезуитизма:

«Существуют честные по природе души, не приняв-

шие христианского вероучения или даже незнакомые с ним, но живущие по строгим правилам естественной нравственности и дающие своим ближним прекрасный пример трудолюбия, справедливости и любви к ближнему.

...Эти души — наследники двадцати веков христианства, даже если они не отдают себе в этом отчета».

Вот вам и открытая проповедь того, что «каждая душа по природе своей христианка»... Зло же лишь наваждение диавольское.

А буддисты Цейлона и Бирмы, Японии и Китая? Последователи религии, на шесть веков более древней, чем христианство... Все порядочные и честные люди из их среды — тоже наследники «двадцати веков христианства»?

А конфуциане и даосисты Китая? Ведь их религии развивались независимо от христианского влияния. И из среды людей, исповедовавших эти религии, вышло немало выдающихся деятелей.

А индуисты Индии? Да что говорить! Ведь, по собственному, чрезвычайно завышенному, подсчету католиков, христиане всех исповеданий и сект составляют сейчас в мире менее одной трети человечества. Однако отец иезуит предпочитает здесь не вспоминать об этой статистике.

Делая вид, что будто бы он не навязывал упорно и методически своего «единственного» решения смысла жизни, представляющего собою путь жизни «с верою и для бога», он спрашивает: «Но какое учение избрать?» Однако нет у него выбора «учений». Ведь твердит он только об одном, восклицая: «Существует ли верный критерий, с помощью которого можно судить о ценности данного мировоззрения?» Это — излюбленное его сердцу христианство.

Далее Лелотт подчеркивает, что «предложенное решение должно дать разумный, полный и гармонично сочетающийся» с рядом требований ответ. И тут же поясняет свою мысль: предложенное учение не должно относиться только к земной части нашей жизни, а обязано стремиться «выяснить, существует ли потусторонняя жизнь», не смеет обходить «молчанием трудную проблему человеческого страдания», «смерти», не должно пренебрегать «ни индивидуальными, ни социаль-

ными проблемами», давать «ответ на вопрос о происхождении зла».

Мало, говорит Лелотт, «выработать новую систему распределения материальных благ», но «оставить без внимания» вопрос о «том свете».

Вдумаемся в это требование. Упоминание о «новой системе распределения материальных благ» — это незавуалированный и вполне ясный намек на СССР и страны народной демократии, на социализм и строителей коммунистического общества.

Ибо где еще существуют в мире такие новые системы? Правда, кроме упомянутых стран социализма есть еще государства, вставшие на путь некапиталистического развития, например Алжир, Мали, но и они за образец социального устройства взяли могучий мир социализма.

Да, наш мир строит свои планы только для земной, или, лучше сказать, реальной жизни. Но почему же Лелотт позволяет себе утверждать, что мы при этом не заботимся о смысле жизни? В Программе КПСС, принятой XXII съездом, целые разделы посвящены вопросам духовной жизни, морали, культуры, искусства, научного и философского познания.

Думать, что Лелотт не читал нашей программы, не приходится. Иезуиты за своими идеологическими противниками следят бдительно. Так что ошибки незнания здесь быть не может.

Если это не ошибка, то что же? Заведомое очернение противника? Приписывание ему того, чего нет?

Вот Лелотт пишет, что мы обходим «молчанием проблему человеческого страдания...», «смерти...».

А где больше делается и больше достигнуто для преодоления страданий физических, борьбы с бедствиями стихийными?.. У нас навсегда покончено с социальным, классовым угнетением. Мы избавились от расовой и национальной нетерпимости. Еще мешают нам остаточные «родимые пятна» прошлого, еще причиняют порой носители их нашим людям горе и страдания. Но мы непримиримы в борьбе с этими остатками старых зол. Мы заставляем уходить из жизни все новых и новых последней старого, отжившего мира, как бы они ни цеплялись за наше сегодня.

Нет, мы не беспочвенные фантазеры. Мы понимаем,

что, например, любви двух человеческих существ на троих не разделить. Всегда останется страдающее лицо. Но мы знаем, что эти несочетания неизмеримо легче переживаются и компенсируются в сознании человека, не замыкающегося в своей раковине улиткой, а живущего в светлом общечеловеческом коллективе, объединенном общими устремлениями, общим делом, общими идеалами...

Нет, мы не фантазеры. Мы не говорим, что каждый индивидуум будет бессмертным. Смерть личности — естественное звено в круговороте жизни. Но сделать так, чтобы смерть была отодвинута до своего крайнего в природе предела, чтобы весь отрезок жизни от пробуждения сознания до глубокой естественной старости был заполнен не прозябанием, не мучительным умиранием, а творчески яркой, прекрасной жизнью, — за это мы боремся и уже достигли немалых результатов. Научное, обоснованное всеми данными науки предвидение позволяет нам планировать здесь очень многое и очень реальное. Это ведь не мистический бред библейских пророков.

Мы не пренебрегаем ни индивидуальными, ни социальными проблемами, как пытается приписать нам это Лелотт. Классики марксистско-ленинской теории давно указали нам истоки зла в мире, а также и пути его преодоления в экономике, социальной жизни, психологии и сознании человеческом, — везде. Партия наша и весь советский народ самоотверженно трудятся над тем, чтобы зла в жизни общества и отдельных людей становилось меньше и светлая радость была у каждого.

Но вот то, что Лелотт причисляет к главным темам «реальной жизни» вопрос «о существовании потусторонней жизни» и упрекает нас в отсутствии «стремления выяснить, существует ли потусторонняя жизнь», — это его религиозно-пропагандистский зигзаг.

Веками шла в философии борьба между материалистическим и идеалистическим мировоззрениями. По мере своего развития в этот спор включились точные и естественные науки. Уже в начале XIX века знаменитый французский астроном Лаплас на вопрос императора Наполеона I, почему он в одной из своих книг ни разу не упомянул о боге, мог ответить, что эта гипотеза (то есть бог) ему просто не потребовалась.

Наука давно вытеснила бога и его потусторонний мир сначала с земли, потом из космоса, заставив цепляющихся за него церковников отнести их «пребывание» в «умонепостигаемое».

Наука объяснила, откуда взялась самая вера в бога и «потустороннее», как эта вера в качестве пустоцвета на живом теле человеческой культуры видоизменялась вместе с изменениями в жизни людей, приспособливавшаяся к новым, порождавшимся историей и социальным прогрессом, условиям. Наука показала, что вера в потустороннее — это вера в искаженное отражение реальной жизни людей на земле в пустых небесах человеческой мечты, порожденных невежеством и страхами прошлых поколений.

Лелотт открывает заново давно открытую Америку и, отворачиваясь от всего, что ему неприятно или неугодно, приглашает нас «стремиться выяснить» то, что давно выяснено, и притом не в положительном, но в угодном для него смысле...

Не желая заниматься перепевами, мы рекомендуем читателям познакомиться с высказываниями классиков марксизма-ленинизма, посвященными этой теме, по сборникам:

К. Маркс и Ф. Энгельс. «О религии» (М., Госполитиздат, 1955).

В. И. Ленин. «О религии» (М., Госполитиздат, 1955) и «О религии» (Хрестоматия) (М., Госполитиздат, 1963), а также с интересной работой Ю. П. Францева «У истоков религии и свободомыслия» (М.—Л., изд-во АН СССР, 1959).

Как увидит, прочитав эти книги, любознательный читатель, материалисты-атеисты честно «стремились выяснить, существует ли потусторонняя жизнь», и только убедившись, что это миф, родившийся в темных веках начальной истории человечества, указали ему место на страницах исторических книг и в витринах историко-археологических музеев, а не стали, мешая реальность с вымыслом, сопричислять его к главным темам реальной жизни.

Таким образом, устанавливая первый тезис своего критерия поисков истины, Лелотт совершил серию подтасовок, направленных на то, чтобы заранее дискредитировать своих возможных противников и одновремен-

но притащить в реальность дорогой для него миф. Он упорно стремится показать существующее несуществующим и наоборот.

Он заканчивает развитие своей мысли о первом условии критерия истинности:

«Это учение не должно калечить нас, а должно уважать и даже вдохновлять всё то добре и прекрасное, что содержится в человеческой природе».

Что ж, мысль замечательная! Мы можем сказать, что именно таким учением является наша Программа КПСС, вся пронизанная уважением к человеку и призывающая его ко всему прекрасному и добруму. А затем учением, которое Лелотт старается пратащить в «единую на потребу» истину, пылают костры инквизиции, стоят бледные тени мучеников науки, согбенные ве-реницы рабов.

Это о христианстве ганский публицист Э. Грейв-Абайиль¹ написал, что «одна из причин господства белых над народами «Черной Африки» заключается в том, что африканцы беспрекословно приняли христианскую религию, богословие, этические принципы и обряды». Ибо «христианская миссионерская проповедь есть психологический и интеллектуальный империализм белых по отношению к аборигенам»...

А ведь слово «империализм» — это такое общеизвестное гнусное понятие, от которого сами империалисты теперь стыдливо откращиваются и подбирают термины и названия не столь противные людям.

Разве не о том, как калечили духовно людей иезуиты, пишет с горечью Абайиль?

А теперь давайте спросим: где самые большие в мире библиотеки? В странах заведомо христианских? Нет, в СССР! В какой стране больше книг в библиотеках? В СССР. Где печатается книг больше всего? В СССР (69 072 названия в год. В католической ФРГ — 16 552, в католической Франции — 12 032, в христианнейших США с населением, примерно равным нашему, — 14 876).² Где же больше путей к насаждению всего доброго и прекрасного? В нашей стране не печатаются комиксы, не прославляются печатью сексуаль-

¹ «Советская этнография», 1960, № 6, статья Э. Грейв-Абайиля «О моем отношении к христианству».

² «Курьер ЮНЕСКО», 1962, № 6.

ность, насилие, «сильные личности» кулачного типа, гангстеры и т. д., а выпускаются книги, воспевающие труд, дружбу, человечность, красоту жизни.

Высокопреосвященнейшие кардиналы, архиепископы и епископы, отцы аббаты, прелаты, патеры, проповедующие христианское учение, благословляют реваншистские сборища бундесвера в ФРГ, окропляют «святой» водой атомные пушки и ракеты, предназначенные для прямого убийства людей. Еще умирают на больничных койках далеко не последние жертвы Нагасаки и Хиросимы, а отец Лелотт уже готовляет людей к мысли, что число жертв атомной бомбы — в сумме равняется числу естественных смертей на земном шаре за один день.

Фразы иезуита бьют по нему же и его братии. Но довольно об этом.

Вторым условием критерия определения истинности того или иного учения Лелотт считает возможность применять его «ко всем людям». Он пишет, что «истинное решение вопроса должно подходить всем без исключения»: богатым и бедным, одаренным и неодаренным, молодым и старым, здоровым и больным. Что «оно должно подойти поденщице, как и королю, быть способным вполне удовлетворить дельца и паралитика».

Вдумаемся в эти слова. Основываясь на древнем свойстве религии вообще, христианства особенно и католичества в частности, реакционно облекать жизнь в окостеневые формы извечности, богосозданности, постоянства, якобы раз навсегда данных и угодных богу форм жизни, Лелотт объявляет вечной реальностью, неизменным содержанием жизни окружающий его мир такой, какая он есть, — капиталистический классовый мир, в котором он живет. Лелотт закрывает глаза на то, что уже около полувека рядом, на шестой части света, творится совершенно противоположное, разрушающее все догматизируемые им нормы и представления; что вслед за этой шестой частью света, равняясь на нее, шагает ныне третья всего человечества, что наши опыт перенимают сотни миллионов людей в странах, недавно бывших зависимыми и пока еще малоразвитыми или еще томящихся в неволе колониализма.

По Лелотту, истина должна подходить «и богатым и бедным». Но мир социализма уже доказал, что материальные преимущества, узурпированные одними людьми

ми у других, могут и должны быть перераспределены более справедливо. Так что ныне существующее в мире капитализма разделение — временное, преходящее, дряхлеющее... Зачем же отец иезуит равняется на него со своей пресловутой «вечностью»? Или «вечность» эта — дутая, выдуманная и поддерживается для защиты дряхлеющего мира насилия? Так?

Отец иезуит утверждает, что истина должна подходить «одаренным и неодаренным». Но в нашей стране нет ни образовательного, ни других цензов, чтобы человеку быть или не быть, считаться или не считаться человеком. Приезжайте к нам и убедитесь сами, если не верите! У нас не США, где негров не пускают в университеты, стараются не давать им развивать свои таланты и способности, и потом как «неодаренных» или «необразованных» не допускают к урнам на выборах и лишают гражданских прав.

«Молодым и старым» должен подходить лелоттовский критерий истины. Ну что ж!

Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет!..

Эту песню знает весь мир. А факты? Приезжайте, посмотрите на наши молодежные стройки, на подвиги целинников!

Выходите на Московское бульварное кольцо, пройдитесь по Летнему саду в Ленинграде, посетите клуб пенсионеров Невского района, у нас же в Ленинграде. Побеседуйте со стариками, добровольно ведущими большую общественную работу, до последнего дыхания

По мнению Лелотта, этот рабочий трудится, чтобы «продолжить дело божие на земле». Вернее было бы сказать, что он трудится во имя того, чтобы вознести человека на небо и изгнать оттуда древние суеверия. Ведь он — человек космической эры!

остающимися строителями и регуляторами жизни и ее отношений. Они ответят вам за меня, за всех нас, советских людей.

«Здоровым и больным» должен подходить критерий отца иеромонаха. А где еще столько делается для того, чтобы больных было меньше, для здравоохранения, для профилактики заболеваний? Мы боремся, и успешно, за то, чтобы все люди были здоровыми.

«Оно (это «истинное учение». — A. O.) должно подойти поденщице, как и королю, быть способным удовлетворить дельца и паралитика», — пишет отец иезуит. Мы живем без королей и дельцов и, право же, в них не нуждаемся. И жизнь от этого только выиграла. Спросите у румынских крестьян — плачут ли они по бывшему королю Михаю? Осведомитесь у обувщиков Чехословакии — много ли потеряли они без капиталиста Бати?

Мы предпочитаем оперировать вредные полипы на теле человечества, а не подсовывать басенные тезисы, чтобы «и овцы были целы и волки сыты». Хищника сено есть не заставишь. Недаром во всем мире волки объявлены вне закона и сроки охоты на них не распространяются. А двуногих волков отец Лелотт хотел бы сохранить? Какие же зубы вставит он им вместо клыков?

Русский баснописец Крылов сказал о таких опытах когда-то:

Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю...

Ну, а что касается «паралитиков», то это не категория людей, а несчастье. Болезни надо лечить, предупреждать их, а не равняться на паралитиков.

Так что вторая предпосылка критерия отца Лелотта насквозь фальшивая.

Наконец, третье, последнее условие критерия истинности того или другого учения по Лелотту:

«Оно (это «истинное учение». — A. O.) должно остаться тождественным самому себе во всех обстоятельствах жизни», «...как в мирное, так и в военное время, в благополучии, как и в беде», — поясняет Лелотт. И опять налицо та же фальшь, приданье черт извечности современному положению. Большинство людей выступают за то, чтобы ликвидировать войны. Мы верим, что в своем поступательном движении к новому общественному строю люди изживут поводы к войнам.

Даже сейчас, на наших глазах, в мире, разделенном на два непримиримых лагеря, не так просто предпринимать военные авантюры. И не просто именно потому, что сторонникам войны противостоит могучий и миролюбивый лагерь стран социализма. Этого отец Лелотт не хочет ни знать, ни признавать.

«В беде» — говорит Лелотт. А если ликвидировать беды в той мере, в какой это посильно людям? Людям же многое посильно, были бы руки развязаны!

•На фальшивую незыблемость старого, отмирающего мира ориентируется отец иезуит, на гнилую стенку опирается.

Во имя чего? Вот это вполне ясно. В своих рассуждениях он пытается увести читателя от практической реальной борьбы за улучшение дел мира, которую предлагаю прогрессивные силы человечества, к «утешительству», к покорности перед всем злом окружающего мира. В мире угнетателей и угнетенных, сильных и слабых мира сего именно на это опирается христианство.

Лицемерно, но как будто бы непредвзято отец Лелотт ставит общие условия разрешения задачи о смысле жизни, а сам исподтишка внушает, в каком именно плане, единственно для церкви приемлемом, следует искать ответа.

Ну, хорошо. Поговорили о критериях. Давайте примирять к ним учения. И вдруг Лелотт заявляет, что рассмотреть все учения «не хватило бы человеческой жизни», а потому-де «мы рассмотрим только христианство».

Опять зигзаг! Почему не хватило бы? Ведь изжившие себя учения рассматривать не придется. Их похоронили история и опыт жизни. А остающихся в мире совсем немного! Пальцев на руке хватит, чтобы пересчитать. Но Лелотт утверждает, что только христианство соответствует установленному им критерию.

Что ж! Если христианство соответствует фальшивому критерию — значит, фальшивым должно оказаться и оно само. Вывод напрашивается сам собою.

Иезуиту Лелотту очень хочется, чтобы запутанные им люди приняли его утверждение на веру, без рассуждений. Поэтому он торопится заявить: «А раз есть только одно истинное решение вопроса жизни, не должен ли будет читатель заключить, что христианское решение является искомым ответом?»

И в то же время Лелотта сосет червячок сомнения. Как бы ни хотелось отцу иезуиту одним росчерком пера превратить всех людей в покорное Христу стадо «словесных овец», смиленно идущих туда, куда зовут и ведут их «пастыри», но времена уже не те и так просто всех противоречий теперь не разрешишь.

Ему, призывающему вступить на путь «веры Христовой тех, кто далек от Христа», приходится с горечью признать, что среди самих «верных», в «овчарне господней» (выражение, почерпнутое нами из «творений святых отцов» церкви) царят разброд и шатание.

Одни христиане, говорит он, не могут разобраться, «какой ответ дает христианское учение на основные вопросы жизни», другие «опошляют христианскую жизнь, сводя ее к ...рутинным обрядам», а «великое число христиан» «падают духом при виде злостных нападок врагов церкви». Иными словами, верующие не могут не задуматься над теми рецептами разрешения проблемы, с которыми так решительно, как с несуществующими, расправился было Лелотт, рекламируя христианство как единственное средство познания смысла жизни...

Да, нелегкое положение нынче у защитников «веры Христовой»!

«Слишком велико еще число христиан, — меланхолически вынужден констатировать Лелотт, — критикующих — иногда справедливо (вот оно, шила-то в мешке не утаить уже! — А. О.) поступки и суждения представителей церкви, забывая, что хотя церковь божественного происхождения, бог доверил ее человеческим рукам. Обладая очень несовершенным знанием, эти люди загипнотизированы мелочами и упускают из виду главное. Они заслоняют от ищущих истину подлинный лик христианства».

Неглупый ход! Лучше самим себя «отечески» покритиковать, чем ждать, пока другие тебя «взгреют». Лучше часть деятелей христианства под удар отдать, чем всё построенное ими здание на слом пустить. В православии этот способ разделения «недостоинства христиан от достоинства христианства» практиковал философ Бердяев, а до него многие другие церковные писатели.¹

¹ См. об этом подробнее в моей книге «Путь к духовной свободе» (М., Госполитиздат, 1960) на стр. 32—38.

Но, отдав известную дань самокритике (далеко заходить опасно), Лелотт решил попробовать как-нибудь заранее обеспечить закрепление благочестия и верности религии у тех, кому он предназначает свою проповедь.

Он призывает своих читателей быть готовыми «принять истину, какой бы она ни оказалась и откуда бы она ни происходила». Вместо разумного трезвого рассмотрения «за» и «против» читатель должен гипнотически приготовиться к глотанию любой пищи, какую ему предложат... Тоже прием в религии не новый.

Лелотт призывает далее к закалке и самодисциплинированию: «Хотя бы раз в день принести небольшую жертву, отказать себе в удовлетворении своих потребностей, будь то еда или курение; отложить интересное чтение, продолжить на несколько минут работу, которую хочется бросить, не пользоваться креслом, встать на четверть часа раньше времени, не сообщить новость, которая привлечет к вам внимание слушателей ...и всегда по той простой причине, что мы хотим владеть собою».

Упражнения воли дело не плохое. Множество людей закаляет свою волю, умеет держать себя в руках. Для чего, однако, эти упражнения требуются теперь Лелотту?

«Сила воли необходима, — поясняет он, — чтобы следовать за истиной...» Конечно, — за его «истиной», за вероучением христианства, католичества.

«Было бы легкомыслением считать себя иммунизированным по той причине, что мы питали в своей душе пламенную любовь к истине (напоминаем, что у Лелотта в его книге «истина» отождествляется с «верой в бога». — A. O.). ...человеческая воля часто колеблется ...очень важно иметь мужество ...продолжать свой путь...».

Так, еще не познакомив слушателя с христианством, иеромонах Лелотт старается привить человеку элементы волевого фанатизма, чтобы человек этот, принимая всё, что ему будут внушать, был готов оставаться верующим, несмотря на все могущие возникнуть разочарования и сомнения...

Что и говорить, — эта операция задумана и осуществлена хладнокровно и трезво, с учетом кризиса религии наших дней.

Лелотт поместил под этим фото слова из Библии: «И увидел бог всё, что он создал, и вот, весьма хорошо», внушиая мысль о реальном якобы творце и целесообразности „создоренного“ им мира.

Закончив психологическую обработку и подготовку читателя к проповеди христианского вероучения и христианской морали, Лелотт вновь пытается напомнить человеку о его якобы малости и ничтожности в мире, чтобы тем более «великим» и «милосердным» показать ему затем «снисхождение» бога к человеческому ничтожеству. Для этого Лелотт сначала путем выписок из популярных учебников астрономии и физики рисует мир бесконечно огромных величин — звезд, галактик, метагалактик, окружающей нас Вселенной и сложнейший мир бесконечно малых величин — молекул, атомов, частиц, из которых состоим и мы и окружающее нас вещество. Затем провозглашает, что между этими двумя полюсами — бесконечно великого и невероятно малого — простерлась по лицу земли неисчислимая гамма чудес явлений природы. И всё это только для того, чтобы призвать своего читателя «к новому расположению

Вот такой же лес, но пораженный вредителями или опаленный молнией. Что ж, это тоже „весма хорошо“? Ведь не человеческими руками обезображен лес, а „богосотвренными“ вредителями или „божьей молнией“.

(Фото изпольского журнала *Fotografia*.)

души: уменью восхищаться, признавать существование тайны и открывать ей свою душу».

Уменье созерцать красоту окружающего нас мира, частицей которого являемся и мы сами, — качество драгоценное и нужное. Оно рождает эстетическое восприятие природы, возвышает и окрыляет человека, питает нашу фантазию и зовет к творчеству новой красоты, к практическому участию в жизни этого прекрасного мира, рождает пытливое желание познать его.

Понимание того, что вокруг нас много непознанных тайн, — тоже качество полезное. Оно побуждает человека к дерзаниям, к открытиям, исследованиям Вселенной.

Но не для этого понадобился призыв к восхищению природой и признанию окружающих нас тайн отцу иеромонаху.

С помощью цитат ученых реакционно-религиозного лагеря Лелотт проводит мысль об абсолютной непозна-

ваемости окружающего нас мира. «Наука — кладбище гипотез», ее «методы недостаточны», — утверждает он. И тут же, прибегая к привычной иезуитской фальсификации, в качестве таких «научных тайн» мира, куда-де никогда не проникнуть разуму, объявляет «проблемы существования бога и бессмертия души», то есть утверждает, что наука не может доказать существование бога, о несуществовании которого она давно сказала свое веское слово. Парадокс? Но Лелотта это не смущает. Наука, естественно, может заниматься только тем, что реально существует, и не стремится к бесплодным отвлеченным рассуждениям о том, чего в действительности нет. Лелотт объявляет отсутствие такого стремления слабостью науки.

Он даже злорадствует: «Наконец, стало общим местом отмечать, что тайна возрастает по мере того, как наука прогрессирует. Каждое новое открытие удлиняет список вопросов, ставящихся перед человеческим умом». Иезуит не хочет замечать или, вернее, сознательно умалчивает, что круг новых проблем увеличивается потому, что человечество расширяет поле познанного и всё глубже проникает в бесконечность Вселенной. Перед наукой встают проблемы, до которых при прежнем уровне знаний ей было, что называется, «не дотянуться». Это свидетельствует о росте, величии человеческого знания, а не о его беспомощности и слабости. Наука от описания переходит к анализу явлений и их причин. От регистрации предметов мира — к их творчеству (например, создание синтетических веществ, искусственных спутников Земли и т. п.). Возрастание круга проблем, возникающих перед наукой, является ее триумфом, а не капитуляцией.

Рассуждения о тайнах и якобы слабости знания потребовались Лелотту для двух целей. Во-первых, для утверждений следующего типа: «...таким образом повсюду мы встречаем тайну; учёные искренне соглашаются с этим... Христианские проблемы жизни, изложенные в этой книге, содержат несколько таинственных элементов ...я не имею права восставать (против них, разумеет Лелотт. — А. О.) только потому, что христианская религия, как и другие религии, предлагает мне несколько тайн, раз я принимаю без протеста те, которые приносит с собою наука...»

Иезуитизм этого положения потрясает. Лелотт, конечно, умалчивает о том, что наука констатирует сегодня тайну, чтобы завтра исследовать и открыть ее. Давно ли причины горения были для нас тайной, — теперь это страничка элементарного курса физики для начальных школ. Давно ли атом казался неделимым таинственным кирпичом Вселенной? Современная наука разлагает атом на составные части, перестраивает, комбинирует его элементы. Давно ли мы знали вокруг земли только атмосферу, а дальше шла тайна Вселенной? Сегодня мы как о познанных фактах говорим о стратосфере, ионосфере, магнитном поясе Земли, учтываем степень насыщенности мирового пространства гамма-, космическими и другими излучениями...

Религия же свои тайны подавала две тысячи лет назад, подает и сегодня, как такое блюдо, которое следует глотать не разжевывая, по принципу: «Закрой глаза, заткни нос и ешь, что тебе дают».

Перед нами игра на оттенках значения слова «тайна». Есть тайна и «тайна». Тайна, зовущая науку в путь, и «тайна» мертвящего векового обмана выдуманных «истин» о сотворенных людьми в годы младенчества человечества страшных сказках невежества. Сказки уходят с детством. А отец Лелотт человечество с дипломом аттестата зрелости наставляет таинственными страхами из «Синей бороды» и «Красной шапочки». Не солидно это получается!

Во-вторых, «тайна» потребовалась отцу Лелотту, чтобы сделать вывод, что она-де учит человека «сознавать свои границы, быть смиренным и восприимчивым по отношению к могущим мне помочь. Смижение не есть добродетель, нас унижающая... На самом деле, мы так незначительны по сравнению с раскрывающимися перед нами силами и чудесными явлениями, окружающими нас...»

Но несмотря на приписываемую человеку незначительность, он открывает, познаёт чудесные явления, а многими уже и овладел. Космонавты наши взлетают и садятся по расписанию в строго заданных местах. Ракеты летят как надо и куда надо.

А что касается смижения — перечтите еще раз приведенную нами на стр. 33—35 выдержку из книги Максвелла-Рида «Следы на камне».

Лелотт вновь выдвигает задачу превратить человека — в смиренную овцу, чтобы он навсегда остался младенцем, водимым на помочах «сердобольными» отцами христианства. Дорого обошлись уже человечеству эти помочи! Здесь, может быть, было бы полезно припомнить некоторые данные о взаимоотношениях между религией и наукой в истории человечества, но на эту тему и у нас и на Западе написано уже столько хороших, исчерпывающих книг, брошюр и статей, что просто не хочется повторяться. Напомню кое-что из истории только одной науки — медицины.

Возникновение этой науки, вначале как первобытной народной медицины, восходит к древнейшим этапам человеческой истории. Жизнь первобытного человеческого стада, затем орды была неимоверно трудна. Непрерывны были травмы, жизнь первых людей укорачивали болезни. На ископаемых костяках древних предков наших медики прочитали историю многих болезней, известных и в наши дни, — костного туберкулеза, ревматизма и т. д.¹ Почти все высшие животные «умеют» лечиться, — в процессе долгого развития они научились отыскивать различные средства для лечения болезней, ранений и травм. Академик И. П. Павлов говорил, что способу быстрого заживления ран, причиненных подопытным собакам, «научили» его и сотрудников сами собаки, которые устраивали себе дренирующую подстилку из известки, выцарапанной со стен. Такой же опыт был унаследован от животных нашими предками, — например, зализывание ран. Интересно, что человека и поныне «тянет» поднести ко рту раненое место, подуть на него. А дети пораненный палец часто просто суют в рот.

По мере своего развития люди накапливали и передавали друг другу опыт лечения многих болезней. Ведь и сегодня врачи не без пользы для себя изучают народную медицину, выделяют из нее полезные наблюдения и находки предков. Немало народных средств передано учеными на вооружение научной медицине.

С возникновением религии (много позже появления ранних медицинских сведений) она немедленно присвои-

¹ См.: В. Ф. Зыбковец. О черной и белой магии. М., Госполитиздат, 1963, стр. 13,

ла себе этот накопленный опыт человечества. Обычно хранителями медицинских сведений были старейшие и опытнейшие в орде или племени. С появлением религии они становятся хранителями и исполнителями магических, колдовских и других обрядов. Сознание своего бессилия перед природой, чувство страха перед ее явлениями, а затем появление угнетения в самом человеческом обществе вынуждали людей обращаться к этим, как им казалось, «мощным» средствам, чтобы предотвратить грозившие им беды, неприятности, опасности. Знание конкретных медицинских сведений стало разменной монетой, с помощью которой знахари, колдуны, шаманы поддерживали свой авторитет перед людьми. В это-то время возникает подделка под медицину — так называемая «лечебная магия», которая, кстати говоря, «по-видимому, является древнейшим видом магии» и «образовалась в качестве паразитического нароста»¹ на народных медицинских наблюдениях и сведениях.

Роль «врачевателя» в первобытных племенах была очень велика. Вот как об этом говорит советский научный исследователь М. Н. Покровский:

«Первобытный жрец, колдун, является в то же время и врачом... При отсутствии у дикаря понятия о неизбежной смерти власть врачевателя над больным в первобытном обществе гораздо больше, чем в наши дни. Для культурного человека врач — спаситель лишь относительно: он может отсрочить конец, вернуть или спасти работоспособность; но и только. Для диких он спаситель абсолютный: без него помрешь, с ним, может быть, не помрешь совсем... В какой экономической обстановке эта власть должна была проявляться с особенной силой? Не в быту оседлого земледельца, конечно... Объективно-хозяйственная роль «доктора» относится, несомненно, к предшествующему периоду, периоду охоты и бродячего земледелия. Непрестанная борьба с природой во всех формах наносит маленькой дикой орде громадные потери. Ежедневно то тот, то другой дикарь становится жертвой несчастного случая. Врачеватель тут как тут — он сумеет поставить на ноги выведенного из строя, сумеет и предупредить об опасности. Орда, где

¹ Та же книга В. Ф. Зыбковца, стр. 13.

лучше поставлена «медицина», несомненно, будет наиболее бое- и трудоспособной. А плохо обслуживающая своими врачевателями орда рискует вымереть или потерять такую часть своего состава, что будет смята в борьбе с лучше выстоявшими ордами-соперницами. В такой обстановке, всего вероятнее, возникает власть определенной общественной группы над своими сородичами...»¹

К чему, однако, привело узурпирование медицины религией? Невежественные и суеверные служители религии сами находились во власти превратных представлений; они разбавляли, а порою просто подменяли подлинно лечебные средства разными откровенно колдовскими приемами и тем часто превращали лечение в калечение и просто бессмысленное убийство человека. Ведь до сего дня кое-где встречаются такие последыши древних колдунов-врачевателей, которые умеют «закрыть» понос применением отвара подберестового слоя коры (вязущее средство, его применяли партизаны в эту войну) и в то же время могут поить месяцами ракового больного целительной «святой» (из «храма божьего», «богоявленской») или собственного изготовления «наговорной» водой и довести болезнь до неизлечимой стадии запущенности.

А сколько бед приносила религия своими попытками опеки над медициной в дальнейшем! В первые годы советской власти медикам, работавшим среди отсталых народов Сибири, приходилось преодолевать сопротивление жрецов-шаманов, выступавших против профилактики, иммунизации и терапии.

В средние века жестоко преследовались хирурги, пытавшиеся на покойниках изучить строение человеческого тела для помощи людям. Церковь травила Гарвея — врача, открывшего кровообращение. А каким нападкам суеверов подвергались врачи, проводившие противооспенные прививки! Сколько дикой невежественной злобы церковников проявилось в знаменитых в свое время в России холерных бунтах, когда врачей обвиняли, что они нарочно заражают и «травят» народ!

Каким чудовищным преступлением против человека, человечности и медицины является существование лю-

¹ Цитируем по той же книге В. Ф. Зыбковца, стр. 39—40.

бых «святых» мест, «чудотворных» икон и, в частности, на Западе католической святыни — Лурдской божией матери («чудотворной» статуи Мадонны в гроте близ города Лурда).

Почему мы так говорим? А вот почему. Бывают иногда болезни, вызванные не органическими необратимыми процессами, а нервными потрясениями и травмами. Такие болезни поддаются лечению внушением, гипнозом и тому подобными средствами. Убеждаемые церковниками, что у «святых» мест, «чудотворных» икон и т. п. бог подает особые силы, люди завороженно приходят туда с надеждой и упованием. Иногда их самогипноз, самовнушение действует растормаживающе на их болезни, если они были на нервной почве. Могут «восстать» отдельные параличные, «исцелиться» некоторые больные накожными болезнями и даже, правда исключительно редко, как исключение, «прозреть», слепые, ослепшие на нервной почве.

Религия шумно раздувает подобные случаи, ибо это выгодно, — повышаются ее доход и влияние, укрепляется доверие к ней и ее авторитет. В разрекламированный церковниками Лурд ежегодно приезжает до двух миллионов паломников со своими болезнями. А регистрируется в год — хорошо если одно-два исцеления. Да и то не каждый год.

Ну что ж, и то хорошо, скажет, может быть, иной читатель. Так ли?..

А остальные 1999 998 человек из приезжавших в Лурд?.. Они ждали, надеялись, — какая травма у них от несбывшихся надежд! Сколько людей из-за этого запускало до безнадежности болезни, которые можно было, если бы взяться за дело своевременно, оперировать, вылечить, задержать в развитии. Налицо подлинное преступление. Играя на отдельных случаях исцелений больных с заболеваниями на нервной почве, церковь объявляет «универсальной» лечебной силой «благодать божию» и этим дезориентирует людей, заставляет терять время, запускать болезни, тогда как на самом деле никакая их пламенная вера, никакое самогипнотизирование перед «святынями» помочь не может. Могли бы помочь врачи, если бы больные пришли к ним своевременно.

Там, где самогипнотизирование бесполезно, не по-

может никакая «благодать», ибо ее на самом деле нет. Собственно, «благодатью» церкви ни от одной болезни не удавалось еще исцелить никого. И это, между прочим, является ярким доказательством абсолютной лжи учения о «бытии божием», о «нездешнем мире», о его «благодатных дарах» нам, людям.

Можно бы кончить на этом. Но я хочу рассказать об одном случае, когда на моих глазах религия присвоила под видом «чуда» великий труд медиков-ученых, да их же еще при этом и опорочила.

В бытность мою священником в буржуазной Эстонии я был свидетелем такого случая. Очень верующая женщина чрезвычайно хотела иметь ребенка. Она была уже беременна, когда, поздно обратившись к врачам, узнала, что у нее узок таз и роды грозят смертью ребенку или ей, или им обоим. Женщина была в отчаянии. Врачи предложили кесарево сечение, но она испугалась операции. Шли недели. Положение могло стать критическим. В это время в Таллин приехал с лекциями популярный среди русской эмиграции иеромонах — проповедник, фанатик, позер, игравший на популярности среди ханжествующих истеричных дамочек. Привлеченная общей мольбой о «святом отце иеромонахе», женщина решила с ним посоветоваться. И этот фанатик заявил: «Никаких врачей не слушайте. Ждите от бога установленного для женщин часа и рожайте. Я помолюсь. Всё будет хорошо...» Женщина поверила и... родила. Эмиграция ликовала. Чудо! Батюшка сотворил «чудо исполнившейся молитвы!» Вот что-де значит вера. Проповеднику, уже давно уехавшему в страну, где он жил, полетели телеграммы, восторженные письма. Церковники пожинали жатву.

Только много позже я узнал настоящую правду. Да, женщина родила. Но с каким риском, в каких нестерпимых муках! Лучшие хирурги города боролись за ее жизнь. Только благодаря небольшому весу ребенка врачам удалось спасти мать и ребенка путем наложения сложных швов на чудовищные разрывы. Были применены все средства медицины, всё искусство врачей, чтобы остановить страшное кровотечение. Врач потом говорил: «Это мы в тот вечер, по существу, заново родили не дышавшего, задышенного родами ребенка и его истекавшую кровью, искалеченную мать».

Всей этой нелепой игры двумя жизнями могло не быть, если бы ярый фанатик не вмешался и не настроил женщину против диагноза и советов врачей.

Вот как бывало и бывает, когда пути религии перекрещиваются или сходятся с путями медицины. А мы ведь еще ни слова не сказали об использовании церковью кликуш, «бесноватых» и тому подобных несчастных, о канонизации (объявлении святыми) душевнобольных — «юродивых», которых церковники ставят в пример нормальным людям, о сожжениях в средние века сотен тысяч «ведьм» (мы не ошиблись, именно сотен тысяч!), — на самом деле тоже больных женщин — неврастеничек и истеричек, часто самой религией доведенных до этих болезней.

Нет на свете науки, которая не могла бы предъявить религии длинного, часто кровавого, счета.

Человечество давно перешагнуло детский возраст начальной своей истории, сдало экзамен на взросłość, на совершеннолетие, а религия, будучи сама только наследственным заблуждением этого детства, всё еще не может понять, как далеко вперед ушли люди.

Как «страшная» детская сказка не годится для взрослых, так и религия выглядит вдвойне уродливой, когда рассматривает людей века космоса как каких-то взрослых младенчиков, которые всё еще боятся кикиморы и бабы-яги, которых всё еще надо водить за ручку, кормить с ложечки манной кашкой и по каждому случаю говорить слова: «Это можно, а это нельзя —

Такими «пастыри» христианства хотели бы видеть людей всегда. Водить их на помочах в качестве неизменных младенцев, не смыслящих от колыбели до могилы.

(Шуточный фотомонтаж из журнала *Fotografie* — ГДР.)

бо-бо!..» Да, церковь до сего дня претендует на «детоводительство» человеком.

Встретив в немецком фотографическом журнале шуточный фотомонтаж, изображающий «взрослых младенцев», я вспомнил религиозное учение о человеке и невольно сравнил верующих людей с такими же великовозрастными детьми.

Заржавленное, ославленное оружие церковного «детоводительства» человеком, его разумом, его способностями, его психикой — вновь теперь принимается на вооружение и адресуется советским верующим и неверующим людям «благовестником» от иезуитизма иеромонахом Лелоттом.

Такова первая часть «труда» иезуита. Мы не останавливались бы на ней так подробно, если бы методы предварительной психологической обработки людей, вербуемых в религию, приводимые в этой книге, не были так характерны для религии наших дней вообще. Лелотт придал им только иезуитскую утонченность, изощренность.

Покончив с психологической подготовкой, отец иезуит переходит к раскрытию «истин христианской веры» — основных доктринах католичества. Последуем за ним и познакомимся с этими доктринаами в том виде, как их пропагандирует отец Фернан Лелотт и его «известный передовитостью» орден.

Часто

вторая

**ЗДАНИЕ ВЕРЫ
ИЕЗУИТА ЛЕЛОТТА**

Глава 6

ЛЕЛОТТ „ДОКАЗЫВАЕТ“ БОГА И СОТВОРЕНIE ИМ МИРА

Раскрытие «истин» христианской веры, которые-де и должны помочь современному молодому человеку уяснить себе «проблему смысла жизни», Лелотт начинает с естественного для него, как для представителя религии, «главного вопроса» — о существовании бога.

Первый параграф этого раздела озаглавлен у него «Ответ разумам». Таковым, по его мнению, является «познание творца в творении, в целесообразности и слаженности всех частей природы». Доказательство старое, затасканное и бесконечное количество раз опровергавшееся наукой. Пусть читатель вспомнит хотя бы недавние наши замечания на некоторые иллюстрации книги Лелотта, и ему станет ясной вся шаткость этого аргумента. Ведь еще Эпикур¹ в древности заметил, что созерцание мира и жизни в нем приводит как раз к противоположным выводам. Множество зла в мире скорее доказывает, что бога нет и никогда не было, чем его существование. Ибо если бы он существовал и был, как о нем говорится, добр и благостен, то пришлось бы, глядя на все беды в мире, предположить: или бог хочет (ведь он благ) помочь миру, но не может, тогда он не всемогущ и, следовательно, не бог; или он может (всемогущий) помочь людям, но не хочет, тогда он не благ, тогда он бог не добрый, а злой. Или он не хочет и не может помочь, тогда это не бог, а вредное ничтожество. Или он и хочет и может. Но тогда почему же у него ничего не выходит?

¹ Эпикур (341—270 гг. до н. э.) — выдающийся материалист и атеист древности. Отрицал вмешательство богов в дела мира и исходил из признания вечности материи, обладающей внутренним источником движения. Материалистическое учение Эпикура до сего времени вызывает ненависть богословов и прочих реакционеров.

И вывод напрашивается сам собою: да потому, что его просто нет и никогда не было...

Желающих подробнее ознакомиться с данным «доказательством» бытия божия мы с удовольствием адресуем к хорошей брошюре О. Яхота «Целесообразность, всемогущий бог и законы природы» (М., Госполитиздат, 1962).

К своему «доказательству» Лелотт добавляет небезызвестный «довод» католического иеромонаха Марешала («Отправная точка метафизики») о том, что познание материального предмета не может дать человеку «полного удовлетворения ...потребности в истине», а это будто бы доказывает, что «наш разум стремится к бесконечному существу», а значит, таковое существует.

Выдавая желаемое за действительность, богословы приписывают своим идеяным противникам примитивные взгляды. Они отрицают у человека способность обобщать закономерности Вселенной, общественных, моральных, эстетических и остальных проблем бытия разумной части природы, ограничивают эту способность возможностью познавать только одни предметы. Им хотелось бы видеть своих идеологических соперников убогими, поверхностными и слабыми, — ведь с такими легче было бы бороться.

Последним «доказательством» бытия божия отец Лелотт выдвигает положение, что все окружающие нас существа «и мы сами — появляются и исчезают. Если бы мы носили в самих себе источник жизни, то были бы бессмертны». А следовательно-де, «источник жизни не в нас», и это — бог!

Но вот каждый год появляются и пропадают на березе листья. Они живут. Источник жизни не в них, а в порождающей их березе. Береза же не бог, а физическое тело, организм, дерево...

Почему же не сказать проще: да, мы не бессмертны. Но бессмертна та природа, листочками на дереве жизни которой являемся все мы. Это она в своем развитии творит всё новые и новые жизни. Недавно ученые открыли остатки органического вещества и следы деятельности микробов даже в прилетающих к нам из глубин мирового пространства метеоритах...

И последнее «доказательство» Лелотта также не доказывает существования бога, как и оба предыдущих.

Автор же книги, как бы намекая на неисчерпаемость якобы имеющихся у него «доказательств», заканчивает свой тезис фразой:

«Мы могли бы без труда продолжать список аргументов, которыми разум подтверждает бытие божие».

Могли бы! И не сумели привести ничего более доказательного! Плохи дела у апологетов господа бога в части научных доказательств его бытия!

Не найдя ничего лучшего, Лелотт вновь прикрывается щитом имен и авторитетов и приводит несколько цитат из высказываний верующих ученых. Мы уже разобрали, и притом достаточно подробно, всю шаткость подобных ссылок (см. главу 4, стр. 53—64).

Покончив наспех и мимоходом с вопросом, который он же сам недавно называл «главным», Лелотт добавляет: некоторые видят доказательство бытия божия в предании, другие считают, что бог познаем только интуитивно — чувствами.

Всё это не так. Церковь утверждает, что человек может постигнуть бога разумом «без помощи откровения, предания и чувства ... основываясь только на рассмотрении тварного мира».

Мы уже показали, как скользок этот «единственно правильный» путь «доказательства» бытия божия.

Добавим еще, что самая попытка отца иезуита пройтись, как говорят в обиходе, «галопом по Европам» мимо самой животрепещущей для христиан проблемы, лишний раз доказывает, насколько непрочными, шаткими считают сами защитники христианства и идеи бытия божия свои доказательства «от разума», «от науки», «от логики» и тому подобные. Примечательно, что советский ученый И. А. Крывелев в опубликованной издательством «Советская Россия» (1960, 48 стр.) популярной лекции «О доказательствах бытия божия» перечисляет и разбивает вдребезги не менее семи важнейших бытовавших в богословии «доказательств», в том числе и Лелотты. А сам богослов Лелотт отважился привести их только три, считая остальные, очевидно, бесполезными. И при всем сказанном Лелотт характеризует свое «доказательство» бога как «первый ...догмат, встречающийся на нашем пути». Что ж, по «истине» церкви и «доказательность» ее догматов!

«Обосновав» так этот «первый догмат», отец иеро-

монах торопится скорее расправиться и с противниками его — людьми, отрицающими бога.

Со снисходительным презрением он пишет: «Объяснение мирового порядка, даваемое некоторыми людьми, не требует большого умственного усилия». Они-де всё объясняют игрой случая. Современный мир, по их мнению, появился вследствие начального хаоса, а потому нет необходимости в боже. «Сказав это, они умолкают, не объяснив, в сущности, ничего», — заканчивает иезуит свое изложение теории «некоторых людей».

Совершенно ясно, что Лелотт приписывает подобную теорию материалистам. Но это же ложь! Мы нигде не говорим о первоначальном хаосе в мироздании, так как не признаём его начала или конца. В мире, как показывают советские астрономы, всё время разрушаются и рождаются звезды, галактики и т. п. Идет круговорот бытия вечной и бесконечной материи, существующей по присущим ей законам и свойствам...

Правда, в применении к своим рассуждениям о роли случая в жизни мира, Вселенной Лелотт оговаривается, что «надо различать абсолютный и относительный случай». «Абсолютный случай», по Лелотту, «есть отсутствие всякого закона ...в мире», и именно о таком случае, которым объясняют мировой порядок «некоторые», он и говорит. Но есть еще «относительный случай» — не-предвиденное совпадение вследствие действия двух или нескольких законов. Например: камень обрушивается на едущего велосипедиста. Каждый из них (и камень и велосипедист) двигался по своим естественным законам, а встретились случайно. И Лелотт замечает, что «никто не отрицает существования подобных случайностей». Но ведь именно материалисты говорят об относительной случайности. Именно они учат раскрывать природу в присущей ей закономерности. Лелотт, таким образом, приписывает материалистической науке то, чего она не говорит. Сам же подает, как сугубо церковное объяснение, хорошо разработанное в материалистической философии учение о соотношении случайности и закономерности.¹

¹ Позволим себе отослать заинтересовавшегося решением вопроса о случайности и закономерности читателя к главе VI (стр. 194—226) книги «Основы марксистской философии», подготов-

Бога нам действительно не нужно, ни в природе, ни в сознании человека. Но приписывать материалистам то, чего они не утверждали, нечестно.

Один шведский ученый говорит, что в мире есть такая внутренняя закономерность: у медленно врашающихся звезд, к каким принадлежит наше солнце, третья от данной звезды планета будет обладать габаритами и другими данными примерно похожими на земные. Вот как современная наука, и в первую очередь материалистическая, познаёт закономерности, царящие в мире, во Вселенной. А Лелотт хочет представить всех материалистов любителями библейского хаоса...

Расправившись с глупостью им же сотворенных «противников», Лелотт обрушивается на атеистов вообще.

Здесь он прибегает опять-таки к одной из самых затасканных религией теориек всё того же учения, что «всякая душа по природе своей христианка». Он просто отказывается верить в существование атеистов как таковых. Да, да! Вот что говорит иеромонах:

«Подчеркнем прежде всего, что не так легко найти подлинного атеиста...» Одни-де просто невежды, «никогда не изучавшие религиозных вопросов...»

Позволительно спросить, а сколько людей верует в бога потому, что они никогда не изучали вопросов атеизма? Если учесть, что, по мировой статистике, подавляющее число верующих приходится на круги, не имеющие никакого образования или только едва коснувшиеся его, — сравнение будет не в пользу Лелотта и его веры. А среди сотен миллионов атеистов, насчитывающихся в мире, процент образованных неизмеримо выше.

Следующую категорию атеистов Лелотт определяет как людей, которые просто «не доросли до постановки перед собой всей проблемы жизни».

Опять-таки мы можем с большим основанием, учитывая приведенное соотношение образованных и необразованных в религии, спросить: а может быть, это верующие не доросли до богоотрицания, до раскрепощения своего сознания от древних призраков?

Говоря о таких якобы «недоросших», Лелотт прямо

ленной Институтом философии АН СССР (М., Госполитиздат, 1958), а равно к главе II учебного пособия «Основы марксизма-ленинизма» (стр. 54—90) (М., Госполитиздат, 1959).

и откровенно клевещет на рабочий класс, идущий в авангарде борьбы человечества за прогресс, за новую жизнь, за новое, высшее человеческое общество:

«Так, например, рабочий, угнетенный тяжелым трудом, будет бороться до конца за более достойную жизнь, за лучший социальный мир, но он не будет думать о боге, потому что он слишком занят добыванием материальных благ и это поглощает его способность мыслить».

Итак, по Лелотту выходит, что рабочий класс теряет свою «способность мыслить». А как же тогда треть человечества была выведена им из бесправия на путь свободной жизни и творчества? Ведь именно сыны рабочего класса борются сейчас за мир во всем мире против сил злобы, угнетения, войны, капитализма, колониализма. Покоряют космос. Совершают величайшие, обогащающие человечество открытия.

Вот когда отец Лелотт невольно забылся и проявил себя тем, кем он является на самом деле, — убежденным проповедником «западного образа жизни». Прорвало. Не сумел сдержаться при всей иезуитской привычке к самодисциплине.

Вместе с тем он утратил и логику. Забыл книги и статьи бесчисленных христианских богословов и пастырей, в которых доказывается, что беды, горе, угнетенное состояние, наоборот, создавая в человеке психологическое ощущение слабости, неуверенности, потерянности скорее приводят к богу, чем уводят от него. Ведь это о таких говорит народ, что «гром не грянет — мужик не перекрестится» и «утопающий за соломинку хватается».

Разве миллионы людей вне социалистического мира держатся по сей день за религию не потому, что она пока является для них пусть иллюзорным, но единственным прибежищем во всем их бесправии, угнетенности, вечном страхе остаться без работы, оказаться выброшенными на улицу.

Не французские ли католические исследователи пришли несколько лет назад к выводу, что, пока рабочие были неорганизованы, им оставалось уповать только на бога и прибегать к богу. А когда у них появились профсоюзы и другие организации, они стали надеяться более на коллектив и на эти организации, чем на молитвы церкви и ее утешения царствием небесным.

Нет, не в угнетенности рабочих корень того, что они «не думают» о боге, а наоборот. Угнетенность чаще всего толкает людей в храмы, бросает их на колени перед статуями, иконами, священнослужителями.

Лелотт между тем продолжает «разделяться» с атеистами.

Часть их оставила бога и веру якобы просто «потому, что она стесняла их личную жизнь». Старый прием, о нем мы уже говорили. Он состоит в утверждении, что только глубоко верующий может быть подлинно нравственным. Этой ложью, отметая всё величие подвигов любви, милосердия, дружбы, братства, патриотизма советских людей — законченных и последовательных атеистов, нередко пользуются еще православные и сектантские проповедники и в нашей стране. В этой передержке повинны профессора духовных академий, епископы, протоиереи и иереи. Неудивительно, что ее использует и отец иеромонах.

Перечислив «не настоящих атеистов», Лелотт, наконец, переходит к настоящим:

«Атеистами можно назвать только честных людей, серьезно обдумавших этот вопрос и по зрелом размышлении дошедших до спокойного и уверенного убеждения в том, что бога не существует, и которые, несмотря на печальные обстоятельства, изменяющие течение их жизни (болезни, неудачи, потери близких), остаются в невозмутимой уверенности, что они одиноки в пустыне мира. Даже приближение смерти находит их в совершенно ясном и спокойном расположении духа».

Что ж, от такой характеристики мы не откажемся. Но советские люди, живущие в великой семье коллектива, вовсе не «одиноки в пустыне мира». Чувство локтя, братства, гуманистической человеческой солидарности совершенно исключает приписываемое нам отцом Лелоттом одиночество. Но характерно, что даже внешне объективно говоря о своих идейных противниках, иезуит не говорит о них всей правды, а из правильных подчас признаний делает неверные выводы.

«При таких условиях сколько имеется подлинных атеистов?» — восклицает победно Лелотт.

Не радуйтесь, отец иезуит, атеистов уже немало и с каждым днем становится всё больше.

Не о боге, а о людях, о Родине думали в последнюю

минуту герои Отечественной войны Матросов и Талалихин, Гастелло и панфиловцы, Зоя Космодемьянская и краснодонцы.

Не о боге, а о людях думают герои наших мирных будней — участники массового движения за коммунистический труд, дружинники, ведущие борьбу против тунеядцев, пьяниц, хулиганов, пограничники, охраняющие наши рубежи, рабочие и интеллигенты, академики и колхозники, делающие всё, чтобы Родина жила краше, советские люди — безопаснее и счастливее.

Атеистов много, движение к атеизму стало подлинно массовым явлением. Ведь по вашей же, католической (и уж в отношении ваших идеальных противников, разумеется, заниженной), статистике только за последние 30—35 лет это число атеистов выросло на 200 миллионов человек. И рост рядов свободомыслящих с каждым днем всё увеличивается.

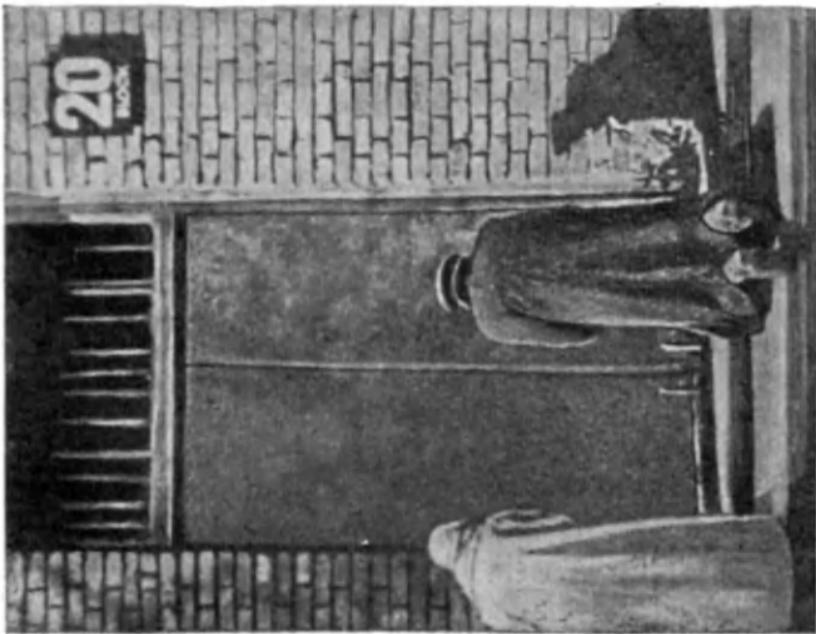
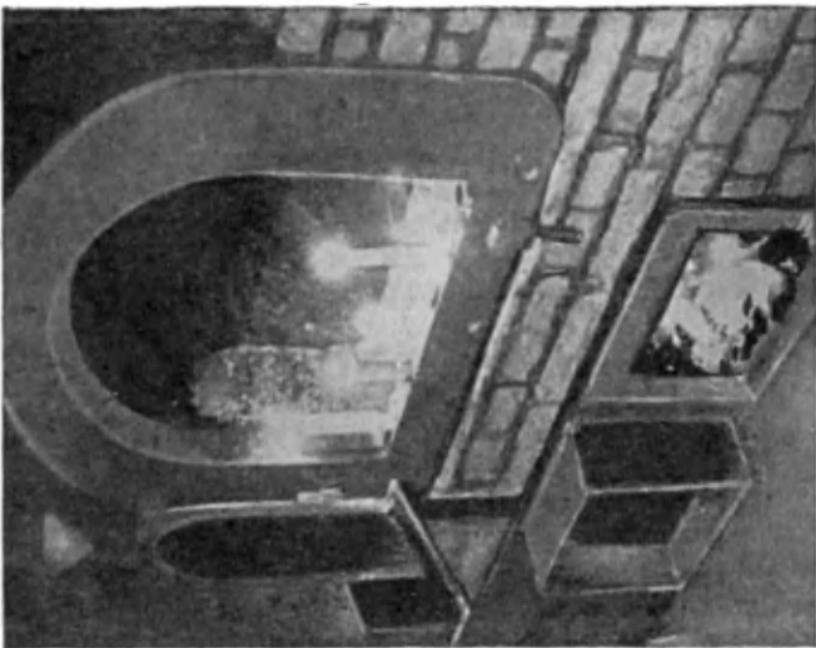
Сведя до считанных единиц подлинных атеистов и сделав из этого вывод, что они поэтому внимания не заслуживают, Лелотт вновь возвращается к богу. Возвращается для того, чтобы заявить, что человеку якобы после всего сказанного Лелоттом «остается только одно — по примеру многих обратиться к богу». Но ведь автор разбираемой книги так и не привел ни одного сколько-нибудь серьезного доказательства существования того, к кому он советует обращаться. «Замолчи, глупый разум, слушай бога», — обрывает нас отец иеромонах словами запутавшегося на склоне лет в мистицизме Паскаля. Подобное «доказательство» говорит само за себя. Комментарии, как говорят, излишни! .

«Нет сил убедить — зови полицию!» — говорили русские рабочие в дни революции 1905—1907 годов.

Вот этому «глупому разуму», которому приказано «молчать» и не рассуждать, Лелотт торопится втолковать, как нечто само собой разумеющееся (совершенно бездоказательно), что «бог может войти в нашу жизнь сверхъестественным способом», на то он и бог; что он «говорил миру», «говорил человечеству»... Вот и «доказаны» возможность «чудес» и подлинность «священного писания» — «божественного откровения»!

Читателю остается по совету Лелотта вооружиться неразборчивым, всё проглатывающим и всё приемлющим «духом веры» и «раз бог существует (вот как

Добрый отцом, склонившимся заботливо над миром, рисуют бога Лелотт и ему подобные. А что сделал этот отец, чтобы не пылали печи Освенцима? Только небытием бога можно объяснить его равнодушие. Не бог, а люди, потерявшие близких своих, преклоняют теперь в скорби свои колени у этих страшных памятников жестокости.

«убедительно», оказывается, нам его «доказали! — А. О.) «войти с ним в живую связь».

«На молитву, шапки долой!» — командовали в армии царской России. Недалеко ушел отец иеромонах от этого фельдфебельского «доказательства приказом».

«Убедив» читателя в существовании бога, Лелотт переходит к рассказу о его делах, его деятельности. Иначе что это будет за бог. И иезуит «раскрывает» перед нами историю мира и человечества, сначала, правда, только до нашей эры.

Бог у него, разумеется, прежде всего «творец». А человек? А человек — наглец!

«Бог творил по определенному плану; человек с этим планом не согласился: отсюда — драма», — говорит Лелотт. Он вовремя умалчивает о существовании открытого еще М. В. Ломоносовым всеобщего закона сохранения материи, исключающего роль бога-творца. Для Лелотта вечен только бог. Если бы рядом с этим хозяином и владыкой всего мира церковники допускали существование вечной и бесконечной, неисчерпаемой в своих свойствах материи, бог был бы ненужен, так как какой же он творец и создатель, коли Вселенная существует без его участия. Так иезуит уходит от самого рассмотрения учения передовой науки о вечности и бесконечности материальной основы мироздания.

Читателя, который пожелает ознакомиться с этим, игнорируемым Лелоттом, важнейшим разделом прогрессивного философского и естественнонаучного мировоззрения, мы отсылаем к серьезной, но доходчивой книге: С. Г. Мелюхин. «Проблемы конечного и бесконечного» (М., Госполитиздат, 1958).

Сами же вернемся к сути Лелоттовой фразы. Итак, человек обвиняется в неповиновении столь призрачно «доказанному» «творцу». А отсюда — его «драма». Ослушался творца, сам на себя и пеняй. Это по твоей вине, человек, на тебя обрушаются тайфуны и градобой, жжет лава, засыпает вулканический пепел, топят наводнения, поглощают трещины землетрясений. Засуха или дожди, гноящие плоды, обрекают тебя на голод. Оспа и чума, малярия и тифы, дизентерия и дифтерия губят тебя и твоих детей. Сам виноват, когда тебя мучают глисты, кусают клещи, клопы, вши и блохи, жалят змеи, когда тебя скрючивают ревматизм и ишиас,

когда на детей твоих обрушиается полиомиелит. Сам виноват, когда тебя гонят, гнетут, мучают, убивают. Ведь ты не согласился с «планом творца».

Может быть, до этого несогласия не было катастроф и болезней, насилия хищников?

Палеонтологи и геологи показывают нам собрания окаменелых костяков тварей, погибших от стихийных бед сотни миллионов лет назад, — значит, беды эти появились задолго до человека. На этих костяках допотопных тварей, живших за миллионы лет до человека, находят следы болезней, их подтачивавших. В каменных пластах мы находим следы и бактерий — того страшного мира, который несет столько заболеваний человеческому роду. Окаменелые древние клыки и когти, челюсти хищников не меньше, а еще больше тех, которые мы встречаем позже, когда на земле появился человек и своим «несогласием с планами творца» стал перед ним виновным и вызвал «драму»...

Лелотта всё это не смущает. Он видит драму не в том, сколько трудностей у людей в их земной жизни. Эти трудности, оказывается, тоже предусмотрены в «плане творца». Да, да, не удивляйтесь. Лелотт так и пишет, поясняя «план божий»: «Он их (людей. — А. О.) создает подобными ему самому, наделенными разумом и свободными и дает им возможность заслужить вечное счастье, подвергая их предварительно преходящему испытанию во время их краткой земной жизни».

Вот вам и объяснение всех «испытаний», выпадающих на долю человека в природе и в мире. Как тут не возблагодарить «творца» за такую любовь. А ведь бог, по Лелотту, «есть любовь, и поэтому он, без всякой выгоды и без всякой необходимости для самого себя, от вечности хочет призвать к существованию другие существа и дать им вечное счастье, как вечно счастлив он сам»...

Волкам, очевидно, он захотел дать счастье пить теплую кровь и терзать плоть травоядных, а травоядным — счастье быть терзаемыми. Щуке — счастье глотать карасей, а карасям — счастье попадать ей в желудок. Как это напоминает литературные «шедевры» дореволюционной поваренной книги некой Малаховец «Советы молодым хозяйствам», в которой, например, говорилось, что «караси любят, когда их обжаривают в сметане»!

Неблагодарным жителям Помпеи и Геркуланума¹ следовало не кричать от боли в момент гибели их и их детей, а славословить бога за любвеобильные испытания... Так же, как жертвам землетрясений — лиссабонского (1755 г.), мессинского (1908 г.), токийского (1923 г., погибло более 140 000 чел.), скопленского (1963 г.). И жертвам наводнений на североморском побережье ФРГ (1961 г.) или в долинах Хуанхэ и Миссисипи — также...

Ведь в то время, когда его создания подвергаются этому «испытанию», бог «дает им возможность участвовать в его божественной жизни». Лелотт считает, что «компенсацией» людям за подобные ужасы является пребывание в церкви.

А как ощущали эту «божественную жизнь» десятки тысяч людей, снесенных с лица земли волною цунами с побережья Явы, когда взорвался вулкан Кракатау (1883 г.)? Или жители целого города Сен-Пьера на острове Мартиника, погибшие (за исключением одного человека, посаженного в подвал полицейского участка) от раскаленного газового облака вулкана Мон-Пеле (1902 г.)?

Не проклинали ли они, наоборот, своего «творца» за такие «испытания», за подобные проявления «любви»?

Впрочем, Лелотт заявляет, что «бог от вечности предвидел, что его создания, которых он наделяет своими благодеяниями, откажутся следовать его призыву».

Такова сила его любви, говорит Лелотт, что бог решает, «не смотреть безучастно на частичную неудачу дела, вызванную злоупотреблением человеческой свободы, но самому исправить отклонения людей ...Иисусом Христом», и объединить затем всех людей в основанном им учреждении — церкви, «чтобы все они сотрудничали с богом...» сначала на земле, а затем в не-

¹ Помпея и Геркуланум — древние римские города в Италии, погибшие и засыпанные пеплом во время извержения вулкана Везувия в 79 г н. э. При их раскопках найдены пустоты в слежавшемся и окаменевшем пепле. Пустоты образовались на месте постепенного разложения засыпанных пеплом трупов погибших. Заполняя пустоты жидким гипсом, ученые получили фигуры погибших людей, позволившие им восстановить страшные картины, происходившие в момент катастрофы. Эти немые, но красноречивые свидетели давних лет как бы взывают к богу, если таковой существует и допустил их гибель, о правосудии и отмщении.

коем обновленном им мире, «центром которого будет тот же Христос...»

Такова общая наметка истории мира и человека от якобы «начала» Вселенной (которая, как мы знаем, на самом деле вечна и бесконечна) до начала нашей эры, а затем и далее, нарисованная Лелоттом.

Его не смущает чудовищная нелепость положения, что бог создал тварь и сам же поставил ее в искусственные испытания... Даже курица, — птица, как принято считать, глупая, — бережет своих цыплят и защищает их от всех бед, а не призывает для их «испытания» ястребов и коршунов, кошек или хорьков, не сталкивает их в воду и не ведет на «упражнения» с гадюками. А бог, если он есть, как утверждает Лелотт, продевывал и продевывает всё это с людьми.

Щенки и те скоро познают, что мальчишки, привязывающие пустые консервные банки к их хвостам, отнюдь не делают их участниками своей человеческой жизни. А люди, мучимые бедами, ниспосыпаемыми им «творцом», должны почитать себя участниками жизни этого «творца».

Кошка шипит и выпускает когти, когда видит того, кто задавал ей не раз трепку. Лелотт же и его бог упрекают людей за то, что они отказываются следовать за жестоким своим «творцом».

Назовем ли мы хорошим архитектора, у которого рухнул спроектированный им мост или хотя бы быки дали опасные трещины? Но Лелотт требует, чтобы мы считали бога «всемогущим» даже после того, как ему, по словам самого же иеромонаха, пришлось констатировать «частичную неудачу дела», то есть бессилие своего «всемогущества», непредвиденную осечку «всеведения» и «злые последствия» «совершенного» творчества.

Лелотт ссылается на Христа, которого бог якобы послал в мир. О Христе нам предстоит говорить дальше. А пока спросим верующих читателей нашей книги: задумывались ли вы, дорогие друзья, над вопросом, зачем надо было богу посыпать на землю «сына божия»? Почему бог не мог, если он «отец любящий», если он так добр, как рисует его церковь, просто простить людей, если они чем-то перед ним провинились? Зачем ему потребовалось подвергать мукам невинного «сына божия», казнить его?

Фашисты в последнюю войну, белогвардейцы в гражданскую — расстреливали заложников, то есть невинных людей, чтобы терроризировать, запугать остальных. А богу зачем потребовалась невинная кровь? Подумайте! Мы вернемся еще к этому вопросу; подготовьте себя к нему. Вспомните, что именно за такой якобы «величавый» подвиг божества перед самим собою, как полагает Лелотт, людям следует благодарно объединяться вокруг бога и общества верующих в него — церкви... и считать этого жестокосердого «родителя» центром своего и всемирного бытия.

«Как можно говорить и чего ради говорить о таком нагромождении нелепостей!» — воскликнет неверующий читатель книги. Но ведь это центр, стержень всего христианского мировоззрения, которое так усердно старается раскрыть перед советскими людьми, и в первую очередь перед советской молодежью, строящей коммунизм, автор разбираемой нами книги. Многие люди и до сего дня еще считают эти нелепости осмысливающими их бытие нетленными «ценностями».

Набросав общие принципы «дела божьего в мире», Лелотт переходит к детальному рассмотрению отдельных элементов этой картины.

Первым из них является сотворение мира. Лелотт утверждает, что вначале был только бог, что он создал всё из ничего и продолжает творить и поддерживать свое творение поныне. Высказав это, иеромонах тут же спешит заверить, что «вопрос о первопричине Вселенной лежит вне компетенции науки» и что «нам приходится признать для себя невозможным понять, что значит творить».

Отставив человеческий разум в сторонку и провозгласив, как нечто само собой разумеющееся, положение о том, что «конечно, бог есть первопричина материального мира, поскольку он творец всего», Лелотт всё же понимает, как шатка в нашем мире великих достижений человеческого разума надежда на такое бездумное, бездоказательное приятие на веру основных вопросов бытия, и пытается подтащить им же только что отогнанную науку к «акту творения».

Иезуит распространяется о рамках и границах науки, которые не переступить, и милостиво разрешает ей разбираться в деталях однажды уже сотворенного богом

Бог милосерд и „промышляет“ о мире, учит Лелотт. Почему же молчал «милосердный бог», когда фашисты бесчеловечно уничтожали узников лагеря „Клоога“ на территории оккупированной Эстонской ССР, а потом сжигали на кострах их трупы?

мира. В чем же заключается вынужденный реверанс иезуита перед наукой? Лелотт маневрирует.

Религия говорит о сотворении Вселенной, Земли и человека языком Библии. Наивные сказки ее об этом давно критически рассмотрены самими рационалистически настроенными богословами. Корни этих сказок обретены в ряде языческих мифологий Ближнего Востока. Наука четко показала, что они являются отражением быта, взглядов, суеверий определенных эпох материального и социально-общественного развития древних евреев и соседних с ними племен. Изучены эпохи, в которые возникли эти сказки как народные легенды и мифы, и то время, когда они были зафиксированы письменно. Подлинная научная история Вселенной, нашей планеты и человека не менее подробно описана геологами, палеонтологами, антропологами и учеными близких к ним наук.~

Пусть читатель обратится к таким прекрасно написанным сочинениям, как:

П. Лаберен. «Происхождение миров» (М., Гос-техиздат, 1958).¹

О. Ю. Шмидт. «Четыре лекции о теории происхождения земли» (М., изд-во АН СССР, 1949).

А. И. Опарин. «Жизнь, ее природа, происхождение и развитие» (М., изд-во АН СССР, 1960).²

М. Ф. Нестурх. «Происхождение человека» (М., изд-во АН СССР, 1958).

А что же делает Лелотт с «божественным откровением» «непогрешимого», «всеведущего», «истинного» бога? Как примиряет сказки Библии с данными науки?

Внешне он капитулирует и выбрасывает за борт часть того «откровения», за непризнание хотя бы единого слова из которого его собратья три-четыре века назад сжигали людей на кострах.

Всё библейское сказание о сотворении мира, земли, жизни и человека иезуит называет «народными рассказами», то есть, попросту говоря, сказками, мифами. А как же быть с «богооткровением»? Оказывается, всё очень просто: «священный автор» (всё-таки священный, хотя и сказочник!) использовал их, чтобы передать людям «истины», что «всё, и в том числе человек, сотворено Богом». И что люди должны чтить «седьмой день недели». Конечно, о том, что неделя-семидневка возникла из языческого, отнюдь не богооткровенного, посвящения в Вавилонии семидневного цикла дней пяти известным тогда планетам, а также Солнцу и Луне, — почитавшимся за богов, — ни слова, молчок! Только бы выгородить дорогой для церковников день основных доходов церкви и основной идеологической обработки ее чад.

Если служители церкви называют сказки «божественным откровением», потому что из них можно вывести что-то подходящее и полезное тем или иным людям, как полезны идеи бога-творца и почитание воскресного дня церковникам, то летчики должны объявить «божественным откровением» сказки об Иване царевиче, так как

¹ На ту же тему есть более популярная работа: С. Всехсвятский и В. Казютинский. Рождение миров. М., Госполитиздат, 1961, 174 стр.

² Читатель мог бы с пользой для себя прочесть и книгу: А. Игнатов. Проблема происхождения жизни. М., Соцэкгиз, 1962.

там есть «идея» летательного аппарата (ковер-самолет), космонавты — сказку о Коньке-горбунке, так как там Иванушка отправляется в «космический полет» — к Месяцу Месяцовичу, и т. д. и т. п.

Не от хорошей жизни приходится сегодня церковникам оставлять свои прежние позиции и отступать на заранее подготовленную линию обороны. Трудные для них времена настали!

Начав это отступление, Лелотт пишет далее, что «науке нет оснований считаться со сроками и хронологическим порядком, которые автор «книги Бытия» приписывает сотворению мира...» Смотрите, какими осторожными стали отцы иезуиты: даже назвать автором «книги Бытия» Моисея уже не осмеливаются и говорят только о каком-то безличном «авторе» вообще. Ведь лет пятьдесят назад это было бы названо святотатством. Кругом одни черепки. Остается держаться хотя бы за «общую идею». А на чем сама эта «общая идея» стоит, раз ее из сказки выводят, на сказке обосновывают, — пусть судят сами читатели.

Отступив по всем статьям в вопросе происхождения мира и нашей планеты, Лелотт не может удержаться и на позициях защиты божественного происхождения жизни. Ему приходится считаться с гипотезами переноса жизни с других космических тел и самозарождения жизни в ходе развития материи. Он скрепя сердце пишет, что «церковь вовсе не требует веры в прямое вмешательство божие, как причину появления живой материи; можно быть христианином и в то же время допускать, что жизнь самозародилась из мертвой материи».

Так отец Лелотт, чтобы спасти хоть что-нибудь, выкидывает за борт всю прежнюю богословскую литературу своей же церкви и христианства вообще. Опровергает всех прежних догматистов, апологетов, «святых отцов», святых, вселенские соборы и само «священное писание». Между тем его же коллеги писали неоднократно, что «бог всегда один и тот же, и истина во все века одна и та же, и церковь и вечна и неизменна в своей истинности и в истинности того, чему учит»! Что же теперь получается? Всё за борт, только бы не потонул самый «корабль церкви», только не остался бы он без паствы, без доверчивых душ, без легких доходов.

К чему же сводится роль бога-творца после отставки

его от участия в акте появления жизни? Вот как Лелотт определяет эту роль:

«Его вмешательство остается ...хотя и представляетъся отдаленным; действительно, если жизнь появилась из материи, то это значит, что бог вложил в материю возможность, в силу которой она, будучи предоставленной самой себе, при определенных условиях своего строения, температуры и пр., могла оживиться...»

Стало быть, опять-таки все, что сказано в «слове божием» о сотворении жизни, — сказка. За богом остается только «общее руководство» да первоначальная «зарядка» материи всеми ее свойствами. «Святые отцы» и «учители церкви» наверно перевернулись бы в своих раззолоченных гробницах от этих слов Лелотта.

Тысячу раз прав был Фридрих Энгельс, когда писал более ста лет назад в своей «Диалектике природы»:

«С богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели. Материалисты попросту объясняют *положение вещей*, не вдаваясь в подобного рода фразеологию; это последнее они делают лишь тогда, когда назойливые верующие люди желают навязать им бога, и в этом случае они отвечают коротко или в стиле Лапласа: «*Sire, je n'avais etc.*»,¹ или грубее, на манер голландских купцов, которые спровоживают немецких коммивояжеров, навязывающих им свои дрянные фабрикаты, обычно такими словами: «*Ik kan die zaken niet gebuiken*»,² — и этим дело заканчивается. Но чего только не пришлось вытерпеть богу от своих защитников! В истории современного естествознания защитники бога обращаются с ним так, как обращались с Фридрихом-Вильгельмом III во время иенской кампании его генералы и чиновники. Одна армейская часть за другой складывает оружие, одна крепость за другой капитулирует перед натиском науки, пока, наконец, вся бесконечная область природы не оказывается завоеванной знанием и в ней не остается больше места для творца. Ньютон³ оставил ему еще «первый толчок», но запретил

¹ Начальные слова ответа Лапласа Наполеону: «Государь, я не нуждался в этой гипотезе», на вопрос о том, почему в своем «Трактате о небесной механике» Лаплас даже не упоминает имени творца мира.

² «Мне этикакие вещи не нужны».

³ Ньютон, Исаак (1642—1727) — знаменитый английский физик, открывший закон всемирного тяготения.

всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему. Патер Секки,¹ хотя и воздает ему всякие канонические почести, тем не менее весьма категорически выпроваживает его из солнечной системы, разрешая ему творческий акт только в отношении первоначальной туманности. И точно так же обстоит дело с богом во всех остальных областях. В биологии его последний великий Дон-Кихот, Агассис,² приписывает ему даже положительную бессмыслицу: бог должен творить не только животных, существующих в действительности, но и абстрактных животных, рыбу как таковую! А под конец Тиндарль³ совершенно запрещает ему всякий доступ к природе и отсылает его в мир эмоций, допуская его только потому, что должен же быть кто-нибудь, кто знает обо всех этих вещах (о природе) больше, чем Джон Тиндарль! Что за дистанция от старого бога — творца неба и земли, вседержителя, без которого ни один волос не может упасть с головы!

Эмоциональная потребность Тиндаля не доказывает ровно ничего. Кавалер де Гриё тоже имел эмоциональную потребность любить Манон Леско⁴ и обладать ею, хотя она неоднократно продавала себя и его; из любви к ней он стал шулером и сутенером, и если бы Тиндарль захотел его упрекнуть за это, то он ответил бы своей «эмоциональной потребностью»!

Бог — *nescio* [не знаю]; но *ignorantia non est argumentum*⁵ (Спиноза).

Следуя по таким же «дорогам отступления», лишь бы сохранить общее руководство, Лелотт далее расшаркивается и перед эволюционизмом и объявляет, что «вера

¹ Секки, Анджело (1818—1878) — итальянский астроном, исследователь спектров звезд, Солнца, Луны, планет и комет. Одним из первых применил в астрономии фотографирование.

² Агассис, Жан Луи Рудольф (1807—1873) — швейцарский естествоиспытатель, исследователь ископаемых рыб и иглокожих. Враг дарвинизма.

³ Тиндарль, Джон (1820—1893) — английский физик. Изучал вопросы поглощения тепловых лучей газами, рассеяние света, явления диамагнетизма. Сотрудник великого физика Майкла Фарадея, о котором написал книгу.

⁴ Герой романа французского писателя аббата Антуана Франсуа Прево д'Экзиль (1697—1763) «История кавалера де Гриё и Манон Леско». На этот роман композитор Массне написал известную оперу «Манон Леско».

⁵ Незнание не есть аргумент.

без труда уживается с эволюционной гипотезой»,¹ так как, мол, «не имеет никакого на этот счет откровения от бога».

Так ли, отец Лелотт? По крайней мере, вами же почитаемые за «отцов» и «учителей» церкви «святые» Василий Великий, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, блаженный Августин, блаженный Иероним и многие другие писали в своих толкованиях — объяснениях на книгу Бытия — об одновременном, сразу в современном виде сотворении богом всех видов и родов живых тварей на лице земли, и церковь ни разу не подвергала сомнению их «богоглаголивые» откровения.

Но отец иезуит и «святых отцов» за борт отправил. Не до них, не до святости их, раз корабль церкви дал течь. Приходится срочно, на ходу перестраиваться, приспосабливаться, подделяться под современность.

Глава 7 АНТРОПОЛОГИЯ ИЕЗУИТА ЛЕЛОТТА

«Переходя к вопросу о нас, о человечестве, следует ли думать, что и мы, как растения и животные, являемся детьми эволюции, или нужно признать, что бог создал нас целиком и непосредственно?» — спрашивает Лелотт и добавляет: «Человек настолько отличается от ниже стоящих живых существ, что особое вмешательство творца представляется здесь наиболее вероятным».

Далее, ссылаясь на слова папы Пия XII, он всё-таки соглашается на применение дарвинизма и к человеку: «Церковь не воспрещает учения об эволюции...» Спасибо за милость, отцы! Но чиновник в повести М. Е. Салтыкова-Щедрина был всё же сообразительнее. Он хоть и размахнулся «закрыть Америку», но добавил: «Впрочем, сие, кажется, от меня не зависит!»

¹ Расшаркиваясь перед эволюционизмом, Лелотт незаметно старается и подорвать доверие к нему, называя эволюционную теорию (т. е. обобщение опыта практики!), какой она давно признана всеми серьезными учеными, только эволюционной гипотезой, т. е. научным предположением, выдвинутым наукой, но еще недостаточно доказанным. Это прием типичный для отцов иезуитов.. Говорить «да», а подготовлять почву для «нет»!

Учение об эволюции не прибавится и не убавится в своей доказательности и правоте от того, «воспретят» или «не воспретят» его богословы.

Но, капитулировав перед наукой и признав народным мифом историю сотворения человека в Священном писании, Лелотт тут же совершаєт своего рода «заячью петлю».

Эволюционизм прав, говорит иеромонах, только в отношении физической стороны человека. А он «состоит из материального элемента — тела и духовного элемента — души». Вот душа-то уж обязательно «непосредственно сотворена богом».

В начале настоящей книги мы уже говорили о том, имеет ли человек отдельную, независимую от тела душу, и привели ряд доказательств и свидетельств ложности церковного учения о душе.¹

Добавим и еще нечто к этому важному спору религии и науки, идеализма, утверждающего, что сознание предшествует материи, и материализма, говорящего о том, что материя предшествует сознанию.

Несколько лет назад Ленинградскую духовную академию окончил студент Николай Миронов, принявший монашество, посвяжение и ставший отцом иеромонахом Никодимом. Соответственно православному (а также абсолютно сходному с ним в этом и католическому) учению церкви отец Никодим твердо верил (и до сих пор верит, насколько мне известно!), что человек обладает отдельной от тела «богоданной» душою. И что если тело может болеть недугами земного, материального происхождения, микробными и вирусными инфекциями, то душа, как духовное начало, может болеть «духовными» болезнями. А инфекционными возбудителями их являются злые духи, дьяволы, бесы. Кстати говоря, с «бесовской проблемой» мы еще встретимся и в книге самого отца Лелотта. Так вот, желая «послужить на пользу православного верующего народа», отец Никодим темой кандидатской диссертации² избрал «актуаль-

¹ С удовольствием, в дополнение к сказанному, отсылаем читателя к «Приложениям», где мы помешаем интересные материалы по этому вопросу из газеты «Известия».

² Об этой «диссертации» и ее авторе подробнее можно прочесть в статье «Чертовед в рясе» в моей брошюре «Человек на ложном пути» («Советская Россия», М., 1960), стр 8—19.

ную проблему»: «Действие злых духов на душу человека по учению отцов церкви и „Добротолюбию”». ¹

В своей «диссертации» отец Никодим использовал и «труды» одного из гнуснейших духовных негодяев дореволюционной России — Сергея Нилуса, приложившего руку к созданию таких широко распространявшихся в свое время церковниками православных книг, как «Великое в малом» и «Сионские протоколы», раздувавших антисемитизм, работавших на руку самодержавию, черносотенцам, охранке. Миронов приводит из книги Нилуса «Служка божией матери и Серафимов», как наиболее близкое нашему времени «доказательство» подлинности ада и дьявола, бредовые переживания психопата Н. А. Мотовилова, ученика фанатика Серафима Саровского, признанного церковью святым.

Изданная в 1904 году, в дни нарастания революционного подъема трудящихся масс, эта книга была призвана запугать и покорить воле «помазанника божия» — Николая II — рабочих и крестьян.

Мотовилов был изломанным религией несчастным фанатиком. В его больном мозгу возникали различные галлюцинации, в основе которых были евангельские тексты. Нилус преподносил читателю этот бред больного как доказательство существования сатаны, от которого верующему одно прибежище, одно спасение — бог в лице его служителей — священников, монахов, архиереев.

В книге рассказывается о том, как Мотовилов с трепетом всему веряющего запуганного фанатика прочитал рассказ о некоей, якобы бесновавшейся 30 лет, верующей женщине.

Современный почитатель и доверчивый читатель мракобеса-погромщика Никодим Миронов приводит следующую цитату из писаний Мотовилова, приведенную в книге Нилуса.

«Я задумался, — пишет Мотовилов, — как это может случиться, что православная христианка, приобща-

¹ «Добротолюбие» (греч. «Филокалия») — сборник аскетических писаний древних христианских «подвижников». На русский язык переведен в конце прошлого века и издан в пяти огромных томах известным мракобесом епископом Феофаном Затворником — врагом прогресса и свободомыслия.

щаяся пречистых и животворящих тайн господних, и вдруг одержима бесом, и притом такое продолжительное время, как тридцать с лишним лет. И подумал я: «Вздор! Этого быть не может! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к таинству святого причащения». И в это самое мгновение, пишет Нилус, страшное, холодное, зловонное облако окружило Мотовилова и стало входить в его судорожно стиснутые уста. Как ни бился несчастный, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползшего в него облака, оно вошло в него всё, несмотря на все его нечеловеческие усилия.

Врач-психиатр с интересом прочтет эти строки. Это действительно документ. Но доказывает он не существование «мира иного» и «злых сил», а наличие психического заболевания.

Запуганный религией, находящийся во власти бредовых суеверий, нервно больной фанатик осмелился усомниться в правильности Священного писания, церковной доктрины и практики. Осознав факт сомнения, Мотовилов впадает в панику, подсознательно мыслит об ответственности за самый страшный, по христианским понятиям, грех — грех неверия, грех хулы на «духа святого». Его большая, расшатанная постами и молитвами психика не выдерживает, он начинает галлюцинировать и впадает в припадок истерии или какого-либо другого нервного заболевания. Вот как он описывает далее свое состояние:

«Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамения, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова». Отвратительно-ужасное совершилось для Н. А. Мотовилова. Наступил период тягчайших мучений: «Господь сподобил меня на себе самом испытать, а не во сне и не в привидении, три геенские муки: первая — огня несветимого и неугасимого. Продолжались эти муки в течение трех суток, так что я чувствовал, как сожигался, но не сгорел. ... Вторая муха в течение двух суток — тартара¹ лютого геенского, так что и огонь ... согревать меня не мог. По желанию его преосвященства, я с полчаса

¹ Одно из названий преисподней, ада, подземного «царства диавольского».

держал руку над свечою, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. ...Обе эти муки причащением давали хоть мне возможность пить и есть, и спать немного мог при них, и видимы они были всем. Но третья мұка геенская, хотя на полчуток еще уменьшилась, ибо продолжалась только 1½ суток и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание от неописуемого и непостижимого. Как я жив остался от нее? Эта мұка была — червя неусыпаемого геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и владыки Антония, не был виден, но я при этом не мог ни спать, ни есть, ни пить ничего, потому что я не только весь сам был преисполнен этим наизледшим червем, который ползал во мне и во всем и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность, выползаючи через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать...»

Несчастная жертва религиозного психоза корчилась и бредила, стонала и мучилась. А над ней склонялся «князь церкви», который, сам будучи невеждой и мракобесом, торопился объявить бред больного подлинной реальностью для подтверждения собственных невежественных представлений или (если он понимал, что Мотовилов болен, и только делал вид, что верит его бреду как реальности) ради нового подкрепления церкви очередным обманом «к вящей славе божией».

Для диссертанта Никодима Миронова «это был факт открытого нападения сатаны на духовную, отличную от тела сторону человеческого существа — душу. Попущением божиим, для большего нашего совершенствования...» (стр. 19 его «труда»). Ибо так учат «святые отцы» церкви, так учат ее пастыри и архипастыри.

Издательство «Иностранная литература» выпустило в свет две интересные переводные книги: американского философа-марксиста Гарри К. Уэллса «Павлов и Фрейд» (М., 1959, 608 стр.) и известного популяризатора микробиологической, медицинской и других наук доктора Поля де Крюи «Борьба с безумием» (М., 1960).

В первой из них приводится потрясающее по силе свидетельство из медицинской практики академика И. П. Павлова о случае, подобном описанному Нилусом, которому дается совершенно другое, строго материалистическое объяснение. Вот что пишет Уэллс:

«Среди больных, которых он (Павлов. — A.O.) наблюдал, была молодая девушка, страдавшая навязчивостью. В отношениях с людьми она была скромной, практичной и высокореальной. Нервная система ее относилась к слабому типу. Вскоре после наступления зрелости она сильно влюбилась в одного человека, но ее этические и религиозные взгляды помешали реализации этого стремления. Происшедшая сшибка между возбуждением и торможением привела к образованию навязчивого представления, будто на ее лице грубо отражается сексуальное влечение. Она стала бояться выходить на улицу, так как ей казалось, что люди смотрят на ее лицо и смеются. Некоторое время эти идеи были воображаемыми, но все еще в рамках возможного. Однако затем последовал скачок в область фантастики. После разговора с подругой об искушении Евы в саду Эдема змiem у нее неожиданно появилась неотразимая идея и ощущение, будто змий живет в ее теле. Он постоянно двигался, и иногда ей казалось, будто его голова высывается через горло. Она буквально чувствовала все это. Таковы были словесные и поведенческие симптомы. Каково же было нервное расстройство, лежащее в их основе?

Навязчивое представление о том, будто ее сексуальное влечение выражается на лице, основывалось, согласно Павлову, на явлении патологической инертности. То была «инертная идея», то есть идея постоянно присутствующая, и другие идеи или вступали с нею в связь, или задерживались. Так все идеи, которые могли бы противостоять навязчивому представлению, оказались заторможенными. Высший нервный механизм, лежащий в основе инертной идеи, состоял в столкновении процессов возбуждения и торможения; возникавшее торможение нервных клеток было слабым, и возбуждение оказалось доминирующим...

Сшибка двух форм нервной деятельности привела к концентрации и инертности возбуждения и ослаблению торможения в соответствующих клетках коры, выразившихся в появлении навязчивой идеи. Последняя является не «чисто психическим» явлением, а прежде всего результатом нарушения нервной деятельности благодаря перенапряжению. Поэтому лечение заключается не в анализе психических явлений, а в возвращении нервной деятельности к норме...

Продолжая анализ случая с девушкой, Павлов объясняет вторую fazu ее бреда, — а именно, что змей-снобазитель живет в ее теле, — возникновением защитного торможения, распространением гипноза, или частичного сна, в ультрапарадоксальной фазе..

Павлов делает следующий вывод: «Таким образом в основании бреда лежат два физиологических явления — патологическая инертность и ультрапарадоксальная фаза, то существующие врозь, то выступающие рядом, то сменяющие друг друга...» «...лечение должно восстановить нормальную нервную деятельность...» (стр. 200—202).

Вот как современная медицина и психология объясняют факты, подобные приведенному иеромонахом Мироновым в доказательство существования отдельной души и «духовных» заболеваний, «причиняемых» дьяволом. И не только объясняют, но и лечат успешно и верно не молитвами и заклинаниями, а реальными

лекарствами и процедурами, лечебным сном и другими земными средствами.

Вторая из упомянутых нами новых книг — «Борьба с безумием» Поля де Крюи — приводит огромное количество фактов, убеждающих в том, что так называемые душевные заболевания успешно излечиваются применением медикаментов, химических препаратов и другими чисто материальными средствами. Почтайте (она написана легко, увлекательно), и вы увидите, как под воздействием этих средств у страдальцев успокаиваются нервы, снимаются признаки умственного помешательства и люди, утерявшие человеческий образ, возвращаются к полезной деятельности, к нормальной человеческой жизни.

Приведенные доказательства вновь и вновь с абсолютной четкостью убеждают в единстве физической природы человека и ее душевных проявлений, психической ее деятельности.

Разве лекарства оказали бы действие, если бы мы имели дело с отдельным, духовным началом в человеке? Да при чем были бы здесь тогда все эти таблетки, уколы, обтирания, шоковая терапия, весь этот материально-физический арсенал науки. Ведь именно с помощью этого арсенала наука побеждает болезни «духа» во всё больших и больших масштабах. А операции на мозге, удаление опухолей мозга, возвращающие людям полноту человеческой жизни? Что же, если верить «отцам духовным», опухоль давила на бесплотную духовную сущность души и мешала ей нормально действовать?

Знаю, они попробуют увернуться, — тело, мол, орудие души. Сломанной лопатой огорода не вскопаешь; больным телом душе трудно пользоваться.

Допустим. Но сломанную лопату огородник бросает. А почему же воздействие на тело — простое орудие души (вспомните опыты оживления, о которых мы уже говорили) — заставляет душу к нему, этому испорченному орудию, покорно возвращаться?

Не выходит с отдельной душой, с духовной сущностью! Ничего не выходит...

Совсем молодая наука кибернетика, по законам которой конструируются «умные» электронно-вычислительные машины, убедительно показывает, что вся «ду-

ховная сторона» существа человека является только проявлением деятельности материи на высших ступенях ее эволюционного развития и раскрытия ее свойств.

Нам понятно, почему так держится за учение об отдельной душе отец Лелотт: на этой «вешалке» развернуты все «одежды» христианской догматики.

Из-за той же боязни лишить догматы веры их исходных положений Лелотт, признав эволюцию, фальсифицирует ее, присоединяя к ней учение церкви о происхождении человека от единой пары, даже более того, от андрогина,¹ двуполого существа, как об этом учат Библия и Талмуд иудаистов.

Но двуполость для живых существ высшего порядка является научным абсурдом, который даже опровергения не заслуживает. Вся палеонтология, зоология, весь дарвинизм в целом стоят против этого архиневежественного утверждения.

Таким же мифом является происхождение человечества от единой пары. Мы знаем, что эволюция была длительнейшим процессом. Очеловечивание происходило в борьбе с природой, в отборе сильнейших и наиболее приспособленных, в окружении суровейших условий жизни, формировавших человека.

Спрашивается: да как же могла уцелеть единственная пара? Какой же в ней происходил отбор? И на каком этапе явилась эта таинственная пара — у австралопитеков, питекантропов, синантропов, неандертальцев?²

¹ А н д р о г и н (греч.) — женомуж. Так представляли «перволюдей» некоторые религии и философы древности. В сочинении философа Платона «Симпозион» (Пир) имеется такой миф. Прозрачный намек на такую же сказку имеется в Библии в гл. I книги Бытия.

² А в с т r a l o p i t e k i — ископаемые человекообразные обезьяны, ближе к человеку, чем современные человекообразные обезьяны. Череп австралопитека был найден в 1924 г в Южной Африке. За последние 40 лет был еще ряд находок костных и черепных останков этих древнейших предков человека. П и т е к а n t r o p — древнейший ископаемый вид собственно человека. Стоит по строению ближе к обезьянам, чем любой другой из ископаемых видов человека. Черепа и кости найдены на о-ве Ява впервые в 1891 г., затем в 1893, 1938—1939 гг. К питекантропу близок синантроп (кости найдены в Китае), который несколько выше его по развитию. Последующим за синантропом звеном в эволюции человека являются неандертальцы (останки впервые найдены в Европе).

Элементы религии (происхождение человека от единой пары) и науки (эволюция), которые, спасая фундамент религии, пытается сплавить и соединить Лелотт, до такой степени несовместимы, что сколько-нибудь научный разбор подобного гибрида трудно даже представить себе. Так же как не может, например, физиологическая наука обосновать возможность заглатывания волком Красной Шапочки и ее бабушки целиком и сохранения их живыми в брюхе серого разбойника, как об этом рассказывается в сказке Перро.

«Сотворив» путем бездоказательных и противоречащих научным данным добавление к эволюционному учению о происхождении человека — в виде нужной для его дальнейшего рассказа «единой пары», от которой якобы произошло всё человечество, люди, «состоящие из тела и души», — отец Лелотт получает возможность начать на этом фальшивом фундаменте построение всего здания «истинной веры».

Теперь он уже догматически безапелляционно, не прибегая больше ни к науке, ни к разуму, заявляет, что человек был для того и «с сотворен» (значит, опять-таки сотворен! весь камуфляж с эволюционизмом можно уже отбросить!) и «призван», чтобы «знать бога», то есть «на основании простого созерцания чудес природы утверждать существование творца»...

Нет, не случайно распростился на этом этапе отец иезуиг с наукой. Ведь наука показывает, что $\frac{11}{12}$ своего бытия на земле человек никакого бога не знал и жил без какой бы то ни было религии.

Прочтите об этом небезынтересную книгу В. Ф. Зыбковца «Дорелигиозная эпоха» (М., изд-во АН СССР, 1959).

У Лелотта «знание бога» — это «инстинктивное и естественное стремление человеческого разума, ищащего полноту бытия».

Добавим, что Лелотт не одинок. До него, несколько десятков лет назад, венский профессор иезуит патер Шмидт предпринял колоссальный «труд» — доказать «извечность боговедения и богопознания» в человеке. Он и его ученики выпустили десятки толстенных томов «истории религии» разных племен. И везде находили начальное монотеистическое «боговедение». Церковники захлебывались от восторга.

Ученые, однако, разоблачили эту гигантскую «работу», как злонамеренную, ради религии, подделку...

Недаром, называя в своей книге «прославивших» церковь ученых, Лелотт стыдливо умалчивает о патере Шмидте.

«Обретя» же в человеке обязательное «боговедение», Лелотт выводит из него и обязанность «любить бога», «преклоняться» перед ним в «личной молитве и общественном культе», «жить соответственно правилам морали».

Так начинается обкрадывание церковью человека в его делах, в его человеческой доброте.

У людей есть совесть — «сознание чувства моральной ответственности человека за свои действия перед обществом, народом, а также перед отдельными людьми, моральная самооценка личностью своих поступков и мыслей с точки зрения определенных, специфичных для того или иного народа, класса, общественной группы норм нравственности, ставших внутренним убеждением человека». ¹

Люди творят много доброго и прекрасного. Творят на основании норм общечеловеческой морали и нравственности, выработанных ими в ходе длительного развития. А религия и церковь выводят эти нормы из «велений божиих», из некоего «изначального богочеловечества», которое и кладут в фундамент в качестве источника совести. Как показывает наука, никакого «боговедения» не существовало в течение большей части бытия людей на лице земли. История, этнография, археология, сравнительное языкознание и другие науки показывают нам, что и сама совесть возникла вполне земным образом «в результате взаимоотношений между людьми в процессе их исторического развития». ²

Напрасно отец Лелотт присваивает религии совесть и честь, правду и доброту. Они формировались по мере роста человечества, в ходе его истории, а не были приданы ему извне. В этом можно убедиться, проследив исторические пути человечества. Развивались люди — углублялись и их понятия, совершенствовались их чувства, эмоции. Менялись общественные формации — ме-

¹ Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), т. 39, стр. 472.

² Там же.

Неравенство в распределении благ, по Лелотту, — „мировой закон“, навечно установленный любящим богом. Хороша же любовь, заставляющая страдать миллионы невинных детей, подобно этим умирающим от голода маленьким конголезцам! (Журнал „Азия и Африка сегодня“.)

осуществители божьих предначертаний...

Напрасны все эти заигрывания, — трудящиеся давно поняли, что бог и его проповедники в их трудах, в их судьбе и в их борьбе решительно ни при чем, что

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Свою собственной рукой.

По Лелотту же получается, что человек «подчинен» богом двум законам: «закону труда» и «закону прогресса». Один, мол, повелевает ему работать, созидать и действовать на земле (а без бога он, очевидно, лодырем жил бы), другой зовет его познавать, открывать,

нялись нормы морали и поведения. Все они — продукт жизни человека на земле, ибо выросли вместе с нами.

Но отец Лелотт привносит и нечто новое. Он не может не считаться с тем, что верующие теперь не те, что они живут в мире, где все пути ведут к коммунизму, где социалистические идеи вошли в плоть и кровь миллионов и сотен миллионов людей.

Из опасения утратить влияние на этих идущих к вершинам человечности людей иезуит спешно рядится под трудящегося человека и спешит заверить, что человек, исходя из того же, якобы присущего ему, «боговедения», призван «служить богу» — вернее, «сотрудничать в его творческом деле». Лелотт расшаркивается перед теми, кто производит все ценности мира — вы-де и есть лучшие

совершенствоваться, идти вперед (без бога люди, очевидно, до сих пор в пещерах жили бы). А каким законам бог подчинил богачей-тунеядцев, веками, с благословения Священного писания и «слуг божиих», сидевших, а в большей части мира и сейчас еще сидящих, на спинах людей труда? Отцу Лелотту в данном случае невыгодно говорить о классовых врагах пролетариата, поэтому он стыдливо умалчивает о них. Он вспомнит о них позже... но уже не как о врагах, а как о «братьях во Христе».

Конечно, Лелотт не может не понимать, что трудящиеся, столько веков «служившие» своим эксплуататорам, без особой радости воспримут приглашение «служить» в дальнейшем богу, сменить одного хозяина на другого, а хозяйственных управляющих, директоров и приказчиков — на его, Лелоттовых, собратий, «пастырей духовных» — монахов, священников, архиереев и т. п. Поэтому он делает новый зигзаг, новую заячью «скидку» и начинает уверять, что «служение богу» — это, в конечном итоге, «служение другим» людям и «самому себе»... так как бог бескорыстен и решительно не ищет ничего себе, — только бы людям было хорошо.

Не случайно иеромонах в этой главе решительно «забывает» о «священном писании» и не опирается ни на один его текст. Можно в таком случае напомнить забывчивому иезуиту о том, как бескорыстный бог требовал от евреев десятипроцентных отчислений со всего имущества и доходов, их первенцев, «ннатков» от скота и жатвы, приношений ко всем праздникам жареным и вареным, скоромным и постным, не забывая ни соли, ни маслица, и высказывал эти требования в категорической форме: «...не приходите с пустыми руками» (Исх., гл. 25, ст. 15; Второзак., гл. 16, ст. 16). Напомним, что и Христос, «сын божий», повелевал «воздавать кесарево — кесарю, а божие — богу», ставя рядом с земным эксплуататором эксплуататора небесного... Отец Лелотт предпочел забыть эти известные ему тексты.

Зато, обмолвившись, что человечество есть «великая семья», он эти гуманные, высокие слова употребляет не для того, чтобы разом осудить расизм, классовое неравенство, угнетение одними людьми других, а наоборот для того, чтобы декларировать, что «закон любви, определяющий отношения между человеком и

богом, должен также господствовать в отношениях между людьми».

Слова хорошие. Кто станет отрицать, что любовь миру нужна. Но Лелотту они понадобились только для того, чтобы заявить, что бог, дабы «созданные им существа не замыкались в самих себя и не обособлялись», «сделал их нуждающимися во взаимной поддержке» тем, что... «неравно распределил свои дары»!.. Иезуит говорит далее об «экономическом неравенстве, отличающем богатых от бедных», о «неравенстве здоровья, физических сил, умственных способностей, возраста и т. д.». Лелотт чуть ли не с удовлетворением провозглашает как само собою разумеющуюся истину, что «это неравенство сохранится всегда», «какие бы усилия ни прилагались людьми для уравнения жизненных условий для всех». Это, говорит он, такой же богом установленный «закон мира», как и «закон всемирного тяготения».

Вы посмотрите, как тонко здесь всё построено. Неравенство возрастает! Да его, собственно, и нет! Это неравенство кажущееся, неравенство данного момента, а не принципиальное, ведь каждый проходит в своей жизни все возрасты.

Неравенство здоровья? Но ведь все люди могут быть то здоровыми, то больными, и принципиального неравенства тут тоже нет. Все равны перед опасностью заболевания. Что же касается «больших страданий бедных рядом с богатыми, имеющими средства лечиться», как отмечает в другом месте Лелотт, то это как раз то, что и может и должно быть исправлено. Это отнюдь не «вечное» и не принципиальное различие.

Неравенство физических сил, умственных способностей? Оно не препятствие к человеческому счастью, и давно уже выработан рецепт, сводящий до минимума это неравенство, — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». К осуществлению этого устремлено более миллиарда представителей рода человеческого. А за ними, знаем, пойдут в свое время и остальные.

Но вся игра на «богоустановленности» неравенства как «мирового закона от господа», который «сохранится всегда», потребовалась Лелотту, чтобы протащить в качестве вечного установления «экономическое неравенство, отличающее богатых от бедных». Это уже дело серьезное. Здесь к кажущимся «неравенствам», перечи-

сленным Лелоттом и разоблаченным нами, присоединяется попытка социально-политической обработки верующих. Ведь им внушается мысль о бессмысленности борьбы против божьего закона, об обреченности их на вечное неравенство.

Правда, Лелотт заранее выгораживает бога от обвинения, которое могут, пожалуй, предъявить ему бедные, и говорит, что неравенство «создано, главным образом, самими людьми». Ну а не «главным образом» кем? Всё-таки богом? И допущено такое самоуправство людей в мире, где господствует «божий промысел», где «без воли божией ни единый волос с головы человека не упадет», как утверждает «священное писание» Нового завета.

Вот когда иезуит показал, на кого он работает!

В нашей стране трудящимся навеки сметено самим богом установленное социальное неравенство. И как о чем-то давнем вспоминают о нем советские люди. Зыбкой оказалась «вечность» у «установлений господа бога».

Увлекшись, Лелотт уже не может остановиться. Как говорится, закусил удила:

«Бог властен над своими дарами и распределяет их как ему угодно. Если он дал моему соседу больше, чем мне, то это не дает мне оснований обвинять его в несправедливости, потому что он мне не обязан вообще ничем, а справедливость означает нарушение существующего права. Однако этот ответ предполагает у бога некоторый произвол...»

Народы СССР и других социалистических стран не спросили «властного над своими дарами» «царя небесного», и старое «распределение» перераспределили по-своему, поровнее.

Бог не только не смог воспрепятствовать этому, но вынужден терпеть, когда беゾжники снимают гигантские урожай там, где «его святою волею» была запланирована «голодная степь», безводные пески Кара-Кумов и Кзыл-Кумов, где катились «перекати-поле» по ковыльным просторам иссушенной целины...

Лелотта не смущают такие изменения всемирно-исторического значения, он решил не замечать их и продолжает тезис о «великом значении» установленного богом неравенства. Послушать его, так сама человеческая

жизнь и прогресс «не были бы возможны без этого неравенства». При равенстве никто-де не захочет работать, жизнь остановится, наступит всеобщая бедность, остановится движение вперед человеческой мысли.

Для отца иезуита человек настолько низменное существо, что не толкай его хозяин, не гони голод, не мани его пряником «прая», не страшай кнутом «ада» сам «господь бог», — он погибнет, завшивеет, а пальцем своим не двинет.

Попробуем проверить правильность утверждений иеромонаха при помощи строгого контроля правды и неправды самой жизнью.

Прогресс невозможен без неравенства, утверждает Лелотт, однако известно, что советская наука во многих отношениях опередила науку капиталистических стран, особенно в освоении и изучении космоса.

«Всем поровну» значит, по Лелотту, — «всем бедность», но у нас в Советском Союзе каждый гражданин обеспечивается работой, может жить нормально. В то время как в мире с установленным богом неравенством, где люди «могут участвовать в его (бога. — А. О.) деле любви», по данным ЮНЕСКО,¹ ежегодно сотни тысяч гибнут от дистрофии, недоедания и просто от голода.

Продолжая возведение здания христианства на ложном и непрочном фундаменте, Лелотт пытается убедить людей, что без бога и его служителей им не обойтись. Он заявляет: «бог сотворил человека свободным» (вот уже и опять «создорил». Наука и эволюционизм, использованные по необходимости иезуитом, теперь отбрасываются просто, как выжатый лимон) и потому «с возможностью греха». Сам же бог «не есть причина греха».

Если мастер создает куклу, которая будет говорить «мама» при наклоне, можем ли мы сказать, что кукла сотворена мастером с этой способностью, но мастер не сотворил произносимых ею звуков «ма-ма»? Нелепость. Что мастер вложил, то и звучит.

А бог, видите ли, создал человека с возможностью спотыкаться и падать (морально, нравственно), но за это создатель не в ответе.

¹ ЮНЕСКО — международная организация по вопросам пропаганды, науки и культуры при Организации Объединенных Наций, созданная в ноябре 1945 г.

Каждые семь лет в селении Гарди Санфрамонди, недалеко от Неаполя, происходит потрясающая сцена, напоминающая средневековье. Люди, одурманенные религией, направляются к месту, где, по преданию, шесть веков назад была найдена «чудотворная» статуя пресвятой девы Марии. У кающихся в одной руке крест, в другой — пробковый диск с острыми булавками. В религиозном экстазе они наносят себе кровоточащие раны. На снимке вы видите процессию кающихся в белых ритуальных капюшонах.

(«Неделя», 1961 г., № 43)

Трудно представить себе, чтобы суд любой страны мира принял подобные оправдания инженера, который сказал бы: я выпустил паровоз с раковиной в оси колес, но я не отвечаю за вызванную этим дефектом тяжелую, со многими жертвами катастрофу.

В католической деголлевской Франции или католической королевской Бельгии судьи христиане отправили бы такого человека на каторгу, как злостного убийцу. А у Лелотта бог на том же основании свят и невинен: всю ответственность Лелотт перекладывает на созданное богом заведомо несовершенным творение.

Провозгласив такую ничем не оправданную, чудовищную в своей нелепости догматическую предпосылку, иезуит со спокойной совестью пускается в дальнейшее плавание и заявляет, что «приходится исходить из факта, весьма неприятного для нашей гордости: человек сам по себе — существо жалкое, может быть, самое жалкое из всех сотворенных существ. Предоставленный своим собственным средствам, он не располагает как бы ничем».

Лелотт говорит далее, что мы всецело зависим от окружающей нас среды. Понадобилось Лелотту это для того, чтобы внушить (вернее, попытаться внушить), что прикрепленностью к «миру сему» люди делаются его рабами.

Вот какие доказательства приводит Лелотт в подтверждение выдвинутого им положения: «...нас сковывают ничтожные пустяки, и из-за них мы становимся несчастными. ...Я прихожу в отчаяние, когда троллейбус не идет, когда у меня нет табаку, когда жаркое плохо прожарено, когда карандаш перестает у меня писать в самый неудачный момент, когда младенец в соседней квартире начинает орать, точно его режут! С этой точки зрения, материальный прогресс, как мы уже говорили, не всегда равносителен действительному прогрессу».

Вы чувствуете, куда он гнет, взяв за пример отдельных истериков и неврастеников? Какой нормальный человек придет в отчаяние из-за опоздавшего троллейбуса, из-за плохо прожаренного жаркого? Ругнется, может быть, про себя, только и всего! Людей, подобных описанному Лелоттом, следует лечить. А он их поступки за норму общечеловеческого поведения берет и ставит

под вопрос самые смысл и полезность материального прогресса, всё дело человеческое на земле.

Куда же он сам-то зовет? Зовет нас «питать жизнь духа», разумея под этим посвящение себя религиозно-мистической экзальтации и подменяя тем самым всю сумму духовных переживаний, даруемых искусством, культурой, прогрессом.

Материальный прогресс в Советской стране между тем создал возможности высоких духовных переживаний великому множеству людей, ранее лишенных этих возможностей. Наши театры, филармонии — достояние всего народа. Больше того, сам народ стал творцом новых, небывалых еще народных театров, народных филармоний, народных университетов культуры.

А ведь началось-то всё с материального прогресса, с планов ГОЭЛРО, с «лампочек Ильича».

Для монаха-иезуита величие духовного роста наших людей — пустой звук. Его «жизнь духа» ограничивается молитвами и постами, всенощными бдениями и собственностью несуществующей отдельно души человеческой перед недоказанным и несуществующим богом.

Лелотт торопится более и более раздевать и унижать якобы столь любимого его богом человека. Целый параграф своей книги иезуит посвящает «некоторым естественным особенностям нашего существа» и заявляет, что «мы по природе невежественны», «подвержены страданию», «смерть тоже присуща падшей природе человека». Здесь уже новый иезуитизм: а до грехопадения-де, пока люди жили в раю, эти недостатки не были присущи им. Вся наука, весь эволюционизм, перед которым раскланивался раньше Лелотт, властно утверждают, что бессмертия у человека никогда не было и быть по природе его не могло. Но теперь наука Лелотту не нужна. Он добрался до догматов церкви, которые невозможно доказать, их предлагается принимать без рассуждений. Перед нами повторение тех же ужасов, которыми Лелотт старался запугать читателя еще на первых страницах своей книги и о которых мы уже говорили.

Унизив, припугнув, запутав человека в фальсификациях догматических вымыслов, Лелотт предъявляет ему в качестве единственного спасения «мир» религиозной веры и церкви, без которого якобы это жалкое

существо не способно и шагу ступить в мире. На самом же деле люди преображают и отстраивают этот мир на славу, особенно успешно как раз в тех странах земного шара, где освободились от диктата религии и ее духовных оков. Мы сказали — «запутав». А как иначе можно назвать рассуждения Лелотта о человеке, о том, что он является «венцом творения божия» и он же «существо жалкое само по себе». Странный венец, достойный жалости! Странный «всемогущий творец», создавший как шедевр всего своего творчества жалкое существо и тут же заявивший, что всё творение его «весъма хорошо». Создав «жалкое существо», бог требует еще от него за это любви, благодарности, восхвалений и преданности.

Мир, в котором живет человек, пишет далее Лелотт, подчинен законам природы. Но законы эти, говорит он, не присущи вечной и бесконечной материи, а вложены в нее или сотворены одновременно с нею, как ее свойства — богом. При той «доказательности» бога, которую продемонстрировал Лелотт, столь же, следовательно, «доказательна» и эта «вложенность».

Лелотту она нужна, чтобы умозаключить — кто вложил, тот может, если пожелает, и изменить, переделать, — и тем самым подвести базу для признания возможности чудес, как логически следующего из его построения явления. Ничем, кроме этой постройки, на фальшивых, как мы видели, основаниях, Лелотт существование чудес не подкрепляет, а просто заявляет, что «бог может творить чудеса».

Еще Гердер¹ сказал: «В физической природе ...мы никогда не ссылаемся на чудеса: мы замечаем в ней законы, которые, как мы констатируем, действуют в ней всегда с равной силой, непреложностью и правильностью. Неужели же царство человечности со своими силами, с происходящими в нем переменами и страстями должно быть выключено из этой природной цепи?»

Впрочем, чудеса легко находят там, где их во что бы то ни стало хотят увидеть. Прав Дидро,² когда пи-

¹ Гердер, Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий философ, один из идеологов немецкого просвещения.

² Дидро, Дени (1713—1784) — идеолог французской революционной буржуазии XVIII в., философ-материалист, писатель, просветитель, глава так называемых энциклопедистов.

шет: «Чудеса там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они случаются». ¹

Вот почему католические и православные «жития святых», всё Священное писание и вся история христианства в изложении самих христиан пестрят самыми невероятными чудесами.

Но все они уже дезавуированы и разоблачены учеными, историками, богословами рационалистического направления, самими церковниками разных толков в их взаимной полемике друг с другом, и отец иезуит не рискует обращаться к столь скомпрометированным материалам.² А нескомпрометированных чудес в его запасе просто нет. Вот и остается оперировать голенькой и ничем не подкрепленной фразой.

Сочетав так «чудесно» законы природы с «чудесами», Лелотт заводит речь о законах, якобы установленных богом непосредственно для человека. Совесть он характеризует как «естественный закон божий» в людях; в подкрепление к ней бог дал свое «откровение», в частности — «заповеди божии».

Так, отбросив до этого добрую половину Пятикнижия Моисеева в Библии, как собрание легенд и сказок, Лелотт теперь вновь пробует опереться на то же самое Пятикнижие с его заповедями уже как на «истинное священное писание».

О самих «десяти заповедях» он говорит вскользь и только заявляет, что это «копия закона, записанного в самой природе человека и имеющего целью его полный расцвет».

Раскроем немного этот «записанный» богом «в самой природе человека» закон. Вот первая заповедь: о почитании бога. В подлиннике в ней, однако, стоит не «бога», (еврейское «эль», «элоах»), а «богов» («элохим»), и она, таким образом, является отражением раннего политеизма — язычества (русский перевод эту запо-

¹ Ди дро. Беседа с аббатом Бартелеми. Цит. по сб. «Французские просветители XVIII в. о религии». М., Госполитиздат, 1960, стр. 381.

² Такое умолчание о чудесах в «житиях святых» характерно и для современного православия. Интересные данные о переделках «житий» на страницах «Журнала Московской патриархии» приведены в статье Н. Синельникова «Чудеса и современное православие», опубликованной в «Науке и религии» (1963, № 4, стр. 26—31).

ведь, как, впрочем, и другие христианские переводы, грубо подделывает). Это тоже «в природе человека»? Это тоже начертано самим «господом богом»?

А третья заповедь, с ее запретом произнесения имени божьего «всие», являющаяся пережитком древних дикарских табу (культовых запретов первобытных племен) — порождения эпохи общинно-родового строя, — тоже «в природе человека»? В четвертой заповеди, устанавливающей священным седьмой день; как мы уже говорили, легко обнаруживается заимствование из вавилонского культа, где почитали день за днем последовательно Солнце, Луну и пять планет. Это наивное следствие астральных¹ космических культов — тоже в природе человека?

Как легко приходит отец Лелотт к выводу, что, «начиная с первой заповеди ...и кончая десятой, мы не найдем ничего противного природе, а только легко усвоимый метод. в десяти уроках, как человеку достичь своего счастья! Авось читатель не пожелает разобраться, что к чему, и просто поверит на слово...

Рядом с такой упрощенной (на веру) подачей «заповедей божиих» Лелотт делает еще одно «открытие». У него оказывается, что бог не только начертал в самой природе человека свои законы, но и предназначил его раз и навсегда к определенным формам бытия. Если верить Лелотту, человек — опять-таки «по своей природе» — «принадлежит к двум обществам». Это — семья и государство.

Иеромонах замалчивает непреложные данные науки, которые говорят, что оба эти института — плоды человеческого развития; что человек прошел через стадии беспорядочных половых связей внутри первоначальной человеческой орды, прошел через матриархат, экзогамную и эндогамную формы физических отношений,² через период, в котором человек знал только мать, а всех муж-

¹ Астральные — звездные.

² Матриархат — форма родового первобытного общества, в котором основной общественной ячейкой является материнский род — группа, связанная родством по женской линии. Экзогамия — обычай у некоторых первобытных народов, запрещающий брать жен из своей общественной группы или племени. Эндогамия — противоположный обычай, разрешающий брать жен исключительно из своего племени, рода или социальной группы.

чин племени в одних случаях звал отцами, в других дядями,¹ и т. д.

Прочтите об этом в книгах:

В. К. Никольский. «Детство человечества» (М., Госкультпросветиздат, 1949).

П. Н. Борисковский. «Начальный этап первобытного общества» (Л., изд-во ЛГУ, 1950).

Не менее сознательно Лелотт умалчивает и о том, что государство появилось только на весьма недалеких от нас этапах человеческой истории. И смело можно сказать, что 98 процентов времени существования человечества на земле люди не подозревали, что им «надлежит по своей природе» жить в государстве.

Лелотту это утверждение понадобилось для того, чтобы подготовить читателя к принятию «по божьему благословению» современного мира. Мира, разделенного на антагонистические классы, раздираемого противоречиями, с набором различных государственных форм принуждения, как вечного, богом предусмотренного, богом благословленного общества, желание изменить, улучшить, переделать которое явилось бы тяжким грехом перед самим господом богом.

Забежав таким образом вперед и приоткрыв некоторые вполне земные и глубоко практические, утилитарные цели своей книги, Лелотт переходит к высокопарно именуемому им «Второму акту человеческой драмы» и озаглавливает этот «акт»: «Призыв к высшей жизни».

Начинает он его с подделки под современность, с введение привычной нашим людям терминологии: «Христианство учит нас ...что бог ...сделал человека работником на стройках Вселенной».

Поиграв на близкой советскому читателю терминологии, Лелотт немедленно бросается в наступление.

Человек призван к сотрудничеству с богом, говорит Лелотт, но не надо забывать никогда, что «бог не сни-

¹ Журнал «Азия и Африка сегодня» (1962, № 10) поместил статью польского журналиста Лонгина Зарембы «По дорогам Гвинеи», где сообщается, что в Гвинее и до сего дня существуют еще формы групповой семьи, группового брака, где все братья являются мужьями нескольких сестер и между ними разрешена свободная половая связь, а дети зовут отцами всех мужей и материами всех жен данной групповой семьи. Было время, когда такие «семьи» были по всей земле.

жается и не изменяется от контакта с человеком». Хозяин есть хозяин, хотя бы и небесный. Он снисходит, но не панибратствует. Он дает человеку свои «дары» — так называемую «благодать», как некую «милость не по нашим заслугам»... Как ясно проступает здесь монархически-феодальный план религии!

А что это за дары? «Что такое благодать? Нетерпеливое ожидание божие». Бог ждет, чтобы человек отдался во власть божества, вручил ему свою свободу, отказался, ради пребывания близ бога, от своих прав, своего достоинства, своей свободы, возможностей. И в то же время человек, от которого требуется такая жертва, «не перестает подвергаться испытанию» со стороны бога, и это испытание таково, что если бы бог порой «не сокращал его сроки ...не спаслась бы никакая плоть. Это касается всех наших испытаний...» То есть от человека требуется отдать богу всего себя, а бог рисуется чересцовым экспериментатором, ставящим над доверившимся ему существом болезненные и рискованные опыты.

На самом деле, вдумайтесь: бог нетерпеливо ждет, что сотворенные им же твари отдадут ему самих себя, в то же время в «любви» своей он не перестает строить им козни и проводить их по острию ножа через губительные искушения, преступления, соблазны... Какая же это страшная, зловещая «любовь»! И как она смахивает на забавы помещика Троекурова, выведенного в повести А. С. Пушкина «Дубровский». Этот самодур спускал на своих «дорогих гостей» медведя и забавлялся пережитым ими смертельным ужасом. При этом Лелотт утверждает, что и всё «творение» вообще имеет конечной целью служение тому же богу.

«Совершенная гармония творения», по Лелотту, состоит в том, чтобы:

«Внешний мир был совершенно покорен человеку...»

Да, в наше время церковники приветствуют смелых покорителей неба — космонавтов. Но их предшественники сожгли великого ученого Джордано Бруно за то, что он учил о множественности населенных разумными существами миров и таким образом

отрицал антропоцентризм¹ космоса и созданность Вселенной ради одного человека.

В этом церковники видят фундамент нравственности. Поэтому-де материализм не может быть нравственным. Но мы уже говорили о душе, как о высшем проявлении развития материи и раскрытия таящихся в ней неисчерпаемых свойств. Ставить нравственность в зависимость от нашей бессмертности через якобы существование отдельной от тела души, как справедливо замечает американский философ Ламонт в книге «Иллюзия бессмертности», просто неприлично: «неприлично утверждать, что люди будут поступать достойно только в том случае, если им будут обеспечены роугбоиге — «чайвые... посмертного существования»... Отрицание же бессмертия освобождает человека от уничижительного положения раба, ожидающего награды на том свете.

В этом, мол, и есть счастье! Но зачем было «творить» человека «свободным» и совершенным, чтобы, проведя через горе, скорбь, муки, потом лишить всего и заполнить его индивидуальность, неповторимую человечность всё тем же обезличивающим божеством. Заметьте кстати, как пресны, однообразны, нивелированы описания рая и райского бытия праведни-

В человеке — чувственность «была покорна разуму. Тело покорно душе!»

«Разум был совершенно просвещен, душа совершенно заполнена жизнью божества...»

¹ Антропоцентризм — ложное идеалистическое учение, что весь мир, вся Вселенная созданы для человека, который является, по воле божества, их центром, смыслом их существования.

ков во всех христианских исповеданиях. Всё человеческое растоптано, стерто, убрано там. Остались Пресно-слашавые аллилуйщики, подхалимы падкого на прославление и пресмыкание перед ним божества. Все лежат ниц, все в поклонах, все кадят, все, от ангелов до человека, раболепствуют и холуйствуют. И это высшая награда, к которой готовит людей «благодать»? Что же осталось от гордых «работников» на стройках Вселенной, о которых рассказывал отец Лелотт?

Намечая грядущее усмирение людей через заранее предусмотренные падения, муки, скорби, бог создал и «условия» для осуществления своих замыслов. «Создав» человека свободным, он заранее «предоставил (ему. — А. О.) возможность противиться этому замыслу», вложил в него возможность «восстать против бога» и через это «лишить себя милостей» (божиих. — А. О.). Бог знал при этом (на то он и всеведущий!), что «последствия такого бунта могли быть катастрофическими...» Что-то знакомое слышится в этом. Да ведь точно так же царская охранка «замыслила» и осуществила в 1905 году провокацию попа Гапона, чтобы, вызвав «катастрофические последствия», попытаться с помощью их привлечь и надломить в корне революционные силы России.

Вот, оказывается, с кого Гапон и его хозяева брали пример для своих «оздоровительных» провокаций!

Точно так же гитлеровцы планировали и осуществляли поджог рейхстага, чтобы затем под этим предлогом раздавить — уничтожить всё прогрессивное в Германии, привести свою страну на край катастрофы и столкнуть ее в пропасть войн и бедствий.

У бога в роли провокационного соблазна в раю было выставлено «дерево познания добра и зла».

Любопытно! Говоря об этих нечистоплотных деяниях божества, Лелотт волей-неволей вновь касается Библии.

И как раз именно первых глав ее, им же объявленных народными мифами. Здесь ему без библейских сказок никак не обойтись, и он уже не отвергает их, но говорит так уклончиво, что нельзя даже понять, берет он их за реальность или считает аллегорией, литературными нравоучительными рассказами-вымыслами.

А ведь в недавние еще времена его за такую уклончивость проклятию предали бы... Трудно богословам! Опираться на Библию — людей насмешишь. Отказаться от Библии — учение церкви без фундамента оставишь. Приходится лавировать.

Почувствовав, как настораживает читателя его эквилибристика с богом любящим, но заранее обрекающим на страдания, наделяющим людей свободой, но ждущим их полного раболепия, провоцирующим на бунт, чтобы потом самому же вытягивать из ямы человека, которого он туда столкнул, Лелотт делает новый зигзаг. Ни к селу ни к городу он вдруг утверждает, что высшее качество, требуемое от людей, — это гуманизм. Нам дорого это слово. Но что оно обозначает у Лелотта? Философскую «возможность осуществить идеальный человеческий тип» «на сверхъестественном уровне». А на земле? В реальности? О нет! По Лелотту — «если человек ограничивается тем, что гармонически развивает свои естественные способности, он строит башню, которая никогда не может быть им завершена и каждый момент угрожает падением...»

Вы поняли, до чего договорился отец иезуит, дорогие читатели? Вся наша жизнь в ее гармоническом развитии — обреченность. Выход только в сверхъестественном «ином» плане. Земное и реальное подведено под черту осуждения, а потустороннее, несуществующее возводится в ранг единственно приемлемой реальности.

От «строек Вселенной» остается... пшик!..

От демагогии перейдя к очернению жизни, ее ценностей и их творцов, Лелотт рисует нам «третий акт» — впадение человека в «первозданный грех». Он приступает к рассмотрению «греха Адама». Мы уже говорили о том, что в науке нет места для первой пары сотворенных богом людей. Но что иезуиту наука! Он прикрывалася ею как фиговым листком, пока создавал ореол научной образности вокруг своей книги. Теперь наука вышвыривается за дверь. И та же, освистанная самим Лелоттом,

библейская сказка, «составленная из двух народных версий», становится у него единственным источником «истории».

Свободный человек проявил, видите ли, «своеволие» против своего хозяина — бога, сотворил «грех гордости, неверности и неблагодарности».

Вспоминается мне старый рассказ из времен крепостного права. Кучер и горничная полюбили друг друга. Возмечтали пожить своим домком в деревне, рожать и растить детей.

Нет, у них не было денег. Они не мечтали перестать быть крепостными. Они мечтали о кусочке человеческого счастья в рамках крепостного быта.

И упали в ноги помещице.

Барыня была поражена. Какое своееволие — полюбили друг друга, не спросив ее разрешения! Какая гордость, — о своем домке размечтались! Какая неверность, — ведь барыня их из деревни в барский дом взяла, выучила обслуживать себя!.. Неблагодарные!

Обоих выпороли. Кучера сдали в солдаты. Горничную сослали на скотный двор и выдали замуж за развратного старого лакея пьяницу.

Наука утверждает, что люди творили своих богов по своему образу и подобию, что религия — это наша земная действительность тех или иных эпох жизни человечества, искаженная непониманием сути дела и проецированная¹ в потусторонность. Как же недалеко ушел в своем развитии бог Лелотта от своих древних создателей и земных помещичье-рабовладельческих прообразов!

Говоря о «падении Адама», Лелотт неминуемо должен был соприкоснуться с древней церковной традицией, которая утверждает, что «ввел человека в грех» дьявол, сатана. Предмет этот, прямо скажем, в наши дни — скользкий. Чёрта доказывать — себя ронять. Черт в век спутников Земли — это зарубки на счетных палочках наших давних предков возле электронно-счетной маши-

¹ Проецировать — от лат. «проекция» — «бросание вперед». Означает изображение какого-либо предмета на плоскости. Отсюда проекционный аппарат — «волшебный фонарь». Проецировать в данном случае — воображать существование в «небесах» мира духовного, созданного фантазией человеческой по образу и подобию окружающего нас нашего земного мира и человеческого бытия в нем.

ны. Но без «злой силы» никак первородного греха не объяснить, или надо «творца» сделать духовным гибридом — этаким «чертобогом». Правда, в ранних книгах Библии он и является таковым — вроде финикийского бога Ваала, который выступает то в виде Молоха, то в виде Мелькарта — то солнца палящего, то благодетельствующего. Не забудем, что еще к библейскому царю Саулу в XI веке до н. э., по словам Библии, «приступал злой дух от господа», то есть бог был подателем не только доброй, но и злой силы — чертобогом.

Лелотту такой подлинно библейский бог ныне противопоказан, — люди отшатнутся. А к черту они как будто привычнее. В конце концов и безбожники чертятся. И отец Лелотт избирает средний путь — от черта не отказываться, но черта и не афишировать. Авось под сурдинку и черту в современности уголок найдется.

И вот иезуит разражается фразой:

«Раньше человека бог сотворил свободных чистых духов (здравая философия допускает возможность таких творений); некоторые из этих существ злоупотребили своей свободой, чтобы искать в самих себе источник своего счастья, тогда как этим источником мог быть только бог; их гордость привела к их падению.

Но по закону солидарности, который объединяет все сотворенные существа, как материальные, так и духовные, эти мятежные ангелы стали, тем самым, вредоносными для других духовных тварей». Они-де «постарались внушить человеку мысль тоже обходиться без бога».

Далее Лелотт уже прямо опирается на библейскую сказку, им же осмеянную, как на исторический факт, и пишет:

«Отметим в особенности форму, в которой представлено искушение. Дух зла говорит: если будете есть от этого плода, будете как боги». А это-де «и была единственная вещь, недоставшаяся людям: быть как бог, то есть жить независимо, абсолютными хозяевами самих себя».

Оставим на совести отца иезуита его утверждение о наличии «здравой философии», допускающей существование мира духов, ангелов — одной из древнейших басен эпохи детства человечества. Напомним, что самое название этих «духов» — ангелы, то есть по-гре-

чески, посыльные, курьеры, вестники — является в религии отражением обычных должностей слуг и рабов при древних князьях, старшинах, шейхах.

Оставим на совести создателей Библии и Евангелия, что бог — «всемогущий» и «всеблагой» — в творчестве духов оказался настолько бесталанным, сотворив на свою голову могучих и непримиримых противников.

Скажем только, что под «законом солидарности» Лелотт разумеет то, что некогда выразил Аристотель в своей знаменитой формуле: «Человек — животное социальное», — чувство локтя, тяготение к общности. Напомним, что как раз это чувство в людях является следствием, рефлексом долгого развития человечества от первостад антропоидов¹ до современного социалистического общества. Это чувство вырабатывалось в течение многих тысячелетий совместной жизни людей. Из поколения в поколение человек видел, чувствовал, знал, что одному ему не устоять, что он силен, когда с ним рядом, вместе другие. В одинокой паре человеческой или даже в едином андрогине, индивидуалистически «замысленном», это сознание коллектива родиться логически не могло бы.

Наконец, заметьте, куда привел после всего словесного блуждания отец иезуит читателей, провозглашенных было им «сотрудниками» бога на «стройках Вселенной», — к признанию, что «единственной вещью, недостававшей людям» (с сотворенным богом! — A. O.) это «быть как бог, то есть жить независимо, абсолютными хозяевами самих себя». Таким образом, сам же Лелотт признал, что в планах бога было создание не «сотрудников» себе, а рабов, батраков на сотворенной им земле, бесправных и подчиненных. Лелотт — слуга этого бога-рабовладельца (недаром, кстати, в молитвах Богу люди обязаны называть себя «рабами»!).

Поэтому неудивительно, что цель, о которой отец Лелотт мечтает, это — уговорить советских людей отказаться во имя бога от независимости, от права быть абсолютными хозяевами самих себя, — то есть вернуться в первобытное, подчиненное положение. Как ни чудовищно, но это именно так. Все разглагольствования

¹ Антропоиды — современные и ископаемые человекообразные обезьяны.

о сотрудничестве и огромных правах человека были для иезуита голым камуфляжем!

Я писал эти строки за четыре дня до 45-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Передо мною сидел волевой паренек из Средней Азии, приехавший в Ленинград специально для того, чтобы посоветоваться, как бороться с баптистами, сектантами, особенно эффективно, наряду с лелоттами, охотящимися за нашей молодежью, уводящими ее «в рабство господу» от нашей свободы.

И подумалось мне: сорок пять лет существует советская власть. Не вспоминают больше царей, помещиков, фабрикантов. Только в спектаклях на исторические темы мельтешат иногда красные околыши дворянских фуражек, голубые шинели жандармов. Лишь религия по-прежнему усердствует «не за страх, а за совесть», а, лучше сказать, во имя страха и не утруждая себя совестью, над тем, чтобы согнуть выпрямившихся, поставить на колени вставших. Людям, давно ставшим свободными, она внушает, что они рабы недостойные, и хочет вернуть бога-хозяина истинным хозяевам земли.

Да, лелотты в наступлении. И их апостол — иезуит Лелотт продолжает свое вредное дело.

Заявив, что человек поддался «сатанинскому облазну» свободы во имя себя самого, ради своей независимости, гордого желания быть свободным, Лелотт спешил перечислить «страшные» последствия этого «падения»:

1) Человек-де оказался «в разрыве с богом». Мы уже говорили, как недоказателен Лелотов бог. Небольшая беда оказаться в отрыве от того, кого нет, кто был выдуман некогда, чтобы оказаться забытым когда-нибудь.

2) Человек-де оказался в «разрыве с внешним миром», потерял «контроль над материальным миром». Теперь, мол, только ценою тяжких трудов, «тысячелетий усилий и жестоких неудач» он сможет восстановить частично это свое господство.

Вы помните, читатели, цитату из книги Максвелла-Рида? Как недолог, сравнительно с историей нашей планеты, срок развития человека! А что достигнуто нами за эти ничтожные сроки?.. Право же, неплохие результаты. Достигнуты они потому, что люди вышли из рабо-

лепного страха перед религией и ее запретами на просторы больших дерзаний. Не побоялись ни костров, ни пыток той же религии, чтобы идти вперед. Галилеево «А всё-таки она вертится!»¹ сделало в этом прогрессе больше, чем все акафисты и молитвы церкви, все мириады свечей, сожженные перед Христом и мадоннами.

3) Произошел якобы «разрыв равновесия в самом человеке». Он-де стал «смертным». Но наука показала, что он и не был бессмертным. Значит, он ничего и не потерял. Кстати, рекомендуем читателю прочесть по этому поводу интересную книгу, уже упоминавшуюся нами:

К. Ламонт. «Иллюзия бессмертия» (М., Изд-во иностр. лит., 1961).

4) Человек-де стал страдать... Природа строить свое здание в борьбе, в диалектическом столкновении противоположностей. Не по лугам, усеянным цветами, шли люди. Но на то и разум в них, чтобы вырастить цветы, убрать шипы и камни с человеческого пути. Это дело наших рук, пути наших нынешних и грядущих побед. Нет! Здесь мы ничего не теряли, но многое приобретали и приобретем.

5) Душа-де наша «не будет владеть слепыми инстинктами тела...» Такое утверждение — прямое извращение. Именно от голых инстинктов животного к разумному построению общества мыслящих людей и направлен весь путь человечества.

6) Разум, мол, «должен будет обращаться только к чувствам», а воля-де «легко будет сбиваться с пути, ища счастья там, где его нет».

Снова софизмы. Разум, по Лелотту, откажется от богопознания? Но мы это и ценим. Ценим, что человек выходит из тени древних страхов к светлому дню подлинного познания тайн и закономерностей окружающей нас реальной Вселенной, как бы сложны эти тайны ни были. В воле нашей мы ценим как раз ее способность идти по путям, на которые зовут познание и разум.

Весь секрет состоит в том, что нам не по пути с лелоттами, а им с нами. Но мы от отсутствия их не стра-

¹ Слова, с горечью произнесенные великим ученым Галилео Галилеем, доказавшим вращение земли вокруг оси, после того, как церковники вынудили у него отречение от этого открытия,

даем и даже не замечаем его. Им же без нас не прожить. Нет бога, если не живет мысль о нем в сознании людей. Нет церкви без верующих. Нет пастырей без паствы. Вот эти свои, уже имеющиеся и предвидимые, потери лелотты и тщатся представить нашими потерями... чтобы мы подняли то, от чего избавились.

7) «Расстройство водворяется в мире! — патетически восклицает далее Лелотт. — ...Отныне человеку приходится самому собирать составные части своего существа и материального мира, тогда как бог прежде давал ему избавление от этого усилия. Работу над незаконченным делом творения человеку приходится начинать на гораздо более низком уровне». И хорошо! Ведь, как показал Ф. Энгельс, именно труд сделал человека человека. Хорошо, что бога нет и мы росли в труде, а не иждивенствовали на божьих подачках. Иначе мы никогда не шагнули бы от обезьяны к современному человеку.

Лелотт рисует далее мрачную, как ему кажется, картину последствий «разрыва» человека с богом:

«И в этом — вся история человечества, от каменного века до наших дней: долгое и упорное усилие человека, чтобы подчинить себе силы природы и извлечь из них некоторую пользу; чтобы бороться с болезнью и отдалить неминуемую смерть; чтобы расширить поле своего знания и решить проблемы своего существования; чтобы овладеть разнообразными стремлениями своего существа и восстановить в себе самое некоторое равновесие».

Да, именно «долгое и упорное усилие» создало в конце концов нас — людей космической эры. Ложна только заключительная часть его фразы. Не во имя «восстановления», а во имя развития и становления шли над миром тысячелетия и века. Не во имя мифического «равновесия», нарушенного якобы грехом человеческого существа, а во имя выкорчевывания в нас остатков зверя и выращивания Человека, в детских болезнях роста, в борьбе за господство над силами природы, в постепенном познании и освоении сил общественного развития, в сменах социально-экономических формаций — жил, рос и зрел Человеческий Род.

А Лелотт пугает: всё-то после «грехопадений» стало плохо, всё-то не так. «Что бы он ни делал, человек был, таким образом, обречен на неудовлетворенность.

...Напрасно он будет в поисках счастья на земле создавать прекраснейшие философские, экономические, социальные системы; одного за другим его усилия будут приводить к неудаче, потому что в них недостает существеннейшего элемента: расцвета его существа в близости с богом, иными словами — жизни и благодати».

Нет, не верит отец иезуит в «прекрасность» человеческих систем, перед которыми с театральным жестом расшаркивается. Пусть на одной четвертой части земли расцветает небывалый прогресс; пусть треть человечества идет вперед семимильными шагами; пусть мир регистрирует такие достижения и такие темпы человеческого развития, когда годы приравниваются к векам, десятилетия к тысячелетиям, — Лелотт ничего не видит, не хочет видеть, не смеет видеть. Это-де всё «без благодати».

«Только одно существо стоит над человеческой драмой и ее понимает: бог, потому что он знает, куда он ведет мир. И чтобы понимать точку зрения бога, надо было бы быть богом», — пишет он, прокламируя непознаваемость мира, его путей, истории.

Да! История человечества драматична. Она может окончиться еще более страшной драмой, если темные реакционные силы, опирающиеся, кстати говоря, на религию и веру в того самого бога, который-де «один всё понимает», если эти силы развязнут единственно подлинный ад. Ад ядерного истребления, выпестованный ими с крестом в руке, во имя того, чтобы попытаться выжить и уцелеть перед несокрушимым поступательным движением истории. Из страха перед необратимым процессом жизни, когда все пути в мире ведут в конечном итоге к коммунизму. Из алчности и жажды осуществить новый передел мира, наложить лапы на ценности мира социализма, в борьбе за сырье, за рынки, за доходы.

Вот о том, чтобы не разыгралась такая драма, отцу Лелотту следовало бы, если он человек, кричать и протестовать. Но он предпочитает выдуманные «драмы» никогда не бывшего сказочного грехопадения, «драмы» потери никогда не терявшегося человеком «блаженства», «драмы» отказа от никогда не существовавшего бога. Лелотт предпочитает именно такие драмы, и легко отворачивается от «низкого тленного мира», предоставляемого его судьбам. Было бы утешение «тем светом» да

«бессмертием души», а там пусть пылают атомные и водородные пепелища. Людям, мол, чем скорее в рай, тем сподручнее, грешникам же всё равно придется гореть. Вечности мук от этого не прибавится, не убавится...

Возводят очи к богу заправилы капитала. Только очи. Рук не воздымают. Руки они держат на атомных кнопках. В труде и бдении. Перекреститься некогда. За них помолятся «отцы» духовные... Например, отец иезуит Лелотт...

Глава 8

ХРИСТОЛОГИЯ¹ ИЕЗУИТА ЛЕЛОТТА

«Создав» человека и «предусмотрев» его падение и наказание, то есть совершив акт, никак не совместимый ни с понятием «благости», «любви», «доброты», ни с понятиями «всемогущества», «совершенства», «возвышенности», «святости», «безгрешности», — бог, по Лелотту и ему подобным богословам, сам же «предусмотрел» и методы оправдания им же наведенного на преступление «преступника», через «воплощение, страдание и смерть Иисуса Христа, истинного бога и истинного человека». Средства этого, по Лелотту, человек не мог и «вообразить» себе.

Но это не так. Люди не только «не могут вообразить» подобное, но долгие ранние века детства человечества только этими понятиями и жили. Мы говорим о тотализмe.

В очень древние времена люди так зависели от животных и так часто были слабы рядом с ними, что персонифицировали, олицетворяли эту зависимость в мифах о происхождении отдельных родов от отдельных животных. Как пережиток, дошедший до наших дней, учёные совсем недавно наблюдали подобные верования у племен севера нашей Сибири, наблюдают сейчас у племен Южной Америки и Центральной Африки. Такое животное-предка начинали почитать. Есть его, охотиться на него считали великим грехом, но раза два в год

¹ Христология — богословская «наука» о Христе, его «человеческой и божественной сущности» и его «искупительном подвиге».

такое животное торжественно ловили и убивали. В страдании и смерти своего великого предка люди искали передачи себе его спасительных «сил», восстанавливающих мощь человеческих «потомков». Поедая «предка», призываюсь его тела и крови, люди собирали его череп и кости и хоронили их, думая, что с частью тела сохранится существо «предка» и воскреснет, возродится в новом предке-звере, тотеме, покровителе, снабдителе силами, спасителе от врагов и бед.

Немало изменений претерпела эта древняя вера, во множестве религий древних жила, прежде чем запечателлась в христианском мифе о спасительных страданиях, смерти и воскресении христианского бога. Христа и поныне называют «агнцем божиим» (то есть ягненком). Животная подоплека его, через тотемические пережитки еврейских верований, отраженные в Библии, дошла до христианства и в своем первоначальном виде. «Жрётся (то есть закалывается. — А. О.) агнец божий», — говорят на проскомидии¹ по сей день священники, приготовляя из просфоры будущее «причастие» — «тело и кровь Христовы». Слукавил Лелотт, сказав, что люди «не могли вообразить» такого мифа. Они-то его в древние годы детства человечества впервые и изобрели.

Если же подойти к этому учению с меркой человека нашего времени, всё построение догмата искупления будет выглядеть чудовищно и нелепо.

Отец, который, чтобы вернуть «заблудших», и при этом по его же вине и «предусмотрению», детей (моляться же христиане богу словами «отче наш» — отец наш!), решает для удовлетворения собственной принципиальн意义上ющей мстительности зарезать, казнить руками самих же заблуждающихся ни в чем не повинного своего сына — просто ужасен. Любящий, который не может простить любимых, не получив сатисфакции,² — может ли быть подлинно любящим?

Логическим, юридическим, этическим нелепостям и

¹ Проскомидия — первая, потаенно от верующих совершаемая часть литургии — главного богослужения православия и католичества, за которым верующие через «тайнико» причащения «соединяются с богом», «приемлют его в свои существа».

² Сатисфакция (лат.) — удовлетворение. В феодально-дворянском быту означало требование удовлетворения оскорблённого самолюбия или чести путём поедника, дуэли.

дикостям здесь нет конца, нет предела. Но именно такие центральный докторм всей системы христианской веры.

Лелотт слишком человек нашего века, чтобы не понять, как это дико. Он пишет: «Понятно, что столь изумительное решение возбуждает сначала наш скептицизм».

«Изумительное» — тонко сказано. Не проще ли сказать «садистское», «противоестественное?» Но вот что дальше пишет иезуит:

«Пределы разумно допустимого превосходит, казалось бы, эта тайна божества», «для многих этот пароксизм любви станет предметом насмешек...»

«Любви» ли, отец Лелотт? Не холодного ли, циничного эгоизма и деспотизма?

«Уже со времени первых проповедей апостола Павла, проповедовавшаяся им новая религия вызывала негодование...» — вынужден признать Лелотт.

Что правда, то правда! Вызывала! Во все века! В лучших сынах человечества! Не переводились на земле мыслящие люди, как предшественники Лелотта ни преследовали, ни душили их. Но его фраза — не простое признание факта, а тонкий ход. Отец иезуит понимает, что в наш век широкого распространения печати, радио, телевидения, грамотности — шила в мешке не утаишь. И предпочитает сам, как бы между прочим, сказать неприятные вещи, раньше чем об этом громко заявят противники.

Соглашаясь с тем, что основной докторм христианства людям кажется весьма несостоятельным, Лелотт остается слишком фанатиком, чтобы не попытаться вывернуться из мучительно скверного положения, чтобы не попытаться спасти этот докторм.

Конечно же, первыми доводами «за» служат у него «тайна» и «непостижимость» — эти извечные ширмы невежества и суеверия. «Божья правда — не наша правда», — провозглашает он.

Понимая, что этих доводов мало, Лелотт ищет для своего бога оправдания в людских делаах. Разве девушки не идут на страдания безбрачия, говорит он, не отказываются от счастья, чтобы посвятить себя больным родителям? Разве мать, забывая себя, не отдает всех сил больному ребенку — калеке?..

Да, да, да!.. Но подобие ли это тому, что бог одного сына губит, чтобы иметь возможность простить других своих детей? Нет!

В примерах Лелотта человеческая любовь, жертвующая собою, ничего не оставляла, не требовала себе. Бог же не мог простить людей, не потребовав себе в жертву невинного сына. Он был и в «любви» своей эгоистичен, тогда как люди в любви безгранично, без оглядки бескорыстны. В этом богу христианскому никогда не дognать людей, не сравняться с ними.

Александр Матросов, спасая товарищев, служа Родине, знал, что ни на том, несуществующем, ни на этом, реальном, но покидающем свете, — ничего себе не получит...

Люди к коммунистическому обществу вплотную подошли, а бог — их былая искаженная тень в пустых небесах — так и застрял на уровне морали древних эпох, жестокого самолюбивого индивидуализма.

Успокоив себя и читателя «тайной» и якобы «подобием» между делами божьими и человеческими, Лелотт переходит к дальнейшему — к учению о «святой троице». Ведь если божество состоит из «отца», «сына» да еще и «духа святого», надо разъяснить, почему всё-таки христианство считает себя единобожием.

Здесь «тайна» становится для проповедника «слова божия» уже вообще единственным прибежищем, и, проблуждав по ряду малоубедительных аналогий из области природы и психологии, Лелотт патетически восклицает: «...тысячи мучеников умерли в подтверждение этой тайны...»

И это — доказательство? Бедные обманутые и обманывавшиеся мученики! На что разменяли они неповторимую красоту человеческой жизни?

Тысячи детей приносили жители Карфагена, Тира, Сидона в жертву таинственному Ваалу-Молоху, богу пляшущего полуденного солнца. Выходит, что эти тысячи жертв, тысячи обездоленных скорбных матерей, тоже оправдывают один из нелепейших кровавых и жестоких культов древности?

В одной из битв с египтянами, как рассказывается в древней легенде, персы привязали к своим щитам мяукающих кошек. Египтяне гибли сотнями под стрелами и ударами мечей врагов, не смея сопротивляться

и повредить священных, божественных для них животных. Что же, значит ли это, что кровь, кровь мучеников этого нелепого суеверия, оправдывает это обожествление животных? Так можно далеко зайти!

Между тем наука давно уже установила, откуда идет учение о «троице-единице». Ведь весь древний мир знал триады, то есть те же «троицы», божества: земли, воды и воздуха (Ану, Эа, Бел в Вавилонии), рождения, жизни и смерти (Шива, Вишну, Брама в Индии), отца, матери и сына (Осирис, Изиса, Гор в Египте) и т. п. Когда же, с созданием великих держав древности, в людях укоренились представления о единой власти, эти представления стали проецироваться и в превратные понятия религии. Появились божества, объединившие в себе многих богов, где отдельные боги становились только либо проявлениями, качествами, либо «лицами» нового единого небесного владыки (Атон и Серапис в Египте, многоголикие и многорукые боги Индии и т. п.).¹ Вот земная колыбель «неземной» христианской троицы.

Наскоро покончив с троичностью, Лелотт переходит прямо ко «второму лицу» ее — «искупителю» Иисусу Христу. Вот тут и возникает основной вопрос. Христос, по учению церкви, воплощался и жил на земле. Но так ли это в действительности? Ведь «воплощался»-то он якобы на рубеже древней и нашей эр, когда уже была развитая письменность, когда историки писали серьезные труды.

Лелотт и пытается привлечь внешние исторические свидетельства. Что же это за свидетельства?

Он ссылается на древнего писателя Плиния Млад-

¹ Как отдельные боги в Египте, в частности, объединялись и становились лицами одного бога, хорошо показывает религиозный гимн богу Амону так называемого Фиванского периода Египетской истории:

«Амон-Ра, божественный скарабей, утром он выплывает из-за горизонта в образе Хепра;

Амон-Ра, светоч лучезарный, в полдень он странствует в своей ладье в образе Ра;

Амон-Ра, уже постаревший, вечером подходит он к пристани, в образе Атума нисходя в преисподнюю...»

Чем не троица-единица?

(См. серию «Культурно-исторические памятники Древнего Египта» под общей редакцией проф. Б. А. Тураева, вып. 6. Памятники Египетской религии в Фиванский период. М., 1918).

шего, который упоминает о христианах в своем письме к императору Траяну, написанном в 111 году. Это подлинный текст. Его опубликовала и наша Академия наук. Но Плиний говорит о том, что христиане поклонялись как божеству — Христу... И только. Никто и не отрицает того, что в начале II века христианство уже появилось. Но к историчности Христа эти слова не имеют ни малейшего отношения. Ведь «Христос» — это греческий перевод еврейского термина «мессия» — помазанник, а не собственное имя. Никто не отрицает и того, что в Римской империи того периода среди угнетенных была распространена вера в пришествие разных мессий — небесных посланцев, божественных царственных помазанников, которые-де наведут порядок на лице земли. В этих чаяниях угнетенных масс, сломленных поражениями в бесчисленных восстаниях, отразились поиски выхода из отчаяния, отразилась надежда на достижение хотя бы «небесными» средствами того, чего не удалось достигнуть земными.

Далее в доказательство реальности Христа Лелотт приводит слова римского историка Светония, писавшего в 120 году, что во времена императора Клавдия (51—52 гг.) евреи под влиянием Хреста восстали... Но слово «Христос», как уже было сказано, значит мессия, помазанник. Мы знаем, что как раз среди угнетенных евреев были очень сильны свободолюбивые тенденции, выливавшиеся тогда в религиозные восстания, а вожди их и принимались обычно за долгожданного мессию. Ведь и последнее еврейское восстание 132—135 годов н. э. (Бар-Кохбы) шло под теми же лозунгами.

Историчность Иисуса Христа эти приведенные свидетельства древних писателей никак не подтверждают. Ведь, если верить евангелиям и христианским историкам, Христос никаких восстаний не вызывал и не организовывал.

В другом месте у Светония упоминается о преследовании христиан во времена Нерона. Мы знаем, что христианство складывалось постепенно и первые «ласточки», предвестники этого учения, появились еще до нашей эры. Так что это упоминание Светония говорит о появлении учения, но не о достоверности, историчности его мифического «основателя».

Лелотт, как обычно делают все богословы, ссылает-

ся на римского историка Тацита, писавшего в 115 году н. э. по поводу римских пожаров:

«Чтобы рассеять распространившийся слух, он (Нерон) выдал за виновных и подверг утонченным мучениям тех, кто своими гнусностями навлекал на себя ненависть и кого в простонародье называли христианами. Это имя они получили от Христа, который, в царствование Тиверия, был предан казни прокуратором Понтием Пилатом.¹ Подавленное на время, это отвратительное суеверие проявилось опять не только в Иудее, где это зло возникло, но даже и в Риме, куда стекается и где находит последователей всё, что только есть низкого и постыдного».

По сути дела, это опять свидетельство о появлении христианства, а не о Христе как личности. Обратите внимание, что фраза, говорящая о Христе как таковом (подчеркнутая нами), написана бесстрастнее, чем остальная часть, полная гневного презрения к христианам. Более того, — уберите ее, и вы увидите, что текст станет целостнее. Ибо до фразы о Христе и после нее речь идет об учении, о христианстве, а не о Христе как некоей личности. Вот почему подавляющее большинство историков издавна стало считать эту фразу интерполяцией, то есть позднейшей вставкой христиан в пользу доказательства историчности их учителя.

И, наконец, Лелотт ссылается на историка Иосифа Флавия (33—110 гг. н. э.). Но как!..

Лелотт замалчивает прямое «свидетельство» Флавия о Христе, ибо даже неоднократно цитируемый им богослов — тюбингенский доктор теологии, профессор Карл Адам в своей работе «Иисус Христос», вышедшей в Брюсселе в 1961 году, признал, что это так называемое «свидетельство» не более как бесчестная христианская вставка, интерполяция, подлог. Иезуит приводит только второе свидетельство Флавия, говорящее о том, что в I веке н. э. в синедрионе был суд над братом Иисуса, называемого Христом... Христиане считают, что речь здесь идет о казненном якобы иудеями апостоле Иакове. Но имени Иакова здесь нет. Христами (мессиями), как известно, называли в то время многих бродячих проповедников, сектантов, учителей, главарей восстаний.

¹ Выделено нами для удобства рассмотрения цитаты. — А. О.

Каков же итог доказательств существования Христа? Остается единственное не опровергнутое упоминание имени Иисуса, стоящее вне христианских источников. Но даже в Библии его носили и Иисус сын Навина, и Иисус сын Сираха... и переводчик книги последнего с еврейского на греческий, его внук... Имя было весьма обыкновенное.

Более того. История соотношения этой цитаты с текстами Нового завета может иметь и другое значение. Теперь считается установленным наукой фактом, что, составляя в конце I и во II веке свои книги, христиане заимствовали из Ветхого завета тексты о разных пророчествах и из них «сшивали» отдельные события якобы «исторической» жизни Христа, чтобы подкрепить миф о нем и облечь его плотью.

Таким образом, не события, приписанные Христу, являлись «исполнением пророчеств» о нем, а сами ветхозаветные «пророчества» и туманные древние мечты о «посланце свыше» послужили мускулами, плотью, которыми создатели христианства облекли скучные первоначальные представления оmessии.

Рассказ Флавия о суде над братом одного из многочисленных, как грибы возникавших в те бурные века, самозванных «мессий» (христов) и «спасителей» («спаситель» по-еврейски «иошуа», или «иегошуа», а в греческой транскрипции — «иисус»), возможно, был тоже перенят христианами, использован ими, рядом с заимствованиями из книг пророков и Ветхого завета вообще, и приспособлен к учению христианскому в процессе мифотворчества и формирования учения новой религии. Ведь по времени появления книги Флавия его рассказ о казни брата Христа был написан раньше, чем сформировались христианские «священные» книги, использующие этот рассказ.

Таковы свидетельства нецерковных источников. Характерны упомянутые интерполяции. То, что они были сделаны, ярко показывает, как еще древние христиане старались подкрепить чем-либо шаткий фундамент своей новой веры.

Перейдя к христианским источникам, Лелотт только кратко перечисляет книги Нового завета. Затем он без всякого объяснения переходит к восхвалению «устной традиции», заявляя о том, что часто и удачно, мол,

сохранялись в древних песнях, былинах и сказаниях подлинно исторические сведения. Эта подготовка понадобилась ему для того, чтобы заявить, что и у христиан первоначально имелись только «устные евангелия» и они-то и были «хранителями» сведений о Христе.

Это уже новость. Прежде богословы такими способами утверждать «историчность» Христа не осмелились бы. В чем дело? А это тоже отступление на «заранее подготовленные позиции». Упоминавшийся нами профессор Адам пишет, что евангелия как письменные записи появились поздно: три — около 70 года н. э., а четвертое — около 90 года. Это не совсем так. Прогрессивные ученые относят появление евангелий к самому концу I, началу и середине II века н. э. Но даже приведенное вынужденное отодвигание богословами дат создания евангелий от времени их прежнего традиционного написания и лет, когда якобы жил Христос, несет с собою большие неприятности для христианства. Ведь тот же Адам вынужден также признать, что евангелия не первые документы христианства. Ранее появились послания апостола Павла. В них, по свидетельству богослова Адама, «Павел не имел никакого исторического интереса к Иисусу в современном — научном смысле...» Писал больше о «Иисусе по духу», чем о «Иисусе по плоти», то есть о «божественном Христе, Христе веры». Обо всех сведениях, где Павел касается человеческой, земной стороны Христа, он пишет, что эти сведения «получил из предания» (Первое посл. к Коринф., гл. 15, ст. 3).

Короче говоря, даже Адам, — книжку которого тоже нередко засыпают к нам в русском переводе пропагандисты христианства, и католичества в частности, — признаёт, что в христианстве вначале появились сведения о Христе-боге, а потом они стали обрасти плотью мифов и подробностей о его «воплощении» и «человеческом» пребывании на земле. Прогрессивные ученые в добавление к этому доказали, что посланиям Павла предшествовало написание Апокалипсиса, в котором Христос вообще представляется неземным, сверхъестественным божеством. Вот почему Лелотт, говоря об евангелиях, неохотно пишет, что «евангелисты весьма мало заботятся о хронологии» и «всё это смущает наши современные умы».

Ну, а если мы спросим себя: был ли действительно

на земле когда-либо Иисус Христос — «сын божий», «спаситель мира»? Каков будет наш ответ на этот вопрос?

Ученые материалистического, не зависящего от давления клерикалов, лагеря долго и внимательно разбирались в этом вопросе.

В большинстве своем они пришли к выводу, что Христа не было вообще, а христианство — смесь разных верований, сложившихся на Ближнем Востоке, частично в еврейском рассеянии (диаспоре), частично в том великом смешении рас, племен и религий, каким был мир рабов и угнетенных в Римской империи, и главным образом на территории Малой Азии. Эту точку зрения отстаивает школа покойного профессора С. И. Ковалева и близких к ней историков.

Меньшинство ученых-материалистов придерживается иного мнения. Они считают, что были некие личности, явившиеся выразителями чаяний бедствовавших евреев рассеяния (диаспоры) и Палестины, рабов и угнетенных Римской империи. Это могли быть Иисус, Иоанн Креститель, Павел, Петр и другие, вокруг учения которых и начинали наслаждаться легенды и заимствования. (Школа недавно скончавшегося английского марксиста профессора Робертсона и ряда ученых, примыкающих к нему.)

Открытие после 1947 года в Иудейской пустыне «свитков Мертвого моря» и развалин древнееврейского сектантского центра — Кирбет-Кумрана дало возможность выдвинуть третью теорию, весьма обоснованную документами и объединившую два первых объяснения, которую у нас в СССР прекрасно развили доктор исторических наук Ю. П. Францев и некоторые другие авторы. Согласно этой теории Христос — миф, но с некоторой исторической подкладкой.

На основе многочисленных исследований сторонники этой теории утверждают, что христианство сложилось в еврейском рассеянии, так называемой диаспоре, в Сирии, Египте и Малой Азии. Вырисовывается и комплекс событий, приведших к появлению новой религии. В течение последних трех веков до нашей эры формой протеста еврейских масс против невыносимого социального гнета и присвоения имущими классами монопольного права толкования религии (партии фарисеев и сад-

дукеев, а также соферимы¹ и т. п.) явилось создание различных сект в наиболее обездоленных кругах населения. Среди них и секты ессеев-кумранитов.

Один из основателей новой секты — «учитель справедливости» — пытался построить своеобразную религиозную демократию, коммуну, вылившуюся, однако, в иерократию² своих же сектантских жрецов и церковнослужителей-левитов. Тем не менее вступление в секту порождало чувство единения с «братьями», тешило ожиданием обещанных благ в будущем, когда якобы придет некий божественный посланец-мессия и наведет в мире порядок.

Следует сказать, что учение о мессии — грядущем освободителе и справедливом судье, во многом перенятое евреями из религии персов, имело успех главным образом во всяких пророческо-сектантских течениях, хотя, перекроенное и приспособленное для нужд правящих классов, оно использовалось и официальным жречеством. В таком виде это учение становилось политическим фактором: оно помогало приучать массы терпеть во имя прекрасного будущего и позволяло, когда требовалось, поднимать и организовывать массы именем мессии.

Иудейская война 66—67 годов н. э. рассеяла евреев, а значит, и сектантов ессеев-кумранитов по всему Ближнему Востоку. Положение европейской бедноты в связи с этим стало еще более безнадежным. В отрыве от родной земли, ее полей и городов, она оказалась лишенной всех привычных источников работы.

Еврейские бедняки влились в огромную массу рабов и угнетенных Римской империи. На их эксплуатации Рим строил свою железную, но зыбкую от раздиравших его противоречий мощь.

Бедняк бедняку поневоле брат. Горе, угнетение, голод не нуждаются в переводчиках. Угнетенные терпели, но когда чаша терпения переполнялась, они восставали. Рим тушил эти пожары кровью самих же восставших. Поражения рождали сознание безысходности на земле. Но без надежды нет жизни. Человеческое сознание мучительно искало что-нибудь, на что можно было бы

¹ Соферимы — книжники, посвящавшие себя скрупулезному изучению Священного писания у евреев V в. до н. э.—II в. н. э.

² Иерократия — власть духовенства, священников, жрецов.

надеяться, — и находило утешение в религии. Состав угнетенных масс империи был пестрым; такими же были и их религиозные представления. Из многочисленных мифов, верований людям ближе всего в их горьком бытии были те, которые говорили о страданиях (ибо страдали и они), о преодолении этих страданий (этого они страшно хотели, но не могли добиться с помощью восстаний) или об обещании грядущего переустройства мира на справедливых началах, с воздаянием каждому по делам его (это давало силы терпеть и ждать страдая).

Особенно ходовыми поэтому в I веке н. э. становятся заимствованные из разных религиозных систем учения о страдающих, умирающих и возрождающихся богах круговорота в природе (Осирис, Таммuz, Адонис, Дионис и т. п.) и о мессиях-освободителях, «божественных посланцах» для наведения в мире порядка. Пригодились и поступили в «общий котел» утешительных верований и «философии угнетенных», и мессианские чаяния евреев, и предания ессеев-куранитов об их «учитеle справедливости». Ведь о нем рассказывалось, что он пострадал от официального, сотрудничавшего с властями первосвященника. Пострадавший от властей — значит, «свойский». Он, «учитель справедливости», устроил своеобразное братство учеников, возглавив его советом из двенадцати. У его учеников были общими котел, стол, дом, права, обязанности. Такое близко и понятно рабам и угнетенным. Похоже было на их быт, их жизнь.

Понятный образ «учителя» начинает сливаться с образом мессии-избавителя, о котором этот же «учитель» некогда учил. Мостиком между погибшим учителем и грядущим мессией послужило учение об умирающих и воскресающих богах природы. Жил, учил. Понятно, просто. Погиб. Это из учения кумранитов. Воскрес. Так якобы воскресали боги прошлого, например Осирис. Значит, сам либо стал, либо был богом, понятным, простым, близким сердцам страдальцев. Придет снова. Это из учения о мессии. Мессия разберется, что к чему, и каждому воздаст по заслугам. Так из старых разнородных вероучений сформировалось новое — христианство.

В Малой Азии сложились первые семь христианских общин (церквей). Первым политико-религиозным документом-декларацией христианства явился «Апокалип-

сис», в котором страстно обличались правительство и господствующие круги Римской империи. Эти обличения в «Апокалипсисе» были тщательно засекречены и зашифрованы из опасения римского политического сыска.

Слухи о появлении других общин угнетенных и рабов на Ближнем Востоке вызывали попытки установления контактов, обмена для этого уполномоченными представителями, посланцами — апостолами¹ и посланиями. Эти послания являются вторым видом христианской литературы.

Малоазийские общины, совсем не думавшие о человеческом облике своего бога — судии и утешителя, познакомились таким путем с сирийскими и другими воспоминаниями бывших ессеев о их «учителе справедливости», с египетскими и ближнеазиатскими учениями об умирающих и воскресающих богах. Начались попытки объединения разных упований и взглядов — мифотворчество, согласование мифов, их обрастанье плотью рассказов, заимствований и т. п. Тогда-то и появились бесчисленные евангелия, из которых лет через двести, уже в IV веке, были отобраны немногие, допускавшие максимум согласования, и «Деяния апостолов», как попытка создания «исторической», а лучше сказать «правдоподобной», истории раннего христианства, подогнанной под образовавшиеся мифы о Христе.

В дополнение к сказанному и в доказательство заимствования ряда элементов мифа об Иисусе Христе, в частности от «учителя справедливости», приведем несколько дополнительных фактов.

Имени «учителя справедливости» не сохранилось, существовало только прозвище. Но ведь и «Иисус Христос», как уже говорилось, — привычные для евреев прозвища ожидавшегося ими в качестве утешителя в тяготах жизни спасителя-messии. Иисус — греческая переделка еврейского слова «иошуа», или «иегошуа», — то есть «спаситель». В виде почетного титула это звание «спасителя» носил и Иосия бен Нуц — Иисус Навин, как переводят греческая Библия. Христос — греческий перевод еврейского слова «мешиах» — «помазанник», как на-

¹ Апостол — от греч. глагола «постелло» — посыпаю. От этого же корня у нас «почтa» и «почтальон».

зывали царей, первосвященников, пророков из-за проделывавшегося над ними обряда.

В секте ессеев-кумранитов широко применялись ритуальные омовения, которые должны были выполняться всеми принимаемыми. У христиан это вылилось в обряд крещения. У кумранитов были ритуальные трапезы с вином и преломлением хлеба, куда допускались только верные. У христиан это вылилось в «тайную вечерю» и обряд причащения. У «учителя справедливости» был совет из двенадцати старцев-учеников. Отсюда учение о двенадцати апостолах. «Учитель» якобы говорил, что «нет власти, аще не от бога». Этот текст мы находим и в Новом завете. В секте была коммуна — общность имущества. То же находим и у ранних христиан. «Учитель справедливости» пострадал от официального первосвященника. Так же рассказывают о Христе евангелия.

Такова историческая подоплека мифа о жившем якобы на земле Иисусе Христе, «сыне божиим». Она родилась во II веке до н. э., задолго до появления христианства, и ярко показывает, что Христа в I веке н. э. не было, что он — миф.

К этому мифу присоединены были и другие заимствования из разных, так называемых языческих, религий, в том числе и легенда о «непорочном рождении» Христа «девой» Марии, взятая из буддизма. Майя — мать Будды — родила своего сына так же. Таинственными рождениями от «осенения свыше» пестрят сказки и мифы разных народов.

Помимо скрытого многобожия, выражившегося в учении о троичном божестве, в еврейский относительный монотеизм¹ перенесен был культ женского божества, который вылился затем в католичестве и православии в почитание Богородицы. Всем святым православные люди молятся: «Святой (имя рек), моли бога о нас», — то есть только как посредникам между человеком и богом. А Богородице — как самостоятельному божеству: «Пресвятая Богородица, спаси нас». Из песни слова не выкинешь, как говорит народная мудрость. Такова правда о личности и «воплощении» «сына божия».

Обо всем этом, по понятным причинам, не пишет отец Лелотт. Полавировав между сомнительными дан-

¹ Монотеизм — единобожие. Поклонение одному единственному божеству.

ными об «историчности» Христа, он прямо переходит к пространным богословским рассуждениям о «тайне» того, как бог стал человеком, о том, как «таинственно» соединились в нем «истинное человечество» с «истинным божеством» и о том, что всё это «произошло» для принесения Христа в жертву богу-отцу «во искупление людей».

В конце раздела Лелотт пишет о прямой связи «жертвы Христовой» с пасхальной «жертвой агнца», то есть с тотемическим пережитком древних евреев, о котором упоминается в Библии. Это вынужденное признание богослова показывает, что «тайна» божественного искупления оказывается шитой белыми нитками.

Рассуждения об «историчности» земной жизни Христа Лелотт заканчивает описанием «воскресения Христова», подаваемого как факт. Это понятно, ведь Лелотт сам же напоминает слова апостола Павла, который «совершенно определенно говорит, что вне воскресения Христова проповедь и страсти господни не имеют никакого значения».

Как доказать реальность столь необходимого для религии воскресения, когда никаких доказательств его в природе или истории не существует? Трудно. Просто невозможно. Лелотт вынужден констатировать, что «идея воскресения из мертвых... есть нечто, до сих пор наименее воспринимаемое людьми, особенно так называемыми образованными (как непроизвольно в этом «так называемыми» прорвалась у Лелотта ненависть к реальному знанию! — А. О.), ссылающимися в своем сопротивлении как будто на законы природы». Что значит здесь это «как будто»? Ведь ссылаются-то на фактические законы природы, на длительность жизни клеток мозга! А она не превышает шести-семи минут после наступления клинической смерти! Существует Иисус и будь он распят, он начал бы необратимо разлагаться еще до снятия с креста, а не то что в могильной пещере!

Продолжая свою мысль, Лелотт говорит, что эти законы «в любой момент могут быть отменены действием всемогущества божия». Вот для чего ему потребовалось бездоказательно протаскивать ранее в свою книгу тезис о «естественноти и возможности» для бога чудес!

И всё-таки, как ни важно для богослова доказательство воскресения, он ни одного реального «за», кроме «свидетельств» самого Нового завета, привести не может.

Учение о смерти и воскресении «сына божьего», как известно, было заимствовано христианством из языческих мифов об умирающих и воскресающих богах природы. Остановимся на этом поподробнее.

У нас четыре времени года: весна — возрождение природы после зимнего сна, лето — пир жизни, осень — плодоношение и замирание природы и зима — сон природы под теплым одеялом укутавшего землю снега.

На юге же всего два времени года — сухое и дожливое. Лют дожди — буйно расцветает зелень. Наступила сушь — всё замирает. Растрескавшаяся земля тверда как камень. Кругом мертвое. Не скажешь, что земля спит. Скорее напрашиваются слова — жизнь умерла до нового воскресения. Древние персонифицировали и обожествляли явления природы. Они создали образ бога зеленого мира, который каждый год умирает и каждый же год возрождается. У египтян был даже специальный символ: на доске или камне наносился силуэт бога Осириса. На силуэт насыпали землю, в которую сеяли семена и поливали водой. Из «мертвой» земли вырастала зелень. Все радовались: бог воскрес! Воистину воскрес! На Руси этот древний видоизмененный обычай египтян совершали верующие, выращивая к пасхе овес в тарелках. Они при этом и не представляли себе тысячелетней, отнюдь не христианской, подоплеки праздника воскресения Христа.

Культ страдающего, ежегодно умирающего, но и возрождающегося бога рабы, стоявшие у купели христианства, присоединили к легендам об «учителе справедливости» и «грядущем мессии спасителем» древних ессеев. Верав такого бога укрепила у них уверенность в том, что и со смертью не всё потеряно, что бог воскрес и, глядишь, воскресит и верных своих приверженцев. Религию страдания и воскресения бережно хранило и последующее христианство, когда кормилу его, оттеснив рабов и угнетенных, прорвались богатые и сытые. Хранило, потому что она оказалась удобной также для эксплуататоров и «сильных мира сего». Еще бы!

Бог терпел и нам велел. Мотай, раб, на ус! Терпи! Это
богу угодно. Не борись, не дерзи, не бунтуй! На земле —
юдоль искупительного страдания, на небе будет удел
утешительного воскресения.

Эту философию одурачивания богатыми бедных за-
крепил в своем Послании апостол Петр: «...со страхом
проводите время странствования вашего, зная что не
тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной
жизни, преданной вам от отцов, но драгоценную кро-
вию Христа... Будьте покорны всякому человеческому
начальству, для господа: царю ли, как верховной власти,
правителям ли, как от него посылаемым для наказания
преступников и для поощрения делающих добро... Бога
бойтесь, царя чтите. Слуги, со всяkim страхом повинуй-
тесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым.
Ибо то угодно богу, если кто, помышляя о боге,
переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за по-
хвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки?
Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно
богу. Ибо вы к тому призваны: потому что и Христос
пострадал за нас, оставив нам пример...

Будучи злословим, он не злословил взаимно; страдая,
не угрожал, но предавал то судии праведному...
Не воздавайте злом за зло... Если и страдаете за
правду, то вы блаженны... Потому что и Христос, чтобы
привести нас к богу, однажды пострадал за грехи
наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен..
Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и
вы вооружитесь тою же мыслью... Огненного искуше-
ния, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь..
Но как вы участвуете в Христовых страданиях,
радуйтесь...» (см. Первое послание Петра, в главах
1—4).

Так религия страдания, смерти и жажды воскресе-
ния из молитвенного «вздоха угнетенной твари»¹ стала
в эксплуататорских государствах одним «из видов ду-
ховного гнета, лежащего везде и повсюду на народных
массах, задавленных вечной работой на других, нуж-
дою и одиночеством».²

¹ К. Маркс. Соч., 2-е изд., т. I, стр. 415.

² В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65.

В честь богов умирающей и воскресающей природы в древних религиях устраивались особые театрализованные церемонии — мистерии. Инсценировалось погребение бога знатными и почетными лицами. Пустой гроб запечатывали, и «умершего» оплакивали профессиональные плакальщицы. Сначала о муках богов народу пели и рассказывали легенды. После томительного ожидания, траура, плачей на заре заветного дня жрецы объявляли народу, что бог воскрес — или явился жрецам, или послал об этом весть. Иногда в доказательство демонстрировали пустой гроб, в котором он якобы до этого находился. Сам же он будто бы восшел в свое обиталище на небе и оттуда благоволит к людям ныне.

Подтверждения заимствованности мифа о смерти и воскресении Христа дает счисление элементов глав и стихов, посвященных в Новом завете истории погребения, воскресения и вознесения Христа. Таких мест в Новом завете шесть: в Евангелии от Матфея гл. 27, ст. 64—66 и гл. 28; от Марка гл. 15, ст. 42—47 и гл. 16; от Луки гл. 23, ст. 50—56 и гл. 24; Иоанна гл. 19, ст. 38—42 и гл. 20 и 21; Деяний гл. 1, ст. 1—14; в Первом посл. к Коринф. гл. 15, ст. 4—8.

Если подчеркнуть карандашом определенного цвета только то, что встречается в одном из шести источников и не встречается в других, карандашом другого цвета — то, что повторяется в двух источниках, иным карандашом — то, что встречается у трех авторов, и, наконец, отличным от остальных карандашом — то, что встречается в четырех, — мы получим любопытную картину.

Элементов, не повторяющихся у других авторов, наберется 41, дублирующихся — 11, троекратно повторяющихся — 3 и четырежды повторяющихся — 4.

Даже по богослову К. Адаму — евангелия писались много позже того времени, когда якобы происходили события, описываемые в них. Таким образом, утверждения, что кто-то «знал» больше, подробнее, а кто-то меньше, — неосновательны.

Мы знаем, что никакого Христа в I в. н. э. не было. Следовательно, авторы евангелий могли передавать только бытовавшие в ранних христианских общинах легенды, мифы. Передавая одну и ту же легенду, авторы, естественно, дополняли ее разными деталями, расцвечи-

«Мир лежит во зле» — заявляет Лелотт. А его собратья по вере подчеркивают свое отвращение к миру, отгораживаясь от него масками-капюшонами. На снимке изображена обычная религиозная процессия католических монахов в современном Риме.

вали сюжет новыми «подробностями». Поэтому такие «подробности» нельзя считать относящимися к начальной форме мифа о Христе.

Элементы дублирующиеся падают главным образом на истории, излагаемые Марком и Лукой. У Луки же в Евангелии есть определенное признание о том, что он писал еще позже некоторых других и заимствовал сведения из готового источника. Вот откуда это дублирование заимствованных Лукой у Марка или общего с ним источника деталей.

Большой интерес представляют элементы счетверенные и строенные. Вот они:

Счетверенные

- 1) Хоронили знатные.
- 2) На заре в воскресенье, в определенный день.
- 3) Пришла оплакивать Мария Магдалина.
- 4) Воскресший явился одиннадцати ученикам.

Строенные

- 1) ...и еще Мария (Марии).
- 2) Камень был отвален от гроба.
- 3) Христос вознесся.

Вдумаемся в эти элементы. Они представляют собою детали рассказа о типичном обряде погребения и последующей судьбе бога умирающей и возрождающейся природы. Смущает только появление Марии или Марий вместо профессиональных плакальщиц. Почему Марии? В святынях это имя переводится как арамейское¹ и означает «госпожа», точнее «владычица моря».

В еврейском языке для него есть и другой корень. Так, в книге Исход говорится, что, встретив в пустыне источники горькой воды, евреи назвали их «Мерра», или, в еврейском подлиннике, «Марах» — «горькие». В книге Руфь рассказывается, как вдова Ноэминь («приятная») возвращается одиноко в родной Вифлеем после лет, проведенных на чужбине, где она потеряла мужа и двух сыновей. Женщины встречают ее словами: «Ноэминь вернулась!» А она говорит им: «Не называйте меня Ноэминью! Какая я Ноэмины! Называйте меня Марою...», то есть горькою вдовицей. Вот другой корень для имени Мария или Мариам: «горькая» или «горькое море». Но так на Востоке называли иногда профессиональных плакальщиц. Вот откуда все эти «Марии» у гроба Иисусова. И эта деталь укладывается в театрализованные обряды восточных мистерий, откуда христианство, очевидно, и заимствовало весь миф.

Такова подоплека евангельского рассказа о воскресении Христа из мертвых — рассказа самого драгоценного по словам апостола Павла и Священного писания.

Добавим к сказанному еще, что в ряде хулиных и от-

¹ Арамейский язык — язык семитической группы, широко распространенный в Сирии, Палестине и на азиатском Ближнем Востоке в последние века до н. э.

вергаемых самими христианами так называемых языческих религий имеются очень сходные с христианскими рассказы о вознесении на небо того или другого временно являвшегося на землю бога. Таким образом, и эта, завершающая воплощение Христа, деталь является заимствованием из богатой мировой коллекции мифов и суеверий.

Не найдя подпорок необходимому ему мифу, Лелотт вновь прибегает к игре на именах известных деятелей и помешает в конце главы письмо философа-мистика второй половины XIX века Владимира Соловьева Л. Н. Толстому, решительно осмеивавшему «факт» воскресения Христа. Ничего, кроме мистической эквилибристики в доказательство воскресения Христа, Соловьев не добавляет. Попрекнув неверующих в воскресение «так называемых образованных людей», Лелотт сам же расписался в отсутствии у него каких бы то ни было данных для опровержения их сомнений.

Дальше начинается нечто еще более жалкое. Лелотт, недавно говоривший о сатане робко и уклончиво, так расшаркивавшийся перед наукой, теперь отбрасывает все сомнения, он считает, видимо, что читатель достаточно набит цитатами из сочинений известных и знаменитых людей, а также цитатами из сочинений кажущихся «знаменитыми» богословов, что теперь ему можно преподносить любую «пищу духовную».

Как о само собой разумеющихся реальностях, пишет он далее об ангелах, то благостных, то грозных лакеях, курьерах, палачах, хормейстерах и просто небесной челяди господа бога. Об ангелах-хранителях — божиих жандармах при каждом отдельном человеке. О дьяволах и чертях и их «злом царстве».

Лелотт откровенно признаётся при этом, что «никакое учение о добре и праведности, о добрых ангелах невозможно вне учения о зле и грехе, о злых душах; учение о Христе невозможно вне учения об антихристе», то есть по существу отец Лелотт провозглашает тезис: «богу без черта не жить», тезис, которым так оскорбляются правоверные верующие, когда слышат его из уст лекторов-атеистов на лекциях. Он провозглашает этот, оскорбительный для мыслящего человека, самый низменный тезис христианской морали, гласящий, что человек не может быть моральным без стимулирующего

его поощрения «пряником» райских божьих подачек или без запугивания «кнутом» адских мук.

Иезуит заявляет, что «по слову господню мир лежит во зле», подтверждая этим жизнененавистничество христианства. Когда же об этом положении напоминают атеисты, то верующие отвергают его как клевету.

Переходя от жизнененавистничества к человеконенавистничеству, к человекооклеветанию, Лелотт пишет, что «диавол превратил человека как бы в своего автомата», что ум неверующих «всегда обращается в свою противоположность — чистое безумие».

Как не пасть после этих ужасов на колени перед богом и его церковными уполномоченными, перед отцом Лелоттом и его собратьями по ордену Иисуса!

Выходит, по Лелотту, что выдающиеся ученые: Сечинов, Тимирязев, Мичурин, Циолковский, которые не верили в бога, — не гении, а безумцы. По той же причине лауреаты Нобелевской премии — академики Семенов и Ландау — сумасшедшие...

Космонавты, физики, медики, биологи, химики, являющиеся атеистами, осуждены Лелоттом и отданы во владение сатане, как его «автоматы».

Честная душа — старая труженица полей Надежда Заглада, — и она сегодня очернена ядовитой ненавистью иезуита ко всему подлинно человеческому, гуманному, высокому. По Лелотту выходит, что не поджигатели войны, размахивающие термоядерными бомбами, мостят и подготавливают ад на земле, а борцы за мир, за предотвращение войны, ибо, говорит Лелотт, сатана через безбожников «стремится к воплощению, к тому, что можно было бы назвать созданием ада на земле». Между тем известно, что население государств, базирующихся на материалистическом учении (т. е. эти самые безбожники!) наряду с другими людьми доброй воли энергично борется за мир во всем мире.

Иезуит ведет своих слушателей за «спасением» от сатаны в «объятия» церкви — земное вместилище якобы «неземного» христианского учения.

Христос, заявляет Лелотт, «приходил» в мир не только «загладить человеческие грехи», но и «внести в мир новую закваску», «установить на земле царствие отеческого бога».

По летосчислению самих христиан, со времени

«пришествия» Христова миновало почти 2000 лет. В той же части мира, которая именует себя христианской, отнюдь не заметно благ построения этого «царствия». Наоборот, история предъявляет строителям «царства» этого «отеческого бога» долгий, веский кроваво-слезный счет. Неувязка получается!

Лелотт понимает это и предпочитает сам высечь себя и своих сподвижников раньше, чем его неизбежно высекут противники, история, жизнь.

Он говорит, что «это царство — в здешнем мире, на этой земле, но не здешнего мира». То есть устремленное во вне — в мир мистико-мифических построений о боге, ангелах, чертях и тому подобных сказок. Лелотт сам же признаётся, что это идея, отводящая от задач, присущих земному миру, а не осуществляющая их. Иезуит предрекает, что далее «это царство будет иметь также внешнюю организацию, имеющую своим назначением обеспечивать и облегчать развитие внутреннего царства», но что развитие его «всё время будет встречать противодействие, и внутри него злые примешиваются к добрым»...

Понимаете, как умно? Ведь «внешняя организация этого царства» — это церковь, деятели ее, руководители ее — церковники, клерикалы.¹ Но попробуйте-ка предъявить ей счет всех ее бесчисленных преступлений, и тот же отец Лелотт заявит: «Ну да, было! Но это не церковь, а примешавшиеся к ней злые творили...» Козел отпущения найден. И хотя преступные и человеконенавистнические планы вырабатывали и благословляли управлявшие церковью органы, сама она как будто бы остается в стороне от страшных ее проявлений в мире. Однако покойный папа Иоанн XXIII, человек, вне всякого сомнения, лично порядочный, показавший умение мыслить реалистически, вынужден был при вступлении на престол принять имя и даже номер другого, некогда бывшего, папы Иоанна XXIII — морского разбойника Балтазара Коссы, убийцы и грабителя с большой дороги, чтобы прикрыть своим честным именем церковь и попытаться стереть темное пятно в ее истории. Лелотт

¹ Клерикализм — реакционное политическое направление в капиталистических странах, ставящее целью господство церкви и духовенства в политической и культурной жизни стран. Клерикал — сторонник этого.

не говорит ни слова об этом пятне, так же как об отравителе и кровосмесителе папе Александре VI Борджа, делившем сожительство с дочерью вместе с сыном братоубийцей и устраивавшем не терпящие изложения на бумаге оргии.

Это всё «примешавшиеся злые»? А почитаемый за католического «покровителя» земли Русской униатский святой Иосафат Кунцевич, который скормливал в Полоцке бродячим псам вырытых из земли покойников за то только, что они были отпеты не униатами, — тоже «примешавшийся» к церкви, тоже из категории «отдельных злых»? Но ведь «злой»-то этот объявлен «святым»! Голосом всей церкви! Как и первоиезуит Игнатий Лойола. Кровь Ярослава Галана тоже «отдельными злыми» пролита? А истребление советских партизан и патриотов, преданных гитлеровским палачам униатским высокопреосвященнейшим митрополитом Шептицким, тоже дело «отдельного злого»?

Не слишком ли много этих «отдельных злых» в земном представительстве царства «всемогущего, отеческого бога»? Ведь этак, в конечном итоге, и всю любезную отцу иеромонаху церковь можно расчленить на действия отдельных людей... и от «благодатного» общества, «учрежденного Христом», останется... ноль.

Лелотт восторженно описывает церковь как царство благодати, «достигающей каждой души», как место, где «бог посреди нас», и тут же незаметно пытается проповедовать советским верующим и неверующим читателям собственно католицизм, поясняя, что церковь-де делится на три отдела: церковь торжествующую — те, кто у бога на небе, в святости, церковь стражющую — те, кто в чистилище — католическом месте отсидки за грехи. Бог-отец небесный, видите ли, такой формалист, что не может простить своих заблудших детей без удовлетворяющей его понятия о правосудии порки, пыток, истязаний. И, наконец, церковь воинствующую — здесь на земле. Уж чего-чего, а воинствовать против всего прогрессивного горазд, как мы видели, именно сам отец иезуит. Все три части церкви у него «общаются общением святых» — в молитвах, обрядах, богослужениях. Так готовится почва для закабаления людей отцами духовными. Ведь все перечисленные формы «общения с небом» находятся в их руках.

К такому провозглашению власти церковников над душами Лелотт и переходит немедленно и охотно.

Христу, говорит он, бог-отец поручил учить людей, направлять и освящать. Эти поручения Христос передоверил священству. Мало того, он вручил ему власть...

Отец иеромонах рисует схему этой власти как схему единственного-де истинной в мире римско-католической церкви. Но об этом — ниже.

Глава 9

ЛЕЛОТТ ПРОПОВЕДУЕТ ОТКРОВЕННЫЙ КЛЕРИКАЛИЗМ

Нужна власть, декларирует Лелотт, «обеспечивающая сплоченность данной группы, направляющая ... деятельность ее отдельных членов, предписывающая ... действия, необходимые или полезные для всей группы, и воспрещающая также инициативы, которые, даже если они сами по себе хороши, грозят нанести ущерб всему целому. В силу этого, устанавливая видимое общество, Христос должен был объединить своих учеников вокруг видимых руководителей». Так иезуит присваивает церкви власть организующую, направляющую каждого отдельного подпавшего под ее влияние члена, предписывающую — диктующую свои законы и порядки, воспрещающую инициативы (даже не действия, а инициативы еще!), пусть они хороши сами по себе, но грозят интересам церкви. И всё это ради авторитета, и, чтобы никому не пришло в голову оспаривать что-либо, покрывается авторитетом самого божа.

Напомним факты из истории, показывающие, как на практике осуществлялись эти присваиваемые церкви права и что из этого выходило.

Раннее средневековье. Грабительские, захватнические «крестовые походы» на Восток (XI—XIII веков) под предлогом «освобождения гроба господня». Совместное предприятие падких до добычи и распаленных сказками об «умопомрачительных» богатствах Востока мелких и некоторых крупных феодалов Европы с верхушкой католической церкви, жаждавшей, кроме захвата богатств, распространить свое влияние и на колыбель христианства — мусульманско-схизматический Ближний Восток.

Церковь немало сил положила для организации этих

походов... А цена этим «благочестивым предприятиям»? Море крови, пролитой на Ближнем Востоке. Взятие Иерусалима, по колена в крови. Разорение; ограбление, осквернение христианского же, заметим, Константино-поля. Изнасилованные женщины и девушки, вырезанное или обращенное в рабство население городов и селений. Сотни тысяч католиков Европы, умерших во время походов, в боях, от эпидемий, утонувших, ставших рабами восточных владык. А «гроб господень» по-прежнему «в руках неверных». И многовековое ожесточение между Востоком и Западом. И взрывы фанатизма и нетерпимости, злобы и насилия...

Испания XV—XVI веков. Церковь направляет власть на «христианизацию» евреев. Давит и душит так называемых маранов.¹ Вызывает массовую их эмиграцию. Губит мощную интеллектуальную прослойку населения.

Западная и Центральная Европа. Церковь веками направляет власть на борьбу с «сatanой». Издает людоедский «Молот ведьм».² Возводит на костры, как ведьм, полмиллиона несчастных нервнобольных женщин, которые из-за экзальтирующего психику воспитания церкви становились психопатками.

Последующие века от средневековья до современности. Весь мир. Церковь предписывает «Индексами запрещенных книг»,³ иезуитско-клерикальным воспи-

¹ Мараны — насильственно крещенные ёвреи Испании XV—XVI вв. Часто принимали христианство для видимости, чтобы не погибнуть. Разоблаченные (а за ними был постоянный надзор инквизиции) подвергались жестоким мучениям и истреблялись. Такое же отношение было и к морискам — насильственно крещенным мусульманам, остаткам изгнанных из Испании мавров.

Бесчеловечные преследования маранов и морисков вызвали ряд их восстаний (1499 и 1500 гг.), задущенных властями и церковью.

² «Молот ведьм» — средневековая книга монахов католического ордена доминиканцев Я. Шпренгера и Г. Кремера (1-е издание 1487 г.), инквизиторов в Германии. Памятник дикого изуверства и фанатизма. Раскрывает «теоретические» основы католического учения о «ведовстве» (колдовство, знахарство, «продажа» души дьяволу ведьмами и т. п.).

³ «Индексы запрещенных книг» — списки книг, чтение которых церковь под угрозой отлучения запрещает верующим. Первый индекс был издан в 1559 г. по приказу папы Павла IV. Один из последних индексов был напечатан в 1948 г. В списках этих стоят имена: Галилея, Декарта, Гольбаха, Гельвеция, Дидро, Руссо, Сен-Симона, Спинозы, Дарвина, Беранже, Гейне, Бальзака, Флобера, Стендالя, Золя, Вольтера, Гюго, Франса и многих других,

танием в подчиненных ей школах, влиянием на так называемые «христианские» правительства и партии, профсоюзы и организации бороться с передовыми отраслями науки. Десятилетиями церковь преследует дарвинизм, хотя позже, как мы уже видели, она вынуждена была признать его правоту. Веками она пытается мешать развитию астрономических знаний о Вселенной. Сжигает на костре Бруно, гноит в тюрьме Галилея. Препятствует развитию медицины. Веками клеймит вивисекцию,¹ без которой не могла бы успешно развиваться медицина. Преследует анатомию, с ее рассечением и изучением трупов ради получения знаний о том, чем могут болеть живые люди и как им следует помогать. Мешает борьбе с эпидемиями. Мешает микробиологии. Уже в настоящее время осуждает опыты Петруччи, выращивавшего в искусственной среде человеческие зародыши до двухмесячного срока развития, чтобы получать ткани для пересадки больным и исследовать ряд процессов жизнедеятельности, познать которые крайне важно для человечества. Осуждает оживление после наступления клинической смерти, в гинекологии противостоит обезболивающим средствам.

Новое и новейшее время. Церковь своими так называемыми «социальными энцикликами²» («Рерум наварум» и др.) уже пытается навечно закрепить буржуазно-капиталистический строй, оправдать классовое неравенство между людьми. Воспрещает своим членам вступать в ряды коммунистического движения, борющегося за раскрепощение человечества от насилия и эксплуатации. Папа Пий XII отлучил от церкви католиков-коммунистов. Выступал против борцов за мир во всем мире, против участия католиков в конгрессах за

¹ Вивисекция — изучение учеными функций и строения организмов путем рассечения живых организмов и операций над ними.

² Энциклики — папские послания. Носят названия по первым словам текста. Издаются на латинском языке. «Рерум наварум» («О новых вещах»), энциклика папы Льва XIII (1878—1903), рассматривает социальные проблемы, утверждает вечность и богоустановленность частной собственности и социального неравенства в мире. В другой энциклике «Квадрагесимо анно» («В 40-й год») папы Пия XI (1922—1939) собственность капиталистов объявляется «даром природы и бога». В ней прямо говорится, что «право частной собственности, данное природой, должно всегда оставаться нерушимым». Эту энциклику мы еще будем упоминать.

разоружение и запрещение атомного оружия. Преследовал активного участника движения за мир аббата Булье и других.

Даже тогда, когда покойный «папа мира» — как называли люди доброй воли Иоанна XXIII, побуждаемый трезвым пониманием губительности ядерной войны, призывал человечество перейти от диктата насилия к сосуществованию систем, от надежд на войны — к надеждам на мирное соревнование и прогресс, к взаимопониманию и взаимоизучению, — нашлись деятели реакционно-клерикального крыла курии, не проявившие желания отказаться от заржавевшего оружия насилия.

Приведем два примера этому.

9 марта 1963 года в газете «Известия» была напечатана следующая корреспонденция, которая несомненно известна читателям настоящей книги:

«ЦЕРЕМОНИЯ В ВАТИКАНЕ

Ватикан, 8 марта. (ТАСС.) Вчера в Апостольском дворце Ватикана состоялась церемония вручения папе Иоанну XXIII международной премии имени Бальцано «За мир и гуманизм». От имени комитета по премиям папу приветствовал первый председатель комитета, бывший президент Итальянской Республики Джованни Гронки. Затем с краткой речью выступил сам папа, поблагодаривший комитет за высокую оценку его усилий, направленных на сохранение мира между народами.

На церемонии в Ватикане присутствовало около 50 итальянских и иностранных журналистов, в том числе вице-президент общества «СССР—Италия», главный редактор газеты «Известия» А. И. Аджубей и его супруга, находящиеся в Италии по приглашению Итальянского общества культурных связей с Советским Союзом («Италия — СССР»).

После окончания церемонии А. И. Аджубей был принят Иоанном XXIII на частной аудиенции».

Когда в Париже стало известно о подготовке этих событий, газета «Опор» в статье от 6 марта выступила против любых форм мирного сосуществования и, выражая мнение определенных агрессивно настроенных католических кругов, взывала к возглавителю реакционного

крыла Ватикана: «Как бы хотелось услышать протест кардинала Оттовиани, этого непреклонного защитника учения и веры».

Второй пример. 11 апреля 1963 года в «Известиях» появилась следующая заметка, посвященная миротворческим попыткам папы Иоанна XXIII:

«ПОСЛАНИЕ ВАТИКАНА

Рим, 10 апреля. (По телеф. от соб. корр.) Вчера утром в своей личной библиотеке папа Иоанн XXIII подписал пять экземпляров новой энциклики «Пацем ин террис» — «Мир на земле»...

Во время краткой церемонии после подписания энциклики папа произнес речь, в которой подчеркнул, что основная тема этого нового документа — мир, которого страстно желает всё человечество».

Уже 13 апреля в той же газете появилась новая корреспонденция следующего содержания:

«ВАШИНГТОН НЕДОВОЛЕН

Нью-Йорк, 12 апреля. (По телеф. от соб. корр.) Американские газеты широко подают послание папы римского «Мир на земле». Но в комментариях они прозрачно намекают, что богу — богово, а кесарю — кесарево и что призывы к миру и разоружению руководителя католической церкви не достигнут той части его паствы, которая сидит в Вашингтоне, и во всяком случае не заставят ее свернуть с избранного пути гонки вооружений. К такому заключению, отвергающему и букву и дух ватиканского послания, приходит, например, газета «Нью-Йорк таймс», которая пишет в редакционной статье: «Запад должен продолжать вооружать себя против коммунистической угрозы». На обращение к неустанным переговорам ради мира отвечает, комментируя папскую энциклику, также газета «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Мы начинаем впадать в отчаяние от переговоров, поворачиваемся всё больше и больше к спасительной мере — более лучшее и более обильное ядерное оружие. Это именно та дорога, которая, как опасается папа, может вести к катастрофе».

Белый дом не комментировал папскую энциклику, это сделал госдепартамент США, ограничившись стерео-

типной вежливостью. Но демарш госдепартамента не мог, однако, скрыть глухого недовольства реакции, прорывающегося и на страницы печати, — недовольства тем, что папа «слишком» увлекался миротворческой деятельностью, вмешивался в сферу «текущей» политики и проявлял известную терпимость к «коммунистическим безбожникам». «Энциклика подразумевает принятие принципа сосуществования между коммунистическими и антикоммунистическими государствами», — пишет «Нью-Йорк геральд трибюн». Именно это не по нраву Вашингтону.

Среди руководящих деятелей США, как известно, немало католиков, духовным же главой американских католиков является печальной известности воинствующий кардинал Спеллман, один из крупнейших возглавителей реакционного крыла руководства католической церкви.

Вот как сложно и своеобразно обстоит дело с «организующей, направляющей, предписывающей и воспрещающей богоустановленной властью церкви».

Лелотт же вопреки этим фактам утверждает между тем, что церковь «представляет собою всеединую организацию», которую «богословы именуют монархически организованным обществом».

С каким уважением Лелотт провозглашает монархизм церкви. Для него это самое дорогое и незыблемое в христианстве. Не надо забывать того, что ведь и весь орден иезуитов, верным членом которого является Лелотт, был основан во имя слепого повиновения, беспрекословного, не ограниченного ни моральными, ни правовыми, ни какими бы то ни было другими нормами, служения этой монархической верхушке церкви. Церковь родилась в рабовладельческом императорском Риме. Она складывалась при феодализме, рядом с неограниченными абсолютистскими монархиями. И осталась хранителем тех принципов и норм, в которых выпестовывались люди-рабы, — рабы небесного владыки, рабы его земных представителей.

В феодальном смысле они — эти люди — и «дети» его, ибо он — их «царь-батюшка», который хочет — казнит, хочет — милует. Низшие чиновники, священство — челядь его; их дело — вершить волю бога и исполнять ее, не рассуждая. Над ними господа-феодалы — епископы. Еще выше монарх божию милостию — первосвященник.

О таких порядках мечтают, ими живут, их хотели бы видеть во всем мире лелотты иезуитизма, бесчисленные дивизии католичества, наиболее реакционная часть его — члены монашеских орденов: иезуиты, доминиканцы, францисканцы, августинцы, бенедиктинцы и «им же несть числа». Всю клерикальную властолюбивую группировку оправдывает несуществующий, но живущий пугающим призраком в сознании людей христианский бог — отражение земных рабовладельцев и кесарей, феодалов и императоров, абсолютистов и самодержцев далёкого прошлого.

Далее Лелотт вещает, что руководители церкви «обладают властью, данной непосредственно от бога — властью богоустановленной; только они являются пастырями стада Христова».

Теперь ни науки, ни доказательств ему не требуется, поэтому он уже не доказывает, а приказывает, считая, что человек достаточно запуган, согнут и раздавлен предварительной обработкой. Отец Лелотт питает, очевидно, надежды на то, что искусство убеждать и опыт стоящего за его спиной ордена иезуитов обеспечили его словам убедительность.

Своего рода армией в руках лидеров церкви являются священники и монахи. Все остальные — это «верные». Их дело «повиноваться на практике указаниям всякой законно существующей церковной власти». И даже те, кто не входит в католичество, а находится «в плenу тех или иных предрассудков», «по праву» принадлежат ей — т. е. той же католической церкви!

Так делается заявка на всемирное господство. А мы еще дивились, как Лелотт может как нечто естественное навязывать людям свое «чистилище» и другие догматы католичества. Это у него, оказывается, просто частность, малый участок всемирного фронта по завоеванию человеческих душ.

Лелотт ясно и четко определяет и задачи, возложенные на эту клерикальную власть «именем господа».

Они состоят в том, чтобы «прежде всего передавать всем поколениям, в настоящее время нашему поколению и современному миру, и всем народам земли истины, открытые нам Христом (догматы веры) и средства идти

к богу (правила морали)...» Всему современному миру!
Чувствуете размах, дорогие читатели?

Чему же конкретно «должна учить церковь»? Ну, разумеется, «священному писанию и преданию» — всему багажу «учений», накопленных церковью, — вере в бога и дьявола, ангелов и чертей, магические и колдовские силы «святой воды» и причастия, адские сковородки и камеры предварительного заключения — «чистилища» с ассортиментом палаческих наказаний. Однако, видимо, этого уже оказывается мало, чтобы владеть душами современных людей. И Лелотт провозглашает право церкви на «новые догматы». Далее он пишет:

«Церковная учительская власть имеет право вмешиваться во всё, что касается Христовой истины и спасения душ». Растижимое это право. Здесь и в помине нет принципа отделения церкви от государства, за которое веками боролись лучшие умы человечества. «Только она (церковь. — А. О.) сама, а не посторонние ей силы, например государство, имеет право определять, как далеко распространяется поле ее деятельности...» Это даже не государство в государстве, а государство над государствами. Видимо, при этом иезуиту на память пришла Каносса¹ и король, босой и униженный, перед торжествующими прелатами, которые наслаждались, видя, как он растаптывает свое и своего государства, своей родины достоинство. Так было. Давно. Но мечта об этом осталась, как видим, и ныне. Ведь «истинная церковь Христова не может не быть непримиримой в принципиальных вопросах». Великий инквизитор Торквемада² обеими руками подписался бы под этим изречением иезуита-проповедника XX века.

¹ Каносса — замок в Северной Италии. В 1077 г. сюда на встречу с папой Григорием VII в одежде кающегося грешника (в рубише, с веревкой на шее) явился отлученный и низложенный германский император Генрих IV, пытавшийся ограничить вмешательство церкви в государственные дела. Его выдержали у ворот трое суток. Император вынужден был согласиться на унизительную капитуляцию перед церковниками.

² Торквемада, Томас — деятель инквизиции (великий инквизитор) в Испании XV в. Монах доминиканского монашеского ордена. Выработал кодекс и процедуру судов инквизиции. Добился изгнания из Испании евреев. Лично приговорил к сожжению тысячи человек. Сжег множество книг. Имя его в литературе стало нарицательным,

Читатель! Возьмите в библиотеках несколько правдивых, историками апробированных, исторических романов: «Тиль Уленшпигель» Шарля де Костера — бельгийца; «Слава дона Рамиро» Энрике Ларреты — аргентинца; «Прекрасная Маргерет» Генри Райдера Хаггарда — англичанина.¹

Они напомнят вам, во что обошлась миру эта непримиримость фанатиков, когда им удавалось ее осуществлять.

Сам Лелотт предпочитает на прошлые образцы привозглашаемой им нетерпимости не оглядываться и стыдливо пишет, предвидя, что история — документ неистребимый: «...церковь с полным правом приписывает себе святость», а «тени, существующие в деле, основанном Христом (уйти-то от этих «теней» никуда не уйдешь! — A. O.), не должны нас удивлять», так как это, мол, «дело — богочеловеческое». Получается, что всё, что мы делаем хорошего, — это не мы, а бог в нас. Всё, что церковь делает злого, это не она, а мы, грешники, в ней!

Так белое делается черным, черное — белым, несмотря на то, что факты истории опровергают эту подмену. Прием для отцов иезуитов не новый.

Лелотт, однако, не может забыть того, что книгу-то будут читать и в нашей стране люди, привыкшие вкладывать в понятие «иезуиты» определенно отрицательное содержание. В стране, национальным героям которой является Александр Невский, разбивший крестоносных псов-рыцарей на льду Чудского озера, гордо отвергший римских миссионеров. В стране, дети которой со школьной скамьи знают о кровавой бане, устроенной в захваченном крестоносцами Пскове, о попытке иезуитов отравить героя Украины Богдана Хмельницкого, о зле, которое насаждали патеры на временно захваченной польскими панами Украине, об убийстве агентами иезуитов советского писателя Ярослава Галана, о предательской роли униатского духовенства — с первых шагов унион и до роли униатов на оккупированной фашистами территории в последнюю войну.²

¹ Последние издания этих книг вышли из печати совсем недавно.

² Во время 1-й сессии XXI католического Вселенского собора (в конце 1962 г.) униаты продолжали вносить ожесточение, озлобле-

И, чтобы не оказаться перед запертыми дверями, Лелотт пускается в обходный маневр. Он пытается, во-первых, свалив всю вину на давних покойников (благо, того света не существует и души кассационной жалобы подать не могут!), объявить ошибкой разрыв между Восточной и Западной церквами. Лелотт пишет:

«После нескольких тяжелых недоразумений, приведших к времененным разрывам, произошло, наконец, роковое разделение в 1054 году в Константинополе между Константинопольским патриархом Михаилом Керуларием и папским легатом кардиналом Гумбертом.

Западные богословы последнего времени начинают сомневаться в правомерности этого разделения, основываясь на том, что до самого разделения папа Лев XI, пославший кардинала, умер, и, таким образом, прекратились полномочия Гумберта. Следовательно, можно задать себе вопрос, не превысил ли Гумберт свои полномочия в период папского междуцарствия, тем более что он был уполномочен вести переговоры по ограниченному ряду вопросов и не был уполномочен принимать решения по делу такого исключительного для судеб церкви значения».

А вот в одной только Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — десятки томов католических книг, дышащих яростью, злобой и непримиримостью, в которых католики изображают себя абсолютно правыми и обвиняют своих противников. Не напоминают ли, в свете этих документов, попытки Лелотта перекроить и переосмыслить историю прежних попыток купцов перед лицом надвигающегося банкротства «вывернуть шубу», чтобы спасти хоть что-нибудь?

Это, конечно, не значит, что мы тем самым считаем православие более правильной и достойной формой религии. По старой поговорке «когти серой кошки не туше когтей черной»... И в православной литературе множество дышащих яростью антикатолических, антилютеранских, антисектантских книг. Ведь нетерпимость — одна из самых темных сторон христианской религии и пронизывает все ее вероисповедания. Только в

ние между Востоком и Западом и служили целям реакционнейших кругов правого, если фигурально выразиться, крыла римской курии.

самом недавнем времени, под влиянием огромных сдвигов в общечеловеческом прогрессе, начала намечаться тенденция к сосуществованию между самими христианскими церквами. Но оглянуться на свое поведение и задуматься над ним церковников разных мастей заставил прогресс общества, а отнюдь не наоборот. Развитию и расширению этих реалистических тенденций способствовала и миротворческая деятельность папы Иоанна XXIII.

Решив «выпороть» себя и своих, раньше чем это сделают неоднократно «поровшие» церковь историки других исповеданий или атеисты, Лелотт продолжает «выворачивание шубы»:

«Кроме того, исторические события также сыграли свою роль. Одной из самых значительных причин того, что этот конфликт достиг степени непримиримости заронелого недуга, надо, безусловно, считать взятие рыцарями-крестоносцами Константинополя в 1204 году, его варварское разграбление и основание так называемой Латинской империи».

Вот и рыцари «святого креста», многие из которых в святые попали, оказались явно виновными. Круши своих, облегчай балласт: корабль течь дал!

Данное издание книги Лелотта обращено к русским. Значит, надо и здесь показать себя либо чистеньkim, либо уже достаточно высеченным. Лежачего-то не бьют! А русские в этом отношении давно гуманизмом славятся. Авось плонут да помилуют.

«Что же касается отношения к России и к русской Церкви, тó следует заметить, что христианство в России началось задолго до великого разделения...» Позже, мол, «односторонние антиримские влияния, идущие из Византии», оказали свое влияние. «Этому еще способствовал тот факт, что соседние с Россией государства — тевтонский орден меченосцев, а также Польша и Литва — осуществляли политику агрессивного захвата русских земель. Таким образом, у русских создался прочный антиримский комплекс, в силу которого принадлежность к христианству западного типа рассматривалась как враждебная антирусская и антиправославная установка».

Вот, оказывается, как: поляки, литовцы да орден тевтонский виноваты. Будто тогдашние папы не благо-

словляли их на «крестовые походы» против «схизматиков». Будто не иезуиты ехали на Русь в обозе Дмитрия Самозванца. Будто не об окатоличивании Руси шла тогда речь.

С чего это бреден иезуитов стал таким смиренненьким? Или отец Лелотт позволил себе лишнее и опасается, что его вот-вот к ответу потребуют? Нет, он знает, что говорит и пишет. И к ответу его не потребуют. Он — «перо», или, лучше сказать, «самопищающая ручка», в руках своего ордена.

Дело в другом. Дело в том, что и иезуитам приходится задумываться над сложным состоянием дел в мире:

«В переживаемую нами трагическую эпоху наступления на мир безбожного материализма особенно важно, чтобы христиане осознали возможность принадлежать к единой Церкви, сохраняя всё свое духовное наследие и своеобразие, и приложили усилия к сближению и возвращению к первичному единству Церкви».

Вот в чем секрет. Правда науки, непреложность исторического поступательного движения гонят с земли древние пережиточные призраки. Реакции приходится консолидироваться.

В мире дуют свежие ветры. Плотнее сдвигаются в темных заплесневелых углах полчища мракобесов. Боятся великой уборки мира, кипятка науки, метлы новых идей.

Ищут взаимной подпорки. Соседнего плеча. Как будто бы это остановит метлу!

И всё же ошибается читатель, если подумает, что иезуиты и им подобные испуганы. Это не так. Приведенные расшаркивания перед историей — напускное смирение. «показательный» трюк, не больше.

На самом деле Лелотт рвется в бой. Не случайно один из последних параграфов своей книги он воинственно озаглавливает: «Церковь имеет право вмешиваться в светскую жизнь», и пишет, что церковь вправе «уточнять» «естественные права человека» «на личную собственность» и «напоминать» «о правах и обязанностях семьи, государства и пр.», проще говоря — «имеет право... выступать» «по любому существенному вопросу — труда и капитала, кино, печати, понятия расы или нации, распределения материальных благ и т. п.»,

«с осуждением любых решений, ставящих под угрозу сверхъестественное назначение человека».

«Сверхъестественное назначение! Не земное, человеческое, реальное, вытекающее из самой природы человека, а именно «сверхъестественное»! Здесь-то и «зарыта собака», которую задолго подготавливал отец Лелотт.

Он, правда, скромно оговаривается, что «на Церкви не лежит задача устанавливать светский порядок» (это заголовок другого параграфа его книги), но тут же поясняет, что сна не ставит своей целью заменять «естественные общества», которые «установлены богом: семью и государство». Наоборот-де, церковь «обязана... выступать в их защиту против всякого, отказывающегося им подчиняться».

Напомним в пояснение этих слов, что церковь только за последние двадцать пять лет призывала «уважать законные права» Гитлера, Муссолини, Франко, Салазара, Хорти, Баттисты, Трухильо, Чан Кай-ши и Нго Дин Дьема, Кубичека (Бразилия) и Льераса (Колумбия), Аденауэра, Чомбе... и множества других палачей, диктаторов, марионеток и торговцев родиной вразнос с лотка.

Оказывается, любое восстание народов против этих «законных» их хозяев было бы нарушением «естественногоназначения» человека — служить, лакействовать, быть ограбляемым «богопоставленными» «сильными мира сего». Лелотт пишет: не надо бояться церкви в ее отношении к жизни на земле, так как «вечное не искает временного». А если это «вечное» ставило палки в колеса истории и пытались остановить социально-политический прогресс в мире?

Не дело церкви, замечает Лелотт, «указывать, каким в государстве должен быть образ правления». Но далее он же говорит: «...если то или иное правительство превышает свои права, попирая права личности или семьи, то Церковь возвысит свой обличающий голос».

Видимо, эта оговорка потребовалась иезуиту для того, чтобы оправдать организацию контрреволюционного мятежа в народной Венгрии, одним из вдохновителей которого был кардинал Миндсенти, благословивший контрреволюционеров, вешавших на бульварах головою вниз избитых, замученных работников народной

милиции. «Права личности» этих жертв реакции, надо думать, тем самым «не попирались»?

На этом основании кардиналы и епископы ФРГ поощряли действия реакционеров, по указке которых из ГДР с пропагандной целью насищенно увозили детей, разбивали семьи и сердца матерей.

На этом основании в Италии епископ Пьетро Фиорделли из города Прато травил и преследовал молодую пару — Лориану Нунциати й Мауро Белланди (1956—1958 годы) только за то, что они не пожелали обвенчаться в церкви, а жених был известен левыми взглядами...¹ Желание этой пары любящих людей построить жизнь так, как им хотелось, явилось, видите ли, «попранием прав личности и семьи», а насилие над их личностями и семейной жизнью, доведшее М. Белланди до инфаркта, было добрым делом борьбы за семью и личность!

После всех этих фактов — конечно, известных Лелотту, — он еще утверждает в своей книге, что «благодать не упраздняет природы» и что церковь «должна уважать законные права личности, семьи и государства», ибо иначе «она доказала бы ...что она сама не проходит от бога. Потому что у бога не может быть противоречий в том, что он делает».

Мы уже неоднократно указывали на то, как много в несуществующем богое противоречий, внесенных в легенду о нем его земными создателями. И всё же я не могу не остановиться на них еще раз. Эти абзацы я вношу уже в верстку книги под влиянием обуревающих меня чувств.

Читатели, несомненно, помнят сообщение, напечатанное в газетах летом 1963 года, о чудовищном преступлении, совершенном американскими расистами в городе Бирмингеме, расположенном на юге США. Эти выродки подложили бомбу в помещение негритянской церкви. Взрывом было убито четверо пришедших на молитву к всемилостивейшему богу негритянских детей.

Подумайте вместе со мной, друзья читатели: бог, по учению церкви, всемогущ, ни один волос не падает с головы человека без воли бога, как утверждает «сло-

¹ См. об этом нашумевшем на весь мир деле репортаж польского журналиста Тадеуша Брези «Бронзовые врата» в журнале «Новый мир», 1961, № 3.

во божье». И он, этот бог, через апостола проповедующий, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского, ни раба, ни свободного, ни эллина, ни иудея, пальцем не двинул, когда его белые поклонники в посвященном ему же храме — «доме божьем» по христианским понятиям — убили детей черных богопоклонников. Его белые богопоклонники не были поражены после этого на месте преступления или в предназначенном для белых богопоклонников «доме божьем», когда они явились туда приобщиться «телу и крови» этого самого бога, в другом «доме» которого они, как новые кайны, убили «детей божьих».

В старые времена педагоги любили рассуждения на тему о противоречиях между понятиями «быть» и «какаться». Не кажется ли вам, дорогие читатели, что и бог в бирмингемском преступлении изволил «быть» совсем не тем, кем «кажется» в проповедях своих жрецов и пастырей, проповедников «слова божья» и прочих «божественных» откровений?

А ведь бирмингемское преступление не было единственным в 1963 году. Не «был» ли бог, кажущийся в проповедях и Евангелии богом любви, — богом убийц, когда не воспрепятствовал сожжению в Мексике мужа и жены, совершенному по наущению «пастыря божия» руками его фанатичных прихожан. Об этом изуверстве вы тоже читали, конечно, в газетах. Не был ли бог, кажущийся в Евангелии богом-утешителем (приидите ко мне все ...и я успокою вас!), — богом равнодушия, когда в Южной Америке допустил, чтобы на головы сотен верующих учениц, приведенных в «дом божий» их духовными наставниками, обрушилась кровля храма и погребла детей. И это сообщение было опубликовано в 1963 году. Оно совсем свежее и еще не успело выветриться из памяти.

Как видите, читатели, мы не странствовали судорожно по векам истории мира для отыскания наших доказательств. Вот вам и лелоттовское: «у бога не может быть противоречий...»!

Впрочем, Лелотту и самому ясно, что противоречий не занимать стать, и он вновь и вновь пытается скрыться за спинами пресловутых «отдельных недостойных носителей божественного откровения благодати».

Он пишет:

«Можно быть заранее уверенным, что отдельные христиане — и даже официальные представители Церкви — действуют порою вопреки учению, которое они должны распространять.

Когда мы будем говорить, например, об отношении Церкви к человеческому телу и о сочувственном внимании, которое она ему уделяет, каждому читателю не трудно будет возразить, что бывают священники, выступающие против занятия молодежи физкультурой».

Как будто за спиной христианства нет двадцати веков глумления над телом, призывов к его умерщвлению, к проклятию плоти, к изможденности, согбенности.

Лелотт же продолжает: «Когда мы скажем, что церковь с огромным сочувствием относится к научному прогрессу, читателю не придется даже особо напрягать память, чтобы вспомнить, что в определенный момент один из представителей церкви осудил научные открытия Галилея!»

Как будто Галилей был один. Как будто осуждение его было частной выходкой отдельного «князя церкви».

«Нужно честно признать, что в Церкви были и еще существуют миряне и представители духовенства нерадивые, несведущие и даже недостойные», — меланхолически делает вывод Лелотт. Делает, но не для того, чтобы признать церковь земным обществом людей со всеми их недостатками, а для того, чтобы, констатировав этот факт (благо, от него все равно не уйти), затем в дальнейшем отклонять все обвинения против церкви под предлогом, что о них, мол, нами же самими уже былоговорено. Тонко, но не совсем честно. Стыдливо сказана даже не полуправда, а доля процента правды. Сказана, чтобы отвести затем всю правду во всей ее невыгодной для христианской религии обнаженности.

Еще клубится тьма в углах и закутках земного шара. Еще гнездятся религиозные предрассудки в человеческом сознании. Лелотты пробуют наступать.

«Люди, будьте бдительны!» (Фучик)

Часто

третья

**их идеология,
их мораль**

Глава 10

ЧЕЛОВЕК ПО „ЗАМЫСЛУ БОЖИЮ“ И ЛЕЛОТТОВУ

Пригласив читателя покориться власти церковников, отец Лелотт начинает раскрывать перед ним, что же от него, человека, теперь потребуется, как же мыслит «святая» церковь его существование.

Начинается этот отдел любопытно. Лелотт предвидит опасение людей, не обойдется ли им власть церковников слишком дорого: «Становясь учеником Христа, не перестанет ли человек быть вполне человеком?», «Не придется ли нам пожертвовать естественными и законными стремлениями своего существа?» — «Нет, — отвечает успокаивающе Лелотт, — благодать не упраздняет природы; вечное не искаляет временного».

Мы уже показали выше, что это вовсе не так, показали на конкретных примерах, как далеко заходит диктаторское вмешательство церкви в жизнь людей, как оно ее коверкает и ломает. Дальнейшее рассмотрение книги Лелотта даст нам новые данные о таком вмешательстве.

Лелотт заявляет, что жизнь человека коротка, ничтожна, что люди плохо мирятся с неизбежностью смерти, «цепляются за жизнь»; в связи с этим для них «особенно важным становится вопрос: „Что же продолжается за гранью земной жизни? Личность или что-либо другое?“» По утверждению Лелотта, на этот вопрос даются четыре совершенно разных ответа.

Коммунизм, говорит он, отвечает, что остается человеческий род. «Личность обречена на небытие; только человечество продолжает жить». А потому, утверждает Лелотт, дело отдельного человека, признающего коммунизм, жертвовать собою для коллектива и утешаться тем, что когда-нибудь будущие поколения будут иметь

то, чего человек не имел и вынужден был сам лишать себя.

Гитлеризм, утверждает Лелотт (он опасается упоминать о «фашизме», выгораживая близких ему современных фашистов), считает, что «за пределом отдельной человеческой жизни продолжается раса» и ради прав расы жертвует и отдельными личностями и другими народами и племенами.

Национализм, продолжает иезуит, то же значение придает нации. Далее Лелотт подводит читателя к выводу, что одна лишь церковь «стоит на точке зрения, противоположной всем этим теориям: она говорит, что только личность вечна, и поэтому для личности требует первого места. Она не считает личность единицей, затерянной в массе, но признаёт за ней абсолютную ценность и объявляет ее священной.

При этом Церковь, разумеется, отнюдь не отвергает понятия человечества, расы, наций. Но она приписывает им лишь преходящую ценность, подчиненную ценности человека».

Капитализм, как и фашизм, Лелотт из осторожности обходит, чтобы не обидеть могучих покровителей ордена иезуитов из империалистических монополий. Но во всех его рассуждениях ясно проступает тезис, который он старается внушить читателю.

В мире существуют две силы: на Востоке — коммунизм, жертвуяший якобы личностью ради коллектива, да еще при этом обязательно только будущего коллектива. А на Западе — капитализм и его порождения — фашизм-гитлеризм и т. п., которые жертвуют личностью ради расы, нации; мы же добавим — ради доходов, золотой мошны и т. д...

Церковь же (и с нею, разумеется, считающие себя ее авангардом отцы иезуиты) выступает якобы в качестве «третьей силы», единственной в мире защищающей свободу и право личности на жизнь и на бессмертие.

Тезис о «третьей силе» стал всё чаще звучать в высказываниях многих богословов. Мир рассечен надвое, говорят они, и мы призваны объединить его нашей третьей, единственной истинной идеей, которая вытеснит и победит раздирающие ныне мир идеи, неправые в своем существе.

Что можно сказать об этом тезисе?

Обыкновенная дворняжка, которая была одним из первых живых существ земли, поднявшихся на советском искусственном спутнике в космос — „обиталище бога“, как учит религия. И „всемогущий“ бог, выдуманный людьми, не смог помешать ее победному полету.

Собака-космонавтка изображена со своим потомством.

Почему церковники выдвигают его и отказываются от открытой поддержки капиталистического общества, как делали еще совсем недавно, более чем понятно.

В наши дни капитализм с каждым днем становится всё более ненавистным для широких масс тёх же католиков, тех же «чад» церкви, но из числа действительно трудящихся. И церкви прямо ставить его рядом с собой — опасно. Опираться на него теперь — просто вредно. Опиралось же когда-то православие в России на лозунг «Самодержавие, православие, народность». Делало на него ставку. А что получилось? Народность восстала, самодержавие повергла, а попутно и его подпорке — православию — так досталось, что по сей день оно синяки зализывает.

Коммунистическое мировоззрение не оставляет места для религиозных предрассудков.

И вот, чтобы не оттолкнуть большую часть верующих-трудящихся, и изобрели для себя церковники свой

третий стул, чтобы не оказаться в глазах простых верующих людей скомпрометированными слишком явной поддержкой капитализма. Но сам по себе этот «третий стул» во многом только фикция, видимость. Ибо фактически-то церковь остается на позициях всё того же откровенного индивидуализма и частнособственничества, — на китах, поддерживающих и питающих всё ту же капиталистическую систему.

Для того чтобы эта близость мировоззрений капиталистических и церковнических не вылезла, как шило из мешка, и не обнаружила бы тем самым фиктивность церковничества как «третьей силы», Лелотт и говорит о гитлеризме, национализме, предпочитая вообще не говорить о капитализме. Как будто его нет, а есть бедные и богатые, более или менее снабженные господом (помните утверждение Лелотта, что неравенство от бога, что оно необходимо и не нам бога судить за то, сколько и кому дает он благ земных?), есть отдельные личности, бытие которых определяет и хранит в мире одно только католическое христианство...

Лелотт легко назвал неприемлемым мировоззрение гитлеровцев, благо они уже повержены, являются политическими покойниками и валить на них всё зло капитализму не вредно. А о том, что они порождение того же капитализма, — ни пол слова!

Попрекнул отец Лелотт и национализм, тем более что от него капиталистов-колонизаторов корчит и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке. Ведь он подрывает интересы «свободных человеческих личностей» — банкиров нефтяных компаний, бананово-ананасовых концернов и им подобных. Суэцкий канал национализировал; вокруг Панамского шумит. Нефтепромыслы, рудники, плантации какао, кофе, гевеи,¹ бананов народам своим в неотъемлемую собственность требует...

Капитализм отец иезуит обошел молчанием, а коммунизм постарался представить глубоко извращенно, чтобы по возможности оттолкнуть от него людей.

Коммунизм, вернее наука, на которой он базируется, действительно утверждает, что бессмертной второй сущ-

¹ Гевея — дерево, дающее каучук. Растет в сырых тропических лесах. Теперь есть и плантации гевеи.

ности — души — в человеке нет и что эта земная жизнь у нас — единственная.

Но коммунизм не говорит и о бессмертии человечества. Это было бы метафизикой. В мире нет вечных величин, кроме вечно изменяющейся в круговороте своего бытия материи. Мы верим в долгую жизнь человечества. Очень долгую! Но мы не обожествляем его до вечного существования. Никто не скажет, сколько разумных сообществ в мире было, есть и будет. Отрицая абсолютную вечность человечества, мы делаем это не из отчаяния или пессимизма, а для того, чтобы сосредоточить все внимание людей на них самих и их жизни — на единственной реальной ценности, которой они обладают. И потому, что мы об этом думаем, нас охватывает гнев, когда отдельные личности или целые классы эксплуататоров узурпируют эту общую ценность в пользу только своего узкого круга.

Счастье жить — счастье каждого, счастье всех. И нельзя допускать, чтобы его отнимали. В этом смысл нашей борьбы. Борясь за то, чтобы на земле счастье стало общим уделом и было осмыслено каждым, мы не отказываем человеку в радости его личного бытия. Мы не обожествляем общества до унижения составляющих его единиц. Общество мы мыслим как форму сосуществования единиц, помогающих (поскольку человек социален по своей природе) каждой личности раскрывать себя и свое в общем и для каждого. В этом смысле наше человечество не отвлеченный идол, которому приносят в жертву человека, а обобщенная радость, впитавшая радости многих.

Таково наше мировоззрение, наше соотношение частного (человека) и общего (человечества) в вопросе о месте личности в обществе, истории, человечестве. Люди живут не на затерянном острове, подобно Робинзону. Они живут среди людей. Это обстоятельство и налагает на них известные обязанности и дает им известные преимущества. С тем и с другим реально считается коммунизм. Раскройте Программу КПСС, принятую на XXII съезде партии, вчитайтесь в наш кодекс морали человека коммунистического общества, и вы увидите, какую напраслину попытался возвести на нас отец Лелотт.

Всё лучшее, что есть в «третьей силе», которую

рекламирует Лелотт, — уважение к человеческой личности, — входит в наш кодекс, в наши понятия и идеологию. Мы лишь отвергаем направленность этой личности из единственно реальной жизни в несуществующее, в ирреальность,¹ боремся за то, чтобы человека не лишили во имя «ценностей» выдуманных, «потусторонних» — его невозвратимого, подлинного, единожды бывающего богатства — возможность жить на земле под солнцем. Мы боремся за то, чтобы одни не жили за счет других. В этом наша великая правда. В этом неправда отца Лелотта.

И несмотря на то, что он пишет затем: «...уж двадцать веков церковь утверждает и возвышает ценность человеческой личности; двадцать веков она осуждает всякую идеологию, превращающую человека в средство для цели», — не мы, а единомышленники и соратники отца иезуита провозгласили лозунг «цель оправдывает средства», не мы, а они возводили сотни тысяч людей на костры.

И хотя отец Лелотт провозглашает, что «человек обязан всегда идти вперед», но это его друзья, церковники, а не мы, постарались остановить изумительные опыты итальянского ученого Петруччи. Это христиане явились вдохновителями «обезьяньего» процесса над учителем Скоббсом в США, преподававшим дарвинизм. Это сам отец Лелотт, после всех рассуждений о содействии церкви личности человеческой, пишет, что «гармония» в человеческом существе заключается в том, чтобы «воля была покорна богу», «земная жизнь была целиком направлена к достижению вечной жизни», то есть говорит о необходимости смиренного сгибания человека перед несуществующим богом и направления всех ценностей реального человеческого бытия в мир иллюзий и надуманности.

Ради этой самой надуманности Лелотт, приходивший в ярость оттого, что коммунизм зовет человека на борьбу за общие человеческие блага, сам требует от завлеченных церковью людей «приносить кое-какие жертвы», «быть готовыми на те жертвы», «даже стремиться к тем жертвам» и «жертвуя ценностями низшими» (то есть

¹ Ирреальность — не существующее в действительности (лат.).

единственной нашей земной жизнью. — А. О.), выбирать «высшие», уподобляясь «монаху, строго следующему уставу».

Запереть мир в монастыри — таково уважение к личности в понимании отца Лелотта!

После всего этого он еще рискует писать об уважении церкви к человеческому телу! Играет на том, что, мол, и Христос, как описывает Библия, принял на себя, будучи богом, нашу плоть, и не только не осудил ее, но и «искупил», «воскресил». И причастие-де, по понятиям церкви, есть «фактическое тело и кровь» самого бога, — люди приемлют их физически, телесными устами. И хоронят-то прах человека с почетом. И иконы и мощи — вещи вполне физические — церковь призывает людей ценить, хранить и почитать... Но ведь ставка при этом делается на душу, на души. Зачем же лгать! Тело-то только «оболочкой души», «тленной одеждой» ее почиталось...

От описания церковно-утилитарного, с позволения сказать, «уважения» к телу отец иезуит переходит теперь к вопросам действительно земным и телесным — к физкультуре. Впрочем, нам это понятно.

Видя популярность физкультуры среди молодых поколений, отцы церкви, забыв о том, как на протяжении веков церковь учила умерщвлять плоть, готовы и гимнастические союзы христианские организовывать, и на турниках в трусах вертеться в промежутке между двумя обеднями. Но не от хорошей жизни это внимание отцов духовных к физкультуре. Молодежь уходит из церквей на стадионы. Приходится идти за ней, чтобы не оторваться от питательной среды, от масс. «Не заботу о человеческом теле осуждает церковь, — пишет теперь Лелотт, — а забвение подчиненности низших ценностей высшим...»

Кстати, не очень это «облагодатствование» спорта помогает спортсменам. В октябре 1963 года телезрители многих городов СССР видели, как торопливо крестились перед футбольным матчем в Москве игроки сборной команды Италии и... проиграли.

Готовы и футбол вытерпеть, и бокс благословлять, только бы в ходе состязаний оставалось время для обеден, молебнов, земных поклонов перед Христом да богоугодицами.

Видно, серьезную тревогу вызывает у отца Лелотта и его единомышленников продолжающийся на Западе отход молодежи от религии, если они, извечные противники плоти, самой готикой¹ храмов своих звавшие к отрыву от «грешной» земли, трепетно ищут себе поклонников среди представителей человечества, устремленных к наиболее земному — к физкультуре.

Сколько же перемен, сколько подкраски под новый мир происходит у них! От капиталистов откестились. Христа, в сказочной биографии которого прежде подчеркивали, что он «царь из дома Давида», теперь под пролетария рядят. Да, да! Ведь Лелотт так и пишет теперь, что «сам Христос пожелал быть среди людей трудящихся, став плотником...»

И от умерщвления плоти отмахиваются...

Что ж, другими стали отцы иезуиты и их религия? Нет. Мaska другая на лицо надета, песни другие на устах звучат, а суть осталась всё та же...

Ведь вот Лелотт, вспомнивший о теле человеческом, говорит о тяготении человека к осмыслению жизни, о стремлении его к счастью и большим радостям, но в то же время зовет человека к страданиям, ставит муки, скорби, боли на положение главных составных частей всей человеческой жизни. Сам же Лелотт в другом месте своей книги утверждал «центральное значение проблемы страдания для всякого, кто стремится понять жизнь...» Мы, только мы, церковники, уверяет он, «одни смотрим на страдание открытыми глазами», «мы в состоянии разрешить проблему страдания...» Чем? Прекратив его? Что вы! Да ведь сам Христос «вернул людям благодать своим страданием».

Нет! Нет! Страданию в мире честь и место, убеждает Лелотт. И раз «бог призвал нас к сотрудничеству», то и «наши страдания сделал необходимым дополнением к страданиям Христа», «чтобы мы вместе с Христом стали соучастниками в деле искупления мира». А раз так, следовательно, «страдание уже не представляется абсолютным злом; оно в основном перестает даже быть наказанием (а было, значит, всё-таки таковым? — A. O.)»;

¹ Готика, готический стиль — архитектурный стиль. Получил начало в XII веке во Франции. Был основным стилем позднего средневековья в Западной Европе. Характеризуют его заостренность, устремленность ввысь.

оно становится участием избранных в деле спасения...» Оно «завершает дело спасения...». «Испытание страданием не закончено: страсти Христовы (в людях! — А. О.) должны продолжаться». «Это — тайна жизни».

Хочу рассказать о переживании, бывшем у меня, молодого священника, в связи с таким провозглашением необходимости, полезности и богоустановленности страданий в мире.

Меня позвали причастить умирающую. Прихожу. На пороге встречаю выходящего врача-эстонца, который, узнав во мне попа, бросил мне жестко и язвительно:

— Вот что, господин священник! Если вы порядочный человек, разъясните этой женщине, какая она дура, что слушала вам подобных...

В полном недоумении вхожу. Что я застал? Старуха умирающая, к которой меня позвали, жила с дочерью, зятем и внуком. Зять, мягко выражаясь, был подлецом. Пил, гулял. Избивал жену. Семья разваливалась. Мать смертельно боялась распада. Куда в условиях капиталистической действительности, при острой безработице, пойдет дочь с ребенком? Себя продавать? Так и тут конкуренции было предостаточно.

Мать молилась богу. Страстно, убежденно, надеясь только на него.

Ей посоветовали съездить в Псково-Печерский монастырь. Он тогда Эстонии принадлежал. К схимнику, отцу Симеону. За советом и для молитвы.

Приехала. Тот выслушал и изрек:

— Бог жертвенности от верных своих ожидает. Кто на себя добровольное страдание примет, тому он и благословение свое пошлет. Пострадайте ради Спасителя нашего за дочь... Вот он, милостивый, всё и уладит...

И научил...

Женщина была язвенница. На строгой диете должна была сидеть. А он ей повелел:

— Как у дочери начнутся новые скандалы и беды, а лучше и не ожидая их, — примите мёку, ешьте, что вам противопоказано. Ваша боль с молитвой до господа дойдет, его ответную милость вызовет. Помните, что слово божие говорит: Христос терпел и нам велел.

Велика была любовь материнская. И вот новая бесполезная мученица корчилась от болей, исходила

кровью, погибала от вызванных ею самою мук. Я застал ее за четыре часа до смерти... Молодой идеалист, убежденный отцами духовными, что нет в мире ничего выше и нравственнее «правды Христовой», я не выдержал тогда и спросил умирающую, содрогаясь от боли внутренней за ее муки:

— Да как же вы можете молиться богу, если считаете его таким жестоким? Если думаете, что он без мук человеческих и пальцем не двинет?

И навек запомнились мне полные слез и муки глаза страдалицы, когда она, взглянув на меня недоуменно, сказала тихо:

— А что было делать, батюшка, раз отец схимник мне так велел? Раз бог такой и другого нет.

У меня не повернулся язык сказать, что жертва ее была напрасной: муж ее дочери уже нашел другую женщину, которая была готова пить и гулять вместе с ним, у которой были деньги на это, и семья умирающей была обречена.

А отец Лелотт дает такой пример приложения к практической жизни своей теории о необходимости и богоустановленности, богоподражательности страданий:

«Нужно туберкулезному рабочему показать крест Христа; нужно объяснить ему замысел божий, согласно которому каждый должен всё, что у него есть, посвящать благу других; нужно ему сказать, что он, обреченный болезнью на неподвижность, призван Христом присовокупить к его страданиям свое страдальческое бездействие — для искупления других людей, — потому что дело спасения не закончено...

Постепенно он станет меньше жаловаться на свои страдания; он приучится владеть ими, как средством, так, как рабочий владеет своим инструментом. И может быть, настанет день, когда он их полюбит настолько, что перестанет просить у бога здоровья, чтобы до смерти оставаться спутником страдающего Христа».

Советские ученые осмелились вступить в борьбу с этим коварным противником, который уносил в могилу миллионы тружеников. Они победили туберкулез, теперь он не считается неизлечимым, и недалеко время, когда исчезнет совсем. А благовестники от христианства хотят вновь навязать миру, научившемуся смотреть на солнце, те страдания, от которых он освободился.

В том мире, в котором они живут, это в порядке вещей. Ведь и герою конголезского народа Патрису Лумумбе европейцы христиане руками наемников уготовали «радостное страдание» во «уподобление Христу» в «продолжение искупительного дела Христова».

Ведь и соратника Лумумбы — Гизенгу — лишили возможности служить народу своему и поместили в место этих «искупительных страданий».

И головы, отрубленные салазаровцами в Анголе, — это головы «блаженных продолжателей Христовых страданий»...

Когда в начале ноября 1962 года газеты писали о том, как в США несчастная мать, доведенная нуждой до отчаяния, пыталась броситься в воду вместе с детьми, то надо полагать, что это было только потому, что она не научилась еще радоваться «Христовыми страданиями»?

Как дорог «благовестникам» от иезуитизма этот мир страданий, слез, мук и горя, которые надо принимать с восторгом, но которые провозглашаются этими проповедниками, однако, не для себя (они-то предпочитают жить беспечально), а для других, не имеющих ничего, кроме печалей да «пастырского» на них благословения.

Хочу сказать и еще об одном серьезном преступлении отцов лелотов против людей, которое они протаскивают попутно, как выражение якобы высокой гуманности церкви.

Говоря о «высоком уважении» христианской религии к человеческому «физическому существу», Лелотт пишет, что церковь «всеми силами борется с ухищрениями, предупреждающими зачатие». Он считает это заслугой. А я считаю это фанатическим преступным ригоризмом.¹ И вот почему.

Довелось мне однажды прочитать такую историю.

В семье итальянского рабочего каждый год прибавлялось детей. Семья нищенствовала, бедствовала. Дети болели. Умирали. Старшие оставались без образования. С рабочим заговорили о делах семейных. И он сказал:

— Я бы мог употреблять предупредительные средства... Нет, мы с женой не против детей. Мы любим их. Но если бы мы ограничились двумя детьми, у нас

¹ Ригоризм — чрезмерно сухое, строгое отношение к чему-либо; непреклонный прямолинейный образ мыслей.

была бы возможность дать им некоторое образование, вывести в люди, дать им жизнь, а не прозябание... Но падре сказал нам, что это грех против Христа и Мадонны. Наложил епитимью за одни только греховные мысли... И вот мы плачем над судьбою наших детей, но ничего не смеем сделать... Падре говорит: бог пошлет плод, бог пошлет ему и судьбу. Но какие же он посыпает, прости меня господи, убогие судьбы!..

В ряде случаев эти запреты противозачаточных средств заведомо губят в беременности больных и слабых женщин. Запрет медицински необходимого аборта нередко является прямым убийством. Но... на всё-де воля божья.

Так кажущееся добро церковной идеологии превращается нередко в фактическое зло человеческого существования.

Глава 11

МИР ЧУВСТВ И ИСКУССТВО, ДРУЖБА, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО „ЗАМЫСЛУ БОЖИЮ“ И ЛЕЛОТТОВУ

А что дано Лелоттом человеку в области познания? О, он подтверждает объективную познаваемость человеком мира путем чувств. Но во имя познания не самого мира, а... бога в нем.

Это, говорит Лелотт, «дает возможность внутренне соприкоснуться с творцом красоты...», так как «видимые вещи церковь рассматривает прежде всего как вестников, намеками говорящих нам о невидимом и ведущих к Богу...»

Так закладывается психологический фундамент верующего человека-фанатика, который проходит по реальному миру с мечтой о мире «потустороннем». Живет в реальной жизни, а устремлен вовшенную ему нереальную. Ее-то и почитает за абсолютную правду. Для укрепления в этом обольщении человеку предлагается «церковная молитва», которая «движется через сотворенные вещи и вводит нас в общение с ними, чтобы тем вернее ввести нас в общение с Богом»... Вдумайтесь в эту беспредельную подмену реального мира мистикой, читатели. Здесь налицо подлинный самогипноз. Лелотт же старается уверить, что созерцание красоты мира

«в боже» — якобы вызывает взлет творческих сил человека и порождает искусство, художественное творчество.

Лелотт таким образом обращается к древней лжи, что религия создала искусства и продолжает быть их матерью и вдохновительницей.

Но ведь известно, что церковь веками была господствующей идеологией Западной Европы, доминирующим заказчиком и работодателем. Художникам в этих условиях не оставалось ничего иного, как продавать церковникам свои таланты и искать путей выражения обуревавших их чувств в рамках норм, тем и канонов, предписывавшихся им заказчиком. И вот Микеланджело создает гимн мужской мужественной красоте, но присваивает ему имя библейского персонажа — Давида.

Леонардо да Винчи и Рафаэль создают изумительную галерею современных им женских образов — девушек, матерей, — воплощение женственности, красоты лица, тела, грации и изящества. Но почти всем им, бесконечно разнообразным, как разнообразны женщины земли, при всем обилии чувств и переживаний, которые художники в них вкладывали — от нежности и созерцания до простодушной радости, женского мягкого лукавства и кокетливости, — всех их называли мадоннами-богородицами — именами женского божества христианства.

Дух человеческий бывает и ироничен. Искусство ищет и шаржевых выражений. Святых осмеивать нельзя... и вот создаются карикатуры — сатиры на чертей — химеры на стенах Собора Парижской Богоматери во Франции.

Порой гений дерзает поиграть и со святыми... И рождаются бытовые персонажи в статуях, иконах, говорящие о скрытых страстях и пороках, о чванстве, гордыне, зазнайстве, тупости, самодовольстве и чувственности. Возьмите любой курс «Истории искусства» — взгляните в его иллюстрации к эпохе раннего и позднего средневековья. Вы найдете там всё, дорогие читатели, о чем мы здесь говорили.¹

Не религией открывалась миру и художникам красота «творения божия», а наоборот, несмотря на нее, вопреки ее запретам и рамкам. Сколько картин было

¹ Любопытную книгу А. Варшавского «Крамольные полотна», посвященную этому вопросу, выпустил недавно Детгиз (М., 1963).

сожжено, сколько статуй разбито только потому, что они оказывались в противоречии с догматами или ханжеской моралью церковников! А урон, нанесенный церковью красоте, накопленной в произведениях искусства античности? А гонения на народное искусство? А объявление артистов блудниками и блудницами? А сожжения скоморохов, танцовщиц, петрушечников? Да разве перечислишь всё...»

Слава мастерам художественного творчества за то, что они даже в оковах канонов церкви, часто не сознавая тяжести этих оков и воображая себя добрыми христианами, воспевали красоту, творчески дерзали и создавали подлинные гимны изяществу форм и красоте реального окружающего нас мира, красоте людей.

Лелотт утверждает: «Церковный кульпур состоит из постоянных обращений к чувствам. Достаточно присмотреться к любому обряду...» Это правда! Церковь учитывает силу чувственного, эмоционального воздействия. Она хотела бы присвоить себе целые области искусства. Эксплуатирует их, строит на них свою власть над душами. Для своих мистических целей она пользуется при этом земными реальностями, приспособленными и переработанными для ее нужд.

Всегда было скорбно людям провожать человека в последний путь. От тризн древности, от наивного культа предков идут погребальные плачи, мемориальные песни-былины, восхваляющие дела, совершенные на земле усопшими нашими собратьями.

Церковь присвоила себе это «отдание памяти усопшим» и воплотила его земными же средствами то вокальной, то инструментальной музыки в панихидах, «чинах погребения», реквиемах.¹

Когда демократически настроенный композитор Верди, не написавший ни строчки церковной музыки, захотел почтить память своего друга, поэта и писателя А. Мандзони, автора «Обрученных»,² и создать рек-

¹ Реквием — заупокойное католическое богослужение или музыкальное произведение скорбного и геронко-трагического характера.

² Этот роман несколько лет назад был опубликован и у нас в русском переводе: Александро Мандзони. Обрученные (повесть из истории Милана XVII века).. М., Гослитиздат, 1955, стр. 550.

вием, «покровительница искусства» — церковь — встретила это решение ликованием. Но в творении Верди звучал пафос гуманности и большого человеческого чувства, а не пафос веры в бога, поэтому церковные власти запретили его исполнение в церквях после первого же раза.

Мы нарочно обратились к «Реквиему» Верди, так ярко живущему у нас в советском филармоническом исполнении, вдохновляющему и трогающему десятки тысяч людей, — чтобы показать глубокую двойственность отношения религии и церкви к искусству, которое она воровски использует и присваивает, но которого боится.

Впрочем, об этом проговаривается и сам Лелотт в параграфе, красноречиво озаглавленном им «Опасность чувств». Он заявляет, что чувства человеческие в конце концов только «орудия»... которыми церковь пользуется, добавим мы, для своих пропагандистских целей, поскольку это ей выгодно. А предоставленные «самим себе» (то есть находясь вне контроля церковников. — A. O.) те же чувства, по словам Лелотта, «оказываются ограниченными». Без искусственного внушения, без религиозного гипноза они сами не тянутся к богу.

По Лелотту, чувства, «если ими не руководить», просто «разбредаются в разные стороны и без разбору зазывают к себе разный сброд, который встречается им по дороге». Что хотел сказать этим отец иеромонах? Может быть, то, что искусство нередко служит не закрепощению человека «богом» и покровительствуемыми им сильными мира сего, а говорит о человеческом, земном, о желанном для людей здесь, в жизни? Например, вместо «свободы духовной» заговорит об освобождении крестьянских, как Тургенев в «Записках охотника». Или вдруг покажет, как религия коверкает и ломает самую жизнь человеческую, как это сделано в картине Мясоедова «Самосжигатели». ¹ Или опишет любовь не к Богородице, а к хорошей земной девушке Наташе Ростовой, как Л. Н. Толстой в «Войне и мире». Или, упаси боже, воплотит в мраморе таких гениев человечества (но огню не поклонников церкви), как Галилей,

¹ Картина художника Мясоедова «Самосжигатели» рисует эпизод из эпохи правления Петра I, когда увлекаемые своими наставниками староверы-раскольники в борьбе с официальным православием нередко сжигали себя и своих единомышленников.

Вольтер, Тимирязев, Сеченов, Маяковский. Или, как скульптор Аникушин, создаст в бронзе образ юного Пушкина. Или вместо великопостных поклонов устремится в пляс за танцорами Моисеева.

Поэтому, утверждает Лелотт, «необходимо следить за своими чувствами, контролировать их действия, по-рою отказывать им даже в законном удовлетворении...»; «Так объясняются правила предосторожности, которые Церковь устанавливает для своих членов». Отсюда и прямая «Опасность искусства», как озаглавлен следующий параграф Лелотта. Правда, он прикрывается при этом понятными всем соображениями нравственности или безнравственности. Но нам ли не знать, насколько растяжимы эти понятия. Мы знаем, что те же, кто сжигал философов и ученых, требовал от испанского художника Гойи одеть его строго-прекрасную «Маху обнаженную». ¹ Напомним, как замалевывались, «одевались», церковниками прекрасные фигуры на фреске «Страшный суд» гениального итальянского скульптора и художника Микеланджело в знаменитой Сикстинской капелле в Риме. Мы знаем, как венский архиепископ организовал в свое время настоящую травлю русского художника-баталиста ² В. В. Верещагина, когда тот устроил в Австрии выставку своих картин на библейские сюжеты, которые трактовал опираясь на историческую науку своего времени, без малейшего намека на глумление или издевательство.

Мы знаем, что, пытаясь подыграться под современные модернистские тенденции в искусстве буржуазного западного общества, церковники выставили в Ватиканском павильоне на Брюссельской всемирной выставке статую Христа из жести для консервных банок. Но они же осудили ряд чудесных неореалистических пьес и кинофильмов итальянских драматургов, сценаристов и режиссеров, хотя произведения эти подлинно гуманисти-

¹ Известная картина знаменитого испанского художника Франсиско де Гойя. Когда клерикалы потребовали «одеть» изображенную на картине нагую женщину, лежащую на ложе, Гойя написал вторую картину «Маха одетая». Клерикалы были удовлетворены. Между тем во второй картине куда больше чувственности, чем в первой. Так гениальный мастер посмеялся над ханжеской моралью.

² Художник-баталист — пишущий картины на военные темы.

ческие. Нет, дело не только в нравственности или безнравственности. Дело в том, что эмоции наши и рождающее ими искусство церковь принимает и поднимает на щит грубо утилитарно — постольку, поскольку это выгодно или по меньшей мере не опасно, не вредит ей самой и ее тенденциям, устремлениям, целям.

Одну из глав своей книги: «Церковь и человеческое сердце» — Лелотт посвящает рассмотрению «человеческих привязанностей».

Он высоко оценивает дружбу, но заявляет, что церковь «внесла в нее понятие души» и потому «дает возможность родственным душам сливаться в высшей дружбе: в дружбе Христа, оберегающего их от чрезмерно чувственных влечений и облегчающего им их восхождение к общему идеалу...»

Это прямая клевета на человека и человеческое. Да, мир знает ярчайшие примеры высокоидейной дружбы без всяких «чрезмерно чувственных увлечений», но и без всякого посредствующего выдуманного Христа.

Вспомним дружбу декабристов, пронесенную через казематы и каторгу. Вспомним дружбу Чернышевского и Добролюбова, Огарева и Герцена.

Вспомним, наконец, дружбу Маркса и Энгельса, — дружбу, от которой стал лучше и выиграл целый мир.

Прочтите, дорогие читатели, яркую книгу об этом Л. Вигдопа и Я. Сухотина «Дружба великая и трогательная» (Л., «Молодая гвардия», 1958), которая заканчивается словами В. И. Ленина:

«Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе».

В самые человеческие и человечнейшие из всех отношений в природе отец иезуит пытается внести яд неверия, подозрительности, настороженности:

«Всё в человеке может стать опасным, а сердце в особенности ...на церковь лег долг предостерегать нас от всякой ложной дружбы...»

О, конечно, иезуит и здесь прячется за мораль. Но не его ли собратья по духу разрушали дружбу отцов и детей, друзей, близких при малейшем признаке колебания у кого-нибудь из них религиозных взглядов?

Не им ли самим провозглашенная «нетерпимость» кром- сала человеческую дружбу «к вящей славе божией»? И мне, «апостату» — вероотступнику, это известно, может быть, более, чем многим другим. И у меня были друзья, которые, если они заглянут в глубь самих себя и поворошают свою память, не смогут отрицать, что не видели от меня ничего, кроме искреннейшей и честной дружбы, товарищеской взаимопомощи и разделения горя, что они зналли плечо друга в беде, помошь и духовную и материальную в трудный час. Где они сегодня? «Святая вера Христова» оплела в них и человеческое добро и человеческие дружественные связи. Я по-прежнему их люблю. И мне больно за них. Я ощущаю эти потери как боль. Но я знаю, она сидит и в них, моих бывших друзьях. Они обязаны ею вере во Христа, взглядали, внушенным людьми, подобными отцу Лелотту.

Затем Лелотт переходит к любви и объявляет, что «Церковь пропитана глубоким уважением ко всему, что касается любви...» Не потому ли Христос так пренебрегает земными чувствами и провозглашает: «Не любите мира, ни того, что в мире...»? Не потому ли апостол Павел ставит девство выше брака и пишет о любящих людях с нескрываемым презрением: «Я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о господнем, как угодить господу. А женатый заботится о мирском, как угодить жене» (Первое посл. к Коринф., гл. 7, ст. 32).

Не потому ли тысячи женщин оторваны от семьи, брака, радости взаимной любви и бесплодными смоковницами¹ прозябают в монастырях — так называемых «святых обителях».

Лелотт обращается непосредственно к женщине и заявляет, что до христианства женщина жила «в состоянии униженности юридически, морально и социально...» Но история доказывает, что патриархату² предшествовал матриархат. И это христианские монахи терзали обломками раковин, топтали ногами обнажен-

¹ Бесплодная смоковница — синоним бесплодия. По евангельской легенде, проголодавшийся Иисус не нашел плодов на дереве (инжире) и проклял его, после чего дерево засохло.

² Патриархат — форма родового общества, при которой основной общественной ячейкой является отцовский род; группа, связанная родством по мужской линии.

ное тело первой женщины-математика — Ипатии, выращенной и возвышенной нехристианским миром, дохристианской идеологией в Александрии.

Это «слово божие» командирски окликает женщину: «Неприлично жене говорить в церкви» (Первое посл. к Коринф., гл. 14, ст. 35), «а учить жене не позволяю» (1-е Тим., гл. 2, ст. 12), «жены, повинуйтесь своим мужьям» (Ефес., гл. 5, ст. 22), «жены ваши в церквях да молчат» (Первое посл. к Коринф., гл. 14, ст. 34).

Это у вас в знак вечного подчинения мужчине женщина должна носить на голове покрывало (Первое посл. к Коринф., гл. 11, ст. 10), мужчина не смеет приближаться к алтарю, если переспит со своей женою (бблейская книга Левит, Служебник православной церкви).

Иезуит пишет, что «христианская культура создала рыцарское отношение к женщине». Но не христианские ли рыцари, уходя драться за «гроб господень», в соответствии с проповедями своих отцов духовных, считали своих жен настолько неспособными к элементарной человеческой верности, настолько подлыми и низменными по своей природе, что «предохраняли» себя от участия «рогоносцев», заковывая, запирая их бедра и половые органы в стальные «поясастыдливости» и увозя с собою ключи от них.

В моей коллекции открыток есть снимки с этих экспонатов «христианского, рыцарского отношения к женщине», демонстрируемых во французских музеях. Я не публикую эти снимки в своей книге по моральным соображениям.

Говоря о браке, Лелотт заявляет, что «в древности брак походил более на торговую сделку». Не спорим. Ну, а требование церкви, чтобы дети повиновались воле родителей, соответственно своим вкусам подыскивающих детям «другую половину» с деньгами, или с титулом, или с протекцией и т. д., — это не сделка? Иеромонах Лелотт гордится, что «Христос превратил даже брак в таинство». Но словом «даже» он сам же показывает, как это противоестественно для духа церкви. Я напомню, что церкви потребовалось шесть веков, чтобы дойти до признания брака таинством. Не во имя людей, а чтобы наложить на семью лишние церковные оковы. Почему церковь считает недопустимым брак для католического духовенства? Ведь для него провозглашен обяза-

тельный целибат.¹ Выходит, для мирян еще допустим брак, а для тех, кто духовно повыше, — это уже скверна?

Трудное место для апологетики христианской — вопросы любви, семьи и брака! Но Лелотт упорно утверждает, что «эти проблемы могут быть разрешены правильно и безболезненно только одним путем: решение их дано богом и преподается церковью...». Затем он провозглашает богоустановленность парной семьи («два существа»). А ведь природа знает и ряд других форм брака — стадных (олени), полигамных (куры), половых связей, где женская особь только воспринимает от мужской семя, а затем мужскую особь убивают, изгояют (пчелы, многие пауки). Да и само человечество отнюдь не «богоданно» сразу, а через сотни тысячелетий развития пришло, да и то не везде, к такой парной форме семьи (на Тибете еще до сего дня встречается официальная полиандрия,² в Гвинее, как уже писалось, — групповые браки, в большинстве мусульманских стран — полигамия³ и т. д.).

Провозгласив одну неправду и забыв о науке (в который раз!), с которой прежде заигрывал, отец Лелотт провозглашает и вторую неправду, объявляя богоустановленность неравенства мужчины и женщины, хотя сам же недавно писал о «возвышении» христианством женщины из «былого унижения и бесправия».

«Судьба (мужчины. — А. О.) — действовать во внешнем мире», — утверждает Лелотт. Он «призван» «открывать и осваивать силы природы, строить, создавать, организовывать, трудиться, дабы обеспечить существование семьи. Поэтому и нрав его, естественно, более суров, как и черты его лица и его голос; он инстинктивно неуступчив и стоит за свои права».

Перейдя к женщинам, отец иеромонах говорит, что совсем «иное назначение дано создателем женщине: ее призвание — материнство. Она вся направлена во внутрь, к очагу, к колыбели ... у нее тонкие черты лица, ее голос нежен, ее движения деликатны; она привязана

¹ Целибат — безбрачие; обязательное безбрачие католического духовенства.

² Полиандрия — многомужество.

³ Полигамия — многоженство.

к мелочам и любит слабых». Она создана якобы для того, чтобы «уступать ...ей свойственно самоотречение. ...Она чувствует ...что сможет выполнить свою задачу, лишь связав свое существование с сильным существом, способным руководить ею. ...Это чувство неполноты создано в женщине опять-таки богом, и именно он дает ей возможность найти равновесие благодаря присутствию и любви мужчины...»

Чем не «Домострой»!¹ Но «Домострой»-то поп Сильвестр написал во времена Ивана Грозного, когда жили по принципу: «люби жену как душу, тряси ее как грушу», когда «суворому лицом мужу» жена после свадьбы вручала в руки плеть и снимала сапоги. Лелотт же пишет сегодня. Пишет советским людям, нашим женщинам — профессорам и академикам, врачам, инженерам, учителям, министрам и депутатам, создателям великих ценностей жизни, равноправным сотрудникам мужчин. Пишет в то время, когда советская женщина — Валентина Терешкова — поднялась в космос и пробыла там дольше, чем все шесть американских космонавтов, вместе взятые.

Впрочем, утверждение иезуита неверно и для прошлого. В первобытной человеческой орде тоже не было подчинения одного пола другому.

Мы не зачеркиваем физических особенностей женщин и мужчин, отличаем зачинателя от рождающей. Только в нашей стране женщина имеет пять месяцев предродового и послеродового декретного отпуска. Это у нас существуют особые льготы для кормящих матерей, создана огромная, не имеющая параллелей в мире, система детских учреждений, призванных помочь женщине-матери. Нет в нашем мире больше женщины, подчиненной «сильному полу», запрятанной в треугольник трех немецких бюргерских «К» — Kinder, Küche, Kirche

¹ «Домострой» — свод правил общественного, религиозного и семейно-бытового поведения XV—XVI вв. Был обработан и издан приближенным молодого Ивана IV священником Сильвестром. Для своего времени отражал взгляды феодальной верхушки городского общества XV—XVI вв. Впоследствии его идеи играли всё более реакционную роль, так что самое слово «домострой» стало нарицательным обозначением консервативного и грубого бытового уклада вообще (БСЭ, т. 15).

(дети, кухня, церковь)¹ — и лишенной, помимо этого, всех прав. В мире же отцов лелотов — скажем, в Австралии, — парламенты еще до сего дня проваливают законопроекты о равной оплате мужского и женского труда. Мы вспоминаем о подобном как о давнем темном прошлом, а Лелотт к нам с «домостроем» идет, с «богоданной» неполноценностью женщины...

Иезуит между тем распространяет это «неравенство» и на воспитание с детства до брачного возраста («это расхождение между мальчиками и девочками угодно богу: и те и другие должны идти своей дорогой, развивая свои особые свойства»).

Далее он обращается к браку. Здесь, однако, Лелотту приходится кое с чем примириться. Лет пятьдесят—шестьдесят назад орден метал громы против гражданской регистрации браков. Теперь церковь безнадежно потеряла свои позиции в этой области, и Лелотт, делая веселое лицо при плохой игре, пишет, что ныне «церковь рассматривает регистрацию брака гражданскими властями как необходимую формальность». Правда, он считает, что «эта формальность должна была бы совершаться после церковного брака: но, в миролюбивых целях (смотрите, как присмирили иезуиты. — A. O.), церковь допускает (лучше бы сказать — не может не допустить. — A. O.) в некоторых странах предварительную регистрацию брака...»

Пришлось отступить от требования обязательного прежде для всех «тайства брака». Католическая церковь признаёт теперь действительность гражданского брака для «некрещеных», но за крещеных она и сегодня готова драться смертным боем. Об одном таком бое мы уже писали выше. Для крещеного в младенчестве, даже если он потом всю жизнь был активным атеистом, гражданский брак признаётся «блудным сожительством».

Правда, православным церковникам пришлось признать любой гражданский брак, но они от позиций Лелотта далеко не отошли. Будучи в своей среде, право-

¹ Немецкое понятие «бюргерство» соответствует русскому термину «мелкобуржуазный», иногда «мешанский». Тезис о «трех K» в конце прошлого века широко рекламировался в кайзеровской милитаристской Германской империи.

славные церковники рассуждают и сегодня так же, как отец иезуит. Автору этой книги, в бытность его профессором Ленинградской духовной академии и семинарии, приходилось слышать при обсуждениях анкет вновь поступавших или при решении вопроса о рукоположении семинаристов в первый «священный сан» — диакона, следующие рассуждения:

— Но позвольте! Он в браке-то, оказывается, только гражданском, невенчанном. А для церкви, как там ни вынуждают нас обстоятельства говорить о регистрации, это в конце концов всё-таки не брак, а безблагословенное сожительство, которое немногим лучше разврата и для будущего пастыря абсолютно недопустимо...

Бывало и иное.

В семинарию поступал человек, благочестивый, богомольный до приторности. С отличными священническими и архиерейскими рекомендациями и характеристиками. Певун, с голосом, уже читавший и певший по церквам, прислуживавший архиереям...

И выяснялось, что он был в зарегистрированном браке и разведен. Бросил жену и ребенка. Живет во втором зарегистрированном, но и венчанном уже браке. Второбрачных же по канонам не рукополагают. Начинались рассуждения:

— А почему он, собственно, второбрачный? Ведь венчан-то он единожды. А до этого был не брак, а впадение в блудное сожительство. Ребенка, говорите, прижил? С кем греха не бывает. Согрешил — покаялся. Омыл грех чистосердечной молитвой и исповедью. А ныне живет в браке, благоблагословенном, венчанном. Как первобрачный. Достоин быть принятым.

Да, бывало и такое.

Отстаивает Лелотт и «нерасторжимость брака», хотя вся литература полна примерами драм, связанных с этим ригористическим законом. Из-за него — травмы, насилия, медленные умирания. Но что до этого отцам иезуитам! Ведь, по их идеологии, «Христос терпел и нам велел» и любая драма — это только «соучастие в искупительных страданиях Христовых». Здесь дело касается «догмата», и Лелотт, забыв все свои рассуждения о «человеческой личности», предпочитает насиливать ее и заявляет: «...в целях общественного благополучия брак должен быть нерасторжим...»

Ненавистные отцу иезуиту коммунисты и безбожники, оказывается, больше думают о «ценности человеческой личности». В нашем обществе не заставляют людей, в семьях которых создались невыносимые условия, продолжать сохранять семью во что бы то ни стало «во имя общественных интересов». У нас идет упорная борьба против легкомысленных связей и необдуманных браков. Мы стоим за крепкую семью, объединенную глубоким чувством и общностью целей, идей, дум и чувств. Трезво учитывается сложность связей в такой ячейке общества, как семья, невозможность воздействия на нее только предписаниями, указами, регламентом.

Лелотт же пишет с нетерпимостью фанатика: «...несчастные браки должны вызывать в нас жалость лишь когда супруги невинны. Во всех других случаях они расплачиваются за свои ошибки...» Только бездействие, по утверждению Лелотта, освобождает супругов от вины в случае развода. Всё остальное — ошибки... Вот-де, и расплачивайтесь за них... Но — ошибаться человеку свойственно. Еще в древности это знали. Где же человечность отца Лелотта? Всё съел фанатизм... Не он ли декларировал «единственную ценность человеческой личности»? Что же остается-то у него от нее? Пшик?

Глава 12

РАЗУМ И ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПО „ЗАМЫСЛУ БОЖИЮ“ И ЛЕЛОТТОВУ

Свой разговор о месте разума Лелотт начинает с утверждения, что большинство современных философских течений Запада проповедует откровенный агностицизм¹ и только христианство «отстаивает способность человеческого разума познавать действительность», — правда, лишь в пределах «истин естественного порядка», в той мере, в какой «они не касаются морального поведения людей». Делая эту оговорку, отцы иезуиты очень своеобразно толкуют «моральное поведение лю-

¹ Агностицизм — идеалистическое философское учение, считающее мир частично или полностью непознаваемым.

дей». Ведь, по их учению, нет морали вне бога, поэтому всё, что опровергает бытие бога, ангелов, чертей, души, — аморально. И это и есть «рамки» «свободы научного исследования».

Вот что говорил папа Пий XII в речи к ученым Ватиканской академии наук 22 ноября 1951 года:

«Верующие не могут принять учение, приверженцы которого утверждают, что на земле существовали после Адама люди, не являющиеся прямыми потомками Адама как первого отца, или подразумевают под Адамом всю совокупность первых отцов».

Вот и зачеркнуты геология, антропология, история, учение Дарвина.

Далее Пий XII сказал: «Творение во времени; а поэтому и творец; и, следовательно, бог! Вот те слова... которых мы требуем от науки и которых наше поколение ожидает от нее»... Понимаете, чего стоит это властное «требуем»?

Значит, и по сей день состоит на вооружении церкви знаменитый тезис средневековья, что «философия (то есть все науки по тем временам. — A. O.) — прислужница богословия»!

«Церковь со своей стороны признаёт только истину», — пишет Лелотт. Но что это за «истина»? На веру принимаемые бог и догматы его церкви? При чем здесь разум, если они — умозрительные построения, возведенные на песке суеверий?

Между тем Лелотт указывает далее на такие «права» церкви в отношении этих «истин», что они настороживают. Он пишет, что церковь «милосердна, когда дело идет об ошибках поведения, но она непримирима, когда нужно отстаивать истину». Далее начинаются рассуждения о «вечной награде», которая якобы «обещана человеку» и состоит в созерцании разумом «всех истин, открытых нам Христом».

«Непримиримость» в приложении к церкви — это вековое знамя и лозунг фанатизма. Это оправдание насилия и гнета во имя внедрения и поддержания церковной идеологии.

Нелепо, когда церковь «непримиримо» отстаивает свои, с позволения сказать, «истины» о боже и черте, «том свете» и преисподней, древней магии и колдовстве, когда она манит завороженный разум обещанием несу-

иществующей «награды» и уводит его в беспочвенное созерцание придуманных ею «откровений» того, кого нет, о том, чего не было и не будет.

«Истина сделает вас свободными», — провозглашает Лелотт евангельские слова. «Свободными» не от земных ли подлинных наших свобод? Не так ли, как «освобождал» венгров кардинал Миндсенти? Не так ли, как «христианнейший» канцлер Аденауэр «освободил» от всех гражданских прав компартию в ФРГ? Ведь и монахи в монастырях, растрачивающие жизнь на пустые упражнения в «душеспасении» ради рая сказочного и мифического, воображают, что их «истина» освободила от «тленных прелестей мира сего», а сами обворованы ею до предела. Жизни — величайшей ценности человеческой — лишены.

Лелотт же переходит далее к восхвалению того, «что Церковь сделала для науки»:

«До XV века Церковь одна занималась воспитанием масс...» Но это не заслуга. Ведь церковь просто никого не допускала к этому. Душила под видом «ересей» все иные попытки воспитания.

«В одной Франции перед революцией 1789 года насчитывалось 25 000 бесплатных начальных церковных школ и 900 колледжей...» Да! И учили в них отупляющей вере в бога, чертей и дьявола. И глушили нарождавшуюся французскую прогрессивную мысль.

«Вспомним многочисленные библиотеки, в которых Церковь ценою тяжелых усилий собрала сокровища человеческой мысли...»

А книги, которые церковь сжигала, вы вспоминаете, отец Лелотт?

«Когда появилось книгопечатание, Церковь не колеблясь приняла это изобретение», — пишете вы. Да. Чтобы напечатать, например, «Театрум диаболорум»,¹ то есть «обозрение» всех возможных дьяволов. Эта книга, не тоньше Библии, стоит на полке в отделе Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, в которой я работаю.

¹ «Театрум диаболорум», то есть «Обозрение диаволов — или весьма полезная книга ...из которой каждый христианин ...внимательно ее читающий ...узнает о кознях диавольских...». Франкфурт-на Майне, 1562 г. Печатанием таких шедевров «богословской науки» загружали церковники первые типографии.

И индульгенции,¹ и «таксы на грехи»² печатала церковь, осквернив ими изобретение Гутенберга, и индексы запрещенных книг, теми же буквами Гутенберга набранных.

Отец иезуит пишет, что «и на деле Церковь насчитывает многих своих сынов среди светских ученых, тем самым доказывающих, что религиозная вера — не препятствие для научной работы». Он перечисляет ряд имен ученых-католиков. Мы не можем судить, насколько добросовестен приведенный перечень, тем более, что он ничего не доказывает, но туда оказался вставленным и «польский каноник Коперник». А ведь известно, что он жил под постоянным недоверчиво-пристальным надзором отцов инквизиторов и жизнь его была непрерывной борьбой против оков церкви, мешавшей его научной работе.

В этом списке оказались и болландисты³ — «исследователи» «житий святых», и аббат Минь (Migne), занимавшийся изданием трудов «святых отцов». Зачем же к светской науке припугивать «науки» так называемого богословия? Зачисленными в науку оказались и бесчисленные миссионеры, «выпустившие несметное мно-

¹ Индульгенции (от лат. *indulgentia* — снисходительность, послабление) — грамоты, выдававшиеся (и выдаваемые поныне паломникам, посещающим Рим) католической церковью от имени папы об отпущении грехов не только прошлых, но и будущих. Торговля индульгенциями являлась в средние века источником обогащения католического духовенства и церкви. Борьба против торговли индульгенциями была одним из поводов к появлению протестантизма, реформации.

² «Таксы священного апостольского пенитенциария (покаянника)» были созданы римскими папами XIV—XV вв. Таксы переводили на деньги все самые гнусные преступления, были своего рода «каталогом преступлений», позволявшим откупаться от ответственности даже за отце- или матеребуйство.

³ Болландисты — римско-католические писатели, главным образом иезуиты, собравшие и издавшие описания «житий» всех «святых» христианской церкви. Название свое это «ученое» общество получило от первого и главного работника — Иоанна Болланда. К 1773 г. вышло уже 49 томов «труда» этого общества, заседавшего в Антверпене (Голландия). С временным закрытием ордена иезуитов и этот их филиал попал в «тесные обстоятельства». Болландисты эмигрировали из протестантской Голландии в католическую Бельгию. К 1875 г. их издание «житий» насчитывало уже 65 томов. Болландисты в своих «критических», как это шумно рекламировалось «трудах», никогда не посягали на «авторитет церкви» и всегда к нему приспосабливались.

жество научных исследований», но и породившие, скажем мы, несметное количество фальсификаций предыстории человечества, истории религий и т. д. Они уничтожили (как, скажем, это было на острове Пасхи) множество ценнейших для науки памятников материальной культуры и древних документов письменности, вмешивались в жизнь туземцев и коверкали ее.

Нам легче судить о перечне отца Лелотта, когда он переходит к русским именам. Он называет забытого уже на родине реакционного философа Владимира Соловьевса, эмигрантских философов-мистиков и говорит, что «самыми лучшими русскими философами, имеющими значение вне своей страны, оказываются только те, которые связаны с религиозным ...подходом к теме...»

А Ленин? Или такого философа не было? А ведь, по данным ЮНЕСКО (Курьер ЮНЕСКО, 1959, № 5), «Список наиболее популярных авторов мира, чьи книги переводились более всего, возглавляет В. И. Ленин — 278 переводов (из них 93 за пределами СССР)». Неувязочка получается, отец Лелотт! Не мы, а мировая статистика вас опровергает. Не эмигрантскими «светилами» от мракобесия — Трубецким и Франком, а ленинскими работами зачитываются миллионы и миллионы в мире.

Лелотт гордится. Чего-де церковники не делают для просвещения: «Одни только иезуиты руководят 31 университетом, 8 обсерваториями и 152 научными изданиями». Вот и печатаются ими такие «опусы», как рассматриваемая нами ныне книжка. Страшно за мысль человеческую, руководимую людьми в сутанах.

«Может ли возникнуть конфликт между подлинной наукой и подлинной верой?» — спрашивает один из таких людей в сутанах — отец Лелотт — и отвечает: «Нет». Далее приводит «доказательство»: «...вера передает истины, открытые богом непосредственно. А противоречий в боже не может быть». Но существование бога доказать отцу Лелотту не удалось, а вся наука вслед за Лапласом просто не находит ему места в бытии мира. Значит, «истины» только якобы открытые. Дутые. Ложь. А лжи с наукой не по пути.

Оговорка «истинная наука» — очень удобная штука для отцов иезуитов. Всё просто: то, что противоречит ей, — «неистинная наука».

Или вторая оговорка: «истинная вера». Значит, там-

Лелотты зовут людей от земли к небу. Но земля в лице своих космонавтов без их помощи поднялась на небо. И не встретила там мира, который испокон веков живописала религия. Пришлось церковникам переселить несуществующего творца в несуществующий „умонепостигаемый“ „духовный мир веры“.

де, где были конфликты, где науку гнали, кромсали, насиливали, — были неистинные носители неистинной веры.

Одно забывает отец Лелотт. Вся мрачная история конфликта науки и религии заполнена той же «Церковью Христовой», объявленной им «носительницей истины, открытой богом на земле». И всегда она считала себя «истинной верой» и всегда конфликтовала с наукой, объявляя ее неистинной. А достижения науки, которые одно за другим провозглашались «неистинными», — являются фундаментом всей нашей современной культуры.

Отец иеромонах пишет о «кажущихся конфликтах». Они в такой же мере «кажущиеся», в какой мере бог его «реален».

Покадив разуму и науке, Лелотт торопливо покидает опасные для него области соприкосновения с миром реальности и в конце своего раздела о человеке «Цельная личность» пишет:

«И всё же, как бы ни было глубоко уважение Церкви к человеческой природе, она нам повторяет без устали, что лишь одно необходимо: включить нашу жизнь в жизнь Христа, установить между ним и нами тесную общность мысли и действия».

Ни высокий ум, ни живость и утонченность чувств, ни «самое любящее сердце» «не стбит (по словам отца иезуита. — A. O.) души, живущей в общении с богом». Более того, «без благодати мы можем метаться сколько угодно: наши усилия остаются бесплодными».

Вот и всё, что осталось от «самого живого ума», «самых утонченных чувств», всей науки, перед которой он только что распинался. Весь мир, вся реальность жизни остаются только «как оправа внутренней жизни».

Что же вкладывается отцом иезуитом в эту «оправу?»

Во-первых, — «сознание в себе присутствия божия», то есть постоянное самовнушение, самогипнотизирование на мысли, что бог возле тебя, в тебе, что он руководит тобою — ничтожным и малым человечком, что без него ты только тля, бессильное и ни к чему не пригодное существо. Такое мистическое самонастраивание постепенно въедается в психику и делает человека фанатиком и врагом всего естественного, человеческого и в себе самом и в людях.

Во-вторых, — «жизнь не от мира сего и в то же самое время в этом мире», то есть подмена истинного ложным, когда выдуманный «мир духовный», начинает считаться дороже мира реального, его ценностей, задач и дел, когда, живя в этом мире, человек всё свое внимание сосредоточивает на иллюзорном будущем «бытии» в «царстве небесном» и, готовясь к нему, предает жизнь, пороча, как грех, все ее красоты, привязанности, радости.

В-третьих, — «литургия, как очаг внутренней жизни», то есть хождение в церкви к театрализованным представлениям обеден и всенощных, вечерен, утрень и других служб. Потери времени на молитвы несуществующему богу, бого诞ице, ангелам и давно истлевшим в земле покойникам, объявленным церковью «святыми». Внушение себе, что эта трата времени на кресты и поклоны, молитвы и богослужение и есть самая полезная, самая достойная деятельность человека, подготовляющая его среди «грешного и времененного» этого мира к блаженной «вечной будущей жизни в царстве небесном».

В-четвертых, постоянное внушение себе, что «вне церкви нет спасения», то есть опять-таки настраивание себя на мысль, что только работа на церковь и отдача ей и ее учению, обрядам, таинствам всего себя могут дать нам настоящее счастье.

В-пятых, «покорение богу», то есть вдалбливание себе, своей воле, уму, сердцу, что для тебя, свободного члена большой человеческой семьи, высшая «свобода» и «счастье» состоят в добровольной отдаче себя в рабство несуществующему богу и его вполне реально существующим священнослужителям.

В-шестых, «дух активного послушания», то есть постоянная готовность в качестве добровольного раба церкви выполнять беспрекословно и не рассуждая ее приказания, быть ее послушным живым орудием.

В-седьмых, «апостольство», то есть постоянная готовность помогать пастырям церкви затуманивать и порабощать сознание и волю других людей, так же как пастыри уже поработили и сделали послушным исполнителем их воли самого верующего.

И, наконец, участие «во вселенском, то есть всеобъемлющем деле» через организации «католического

действия». А что это такое? О, тут подразумевается «определенная форма деятельности», которую-де вызывают следующие обстоятельства: «...антихристианский дух медленно разлагает общественное здание, упорным усилием Церкви воздвигнутое на христианских основах. Философский и политический либерализм, равнодушие, чаще всего скрывающее враждебность, отделение Церкви от государства и иные события поколебали христианский мир. По всему миру распространилась волна материализма, и ничто не ускользает от ее тлетворного действия — ни личность, ни семья, ни общество».

Итак, отцом иезуитом намечаются как бы фронты борьбы: против отделения церкви от государства, то есть борьба за возрождение активного клерикализма, государства поповщины в политике, образовании, социальной жизни и культуре; против политического либерализма, то есть борьба за торжество «твердых рук» христианнейших диктаторов, слежки Федерального бюро расследования в США, жандармерии салазаровцев... и т. д. и т. п.; против разложения мира, основанного на христианских основах. Стойт почитать газеты ФРГ, Франции и другие, чтобы понять, что под этим разумеется мир ожесточенной конкуренции и борьбы капиталистических монополий, остатки колониализма, военные союзы и блоки НАТО, СЕАТО и «иже с нами».

Ради всего этого объявляется форменная тотальная мобилизация.

Духовенства для такой борьбы, конечно, недостаточно, да, кроме того, по словам Лелотта, «определенные общественные круги оказываются закрытыми для прямого воздействия священника». Приходится призывать в ряды «воинства Христова» мирян, поскольку они, «находясь на грани двух миров — сверхъестественного и материального», могут сделать многое больше, но при условии единого, исключительного командования клерикалов. Мирянам напоминается, что «в этой апостольской деятельности» они «должны оставаться в непосредственной зависимости от церковных властей».

При этом, заметьте, слова о «мобилизации» — это не наше изобретение, и даже не ирония.

«Таким образом, — говорит Лелотт, — „Католическое действие“, каким оно было задумано папою Пием XI, представляет собою мобилизацию всех мирян, обладаю-

щих доброю волею, которые сами организуются в одно единственное объединение и полностью и безоговорочно ставят себя в зависимость от своих епархиальных церковных властей, чтобы помочь им в деле проникновения божественного в человеческую жизнь». Мирянин должен помнить, что «недостаточно быть записанным в церковной ведомости при крещении». Он обязан быть «воином (Христа. — А. О.) или, если можно так выразиться, его „активистом”».

Вот вам и новый «крестовый поход» на человечество по замыслу отцов иезуитов. Во имя, с позволения сказать, «истин», о которых мы уже говорили выше. Против принципов, близких каждому, кому дорого быть Человеком с большой буквы.

Этот мобилизационный план Лелотт пытается приложить к социальным проблемам современности.

По его словам, церковь имеет большие заслуги в борьбе за то, чтобы сохранить в мире «основные принципы ценности личности, справедливости, соответствующего самой природе вещей плюрализма¹ экономических форм и т. д.». При этом незаметно протаскивается мысль о том, что сам бог велел миру жить в условиях разных экономических и социальных форм, им же самим раз и навсегда установленных. Это новый вариант учения о вечности темного мира капитализма. Далее он пишет, что «этими принципами всегда и везде будут вдохновляться любые правильные решения, хотя практически эти решения по необходимости будут выглядеть весьма различно». Он тут же прибегает и к фальсификации, стараясь показать, будто бы между капиталистической системой Запада и социалистической Востока нет по существу разницы и только-де церковь является подлинной печальницей каждого трудящегося человека на земле.

Церковь, по его словам, была всегда за трудящихся. Об этом-де писали и «святые отцы». Правда, честное изучение «творений» «святых отцов» показывает их по-головно сторонниками рабовладельческого строя, а для более поздних из них — феодализма под клерикальным контролем. Но, сославшись на «святых отцов», Лелотт не утруждает себя доказательствами, уверенный, что

¹ Плюрализм — множественность.

минимум 999 из 1000 его читателей этих «отцов» не читали и проверить его утверждения будут не в состоянии.

Себя и свою церковь Лелотт объявляет стоящими на позициях «участия рабочих в предприятии» на основах так называемого «солидаризма», ссылаясь при этом на работы по политэкономии богослова эмигранта протоиерея Сергея Булгакова, буржуазного философа Н. Бердяева и «солидаристов» В. Тотемянца, С. Утехина, С. Левицкого, Л. Визе и П. Сорокина.

Всё, что он изрекает, далеко не ново и отражает сегодняшний день капитализма. Видя катастрофическое падение авторитета капиталистической системы в мас- сах, идеологи капитализма пытаются замаскировать осточертевшее людям чудовище. Они проповедуют, например, «народный капитализм». Это система, когда рабочим дается возможность приобрести одну-две мелкие акции. Возможности оказывать какое-либо воздействие на капиталистические предприятия, руководимые их подлинными владельцами — держателями «контрольных пакетов» и подавляющего числа акций, такие рабочие, разумеется, не получают. И в то же самое время они, по мысли хозяев его, должны понимать, что являются совместно с капиталистами эксплуататорами своего труда, а потому им не на кого и обижаться.

Церковь, всегда покровительствовавшая имущим и усыплявшая муки неимущих надеждами на потустороннее возмездие и правосудие, быстро разглядела родственную ей «утешительскую» сторону «народного капитализма». ¹ Поэтому она ухватилась за него, как за средство, дающее ей возможность и в наши дни лавировать между бедными и богатыми, кормиться возле одних, прикармливая, но не выводя из нищеты, других.

В отношении злобных рассуждений о том, что между системами капитализма и социализма нет, мол, принципиальной разницы, можно было бы сослаться на такой пример. В газете «Известия» от 16 ноября 1962 года была напечатана заметка о том, как принц Гогенлоэ, ² капиталист и аристократ, в нищей Испании, где боль-

¹ См., например, книгу: Л. Н. Великович. Церковь и «народный капитализм». М., изд-во АН СССР, 1962.

² Гогенлоэ — одна из королевских и княжеских фамилий старой императорской Германии; потомки древних германских феодальных владетельных князей.

шой процент детей вовсе лишен возможностей получить образование, построил персональную школу для своих детей, со всеми мыслимыми удобствами и техническими усовершенствованиями. Это капитализм!

В нашей стране ежегодно вводятся в строй десятки и сотни совершеннейших школьных и институтских зданий, двери которых открыты каждому советскому ребенку и юноше. Я живу в Ленинграде между Черной речкой и станцией Ланской, в районе новостроек, и за два с половиной года в нашем районе рядом с имеющейся уже средней школой выросло два крупных школьных здания, пятиэтажное общежитие Библиотечного института и многое другое. Это отец Лелотт называет «той же картиной», что и у них!

В «Известиях» от 15 ноября 1962 года я прочитал следующую заметку:

«ВОТ ТЕБЕ И „СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ”

«Родильный дом» для собак?! Существуют ли такие? Если верить английскому буржуазному журналу «Тудей», то существуют. Захлебываясь от восторга, журнал преподносит своим читателям очередную «сенсацию»: некий Фрэнк Кумб открыл в Годстоне (графство Суррей) такое заведение. В нем, как говорится, всё поставлено на широкую ногу, всё сделано по последнему слову техники. Здесь и приемный покой, и сиделка, и специальная диета для... матери. Новорожденных подвергают различным лечебным процедурам, включая облучение инфракрасными лучами. «Ожидающая мать» принимается в заведение Кумба за неделю до родов, а щенки остаются в нем до тех пор, пока им не исполнится шесть недель.

Итак, начало положено. С экспериментом Кумба открылась новая эра в жизни собачьего племени, — эра его приобщения к человеческой цивилизации. Отныне никто в Англии не вправе будет отождествлять свое существование с „собачьей жизнью”».

«А в каких условиях приходится рожать английским женщинам?» — спросит читатель. Журнал «Тудей» умалчивает об этом. Между тем немало простых англи-

чанок, готовящихся стать матерями, могли бы позавидовать «пациенткам» заведения Кумба. Как видно из недавно опубликованного доклада научно-исследовательской организации, занимающейся вопросами деторождения, 36 процентов английских женщин вынуждены рожать дома из-за недостатка мест в родильных домах.

Это капитализм. Это частная собственность. У нас родильных домов для собак нет. Наши собаки щенятся там, где им положено природой. И не жалуются на это. Мы тоже очень любим четвероногих друзей человечества; а в парке Всесоюзного института экспериментальной медицины на Кировском проспекте Ленинграда и в Колтушах поставлены даже памятники собаке — помощнику наших ученых медиков. Всеобщую славу и любовь стяжали наши собаки-космонавты Белка, Стрелка и другие. Пожелание поставить памятник первой собаке-космонавтке — «Лайке» высказал Ю. А. Гагарин.

Но в Советской стране не найдешь и женщины, которой пришлось бы рожать на улице и пользоваться где-нибудь в подворотне услугами специально проходящих для этого краткосрочные курсы полисменов (какая трогательная забота о трудахящихся, не правда ли, отец Лелотт?), как это имеет место за рубежом. У нас везде родильные дома. Построено множество гинекологических отделений при больницах. Всюду и везде в них абсолютно безвозмездная помощь.

Это вы тоже называете «той же картиной», отец Лелотт?

Я не подыскивал специальных примеров, а взял их из двух номеров газет за два дня, в течение которых писались приведенные выше строки.

Чем же всё-таки так велики и прекрасны «плодотворные усилия» отцов лелоттов? Они, видите ли, «практически» утверждают, что «только человеческая личность имеет на земле абсолютную ценность: она одна имеет вечное предназначение» и «всё, что есть на земле, — для человека». Даже сама церковь, сам бог — Христос. Таково, говорит Лелотт, учение христианской религии.

Да, таков показной фасад церкви, обращенный к людям. Всё для потребителя... Но так ли это на самом деле?

Вот на странице 51-й своей книги Лелотт приводит слова «блаженного» Августина: «Ты создал меня для себя, господи...», на стр. 53-й — слова одного из богословов о том, что люди находятся в «полной зависимости от творца...»; на стр. 62-й устами Паскаля автор осаживает эту «человеческую личность», представляющую собой «абсолютную ценность»: «Замолчи, глупый разум, слушай бога»... На странице 65-й присовокупляются не менее «одергивающие» слова русского буржуазно-реакционного философа С. Н. Трубецкого: «... тот кто не хочет внимать шепоту вечности, будет вынужден внимать ее громам...» На странице же 74-й декларативно подчеркивается фраза: «Бог творил по определенному плану; человек с этим планом не считается; отсюда — драма».

Что же получается? Бог и всё вообще — для этой «человеческой личности» или «личность», одергиваемая, «подвергаемая (экспериментальным. — А. О.) испытаниям», — для божьего «плана»? Ведь на страницах 74-й и 75-й Лелотт много раз говорит: «бог предрешил», «бог в вечности видит на первом плане своего дела то, что составляет центр его дела и предмет его единственной воли», «мир, в котором бог ... осуществляет свой план». «Таким образом, перед богом в центре мира ... есть только Христос ... возносящийся над землею как царь, простирающий руки, чтобы охватить весь мир и привести его обратно к богу». «Всё остальное — будь то ... каждый из нас...» — бог видит «только через Христа».

Что же, Христос для людей или люди для Христа?.. А Христос-то — для бога! И «абсолютная личность» в ее «вечном предназначении» в конце концов только объект игры в бирюльки томящегося от одиночества и бессмыслицности своего существования бога. Сам сотворил, сам создал условия для отпадения, и сам теперь спасает. Так дети делают бумажные кораблики, чтобы, спустив их на воду, бомбардировать камнями, топить, а затем «спасать» из воды их останки. Ну, детям-то прощительно. Их возраст такой — играть. А богу в детство впадать как будто бы и не к лицу. Что же остается от абсолютной ценности Лелотовой «человеческой личности»?

ЛЕЛОТТ ЗАНИМАЕТСЯ ПОЛИТИКОЙ

«Разобравшись» с человеческой личностью, отец иезуит переходит к вопросу о государстве:

«В основном смысле слова государство есть общество, образуемое большим числом личностей, проживающих на определенной территории и объединяющих свои усилия, дабы обеспечить — повинуясь единому руководству и единому закону — наибольшее благосостояние всех своих членов... В более узком смысле слова государством называют ...только правящий слой общества».

В этом объективном, казалось бы, определении сущности государства Лелотт протаскивает, как само собой разумеющееся, естественное, необходимое начало в государстве, его классовую сущность. Говорит, как о норме, о государстве, имеющем «правящий слой». Этим он пытается игнорировать, как якобы несуществующие, государства подлинного народовластия — советские и народно-демократические республики.

Страусы при опасности прячут, как говорят, головы в песок. Но враги их от этого несуществующими не становятся. Так происходит и с Лелоттом. Замечать или не замечать, учитывать или игнорировать — это дело его вкуса, желаний и честности. Но то, что в мире есть государственные системы, где народ составляет «правительство», « власть», «правящий слой общества», в каком бы «узком» или «основном смысле» не прилагалось к этим системам значение слова «государство», — это реальность, и притом не зависящая от симпатий или антипатий отцов иезуитов.

Переходя к «функциям государства», Лелотт пишет, что государство призвано «охранять законные права каждого гражданина...». Мысль невольно переносится в такие «христианнейшие» государства с высокодеятельными католическими церквами, как ФРГ и США. И перед глазами встают борцы за мир, которых правительства бросают в тюрьмы, преследование прогрессивного журнала «Шпигель», запрещение компартий, гонения на демократические и прогрессивные профсоюзы, разгул расизма, негритянский студент Мередит, перед окном которого болталось чучело повешенного чернокожего с издевательской надписью: «Нам будет недоставать тебя,

когда тебя не будет с нами». А ведь это происходит в государствах такого типа, какой отцу Лелотту представляется почти идеальным.

Мне вспоминается забастовка печатников в буржуазной Эстонии в дни моей юности. «Черные списки» выброшенных на улицу, после провала забастовки, ее лидеров. Доведенные до отчаяния безработицей родные моей соученицы по классу заключили кабальный договор с бразильским плантатором для работы в амазонских джунглях.

Нет, не очень-то охранялись «права каждого гражданина» в государствах, где слова «бог» и «церковь» не сходили с уст их лидеров и руководителей.

Государство, по утверждению Лелотта, призвано богом «стимулировать деятельность личностей и частных обществ». Припоминаются страницы журналов «Новое время» и «За рубежом», на которых рассказывается о махинациях монополий, трестов, картелей вокруг государственного пирога в США, о том, как они противодействуют попыткам правительства ограничить их аппетиты и сделать хоть что-нибудь для рядового обывателя. Да, нелегко отцам иезуитам работать одновременно и на бога и на маммону!¹

Мне не раз приходилось отпевать в моргах буржуазной Эстонии самоубийц — трупы этих самых «личностей», которых частный капитал, «частные общества», «стимулируемые» государством, выкидывали со службы, как изношенные тапочки, — больных или состарившихся и оставшихся без пенсии, квартиры, куска хлеба. Нам, миссионерам (а я был тогда миссионером), церковное начальство разрешало, вопреки запретам религии, отпевать этих несчастных, как якобы лишивших себя жизни в состоянии депрессии и невменяемости. А невменяемость их объяснялась отчаянием от голода, безысходности, отсутствия перспектив получить работу...

Государство, по Лелотту, призвано богом «согласовывать все частные усилия в видах наилучшего использования материальных богатств страны и рабочей силы, во избежание напрасной траты сил и излишней конкуренции...»

Между тем в тех же США в одних местах почти нет

¹ Мамона — дух стяжания и сребролюбия.

дорог, а в других, где эти «частные усилия» надеялись сорвать куш и заработать, проложены рядом по две частных железных дороги, владельцы которых яростно конкурируют и соперничают друг с другом...

Немало писалось в печати о том, как с согласия правительства той или иной буржуазной страны уничтожались излишки промышленных или продовольственных товаров, независимо от большого числа граждан, ежедневно недоедающих, детей, болеющих и умирающих из-за недостаточно калорийного пищевого рациона.

Дорого обходятся трудящимся эти «согласования частных усилий» буржуазными государствами.

Государство, по учению Лелотта, призвано богом «восполнить частную инициативу, если частные лица оказываются неспособными ...сделать то или другое, необходимое обществу или государству».

Чувствуете, как последовательно проводит Лелотт игнорирование социалистических государственных систем? Все «функции», которыми он наделяет государство, рассчитаны только на частнособственнические государственные системы капиталистического типа.

И с этими рассуждениями Лелотт приходит к людям социалистического мира! Он как бы хочет сказать: есть один мир — частно-собственническо-капиталистический; с ним бог, за ним будущее; ваше дело временное, и о нем не стоит и говорить.

Такие заключения для советских людей не новы. О «временности» советской власти враги говорили с первых дней ее существования. Сроки гибели устанавливались сотни раз, везде, где только есть люди реакционного склада и образа мыслей. А советская власть отпраздновала свое 46-летие и готовится к полувековому юбилею. На нашей земле выросли уже два поколения людей, для которых рисуемый Лелоттом мир является только смутным далеким прошлым, известным по историко-революционным кинофильмам и литературным произведениям, чем-то более или менее общим с крепостным правом и татарским игом. Выросли поколения, которые мыслят и живут всецело понятиями нашего социалистического общества. Они подлинные дети Страны Советов. Так что не замечать нас отец иезуит — может. А вот упразднить — руки коротки!..

Лелотт всё более откровенно восхищается уже не

«светом» «веры Христовой», а капиталистическим «свободным миром» и пресловутым «американским образом жизни». Радует его здесь и многопартийная система, дающая гражданам якобы «свободу выражать свои законные предпочтения».

Что это за «свобода»!

В США существуют две партии — республиканская и демократическая, которые, якобы «борясь» и поливая взаимно грязью лидеров и кандидатов «противника», а фактически — обманывая людей, давно ведут единую «двупартийную» линию политики, угодную не народу, а боссам от монополий, капитала, империалистическим акулам. Единственная партия, которая выражает волю простых людей США, коммунистическая, по существу поставлена вне закона и преследуется. Разве это не замаскированная диктатура одной силы — силы доллара и его обладателей над всем народом США? И это — в христианнейшем государстве, благословляемом и поддерживаемом всячески единоверцем отца Лелотта кардиналом Спеллманом.

В ФРГ то же положение: кооперирующиеся вокруг боссов от plutokratии¹ неофашистские, буржуазные и социал-предательские партии и загнанная в подполье партия германских трудящихся.

Впрочем, «идеал» отца иезуита и сам чужд каких-либо форм, хотя бы отдаленно напоминающих действительную демократию. Так, он клеймит как нечто разрушающее государство — «политическую систему либерализма» (вот за что ему и всем его товарищам по ордену скажет свое спасибо мечтающий сменить парламентаризм республиканской Франции на мантию ненограниченного диктатора верный богу и капитализму католик генерал де Голль!). Правда, Лелотт пишет, что другой крайностью, неприемлемой для церкви, является «политическая система тоталитарных государств».

К тоталитарным государствам Лелотт беззастенчиво причисляет не только такие, где у власти фашизм и национал-социализм, но и... социалистические. Он не постыдился поставить рядом человека ненавистничество Гитлера и Муссолини с делом великого Ленина; власть народа во имя народа приравнивать к власти расист-

¹ Плутократия — власть богачей.

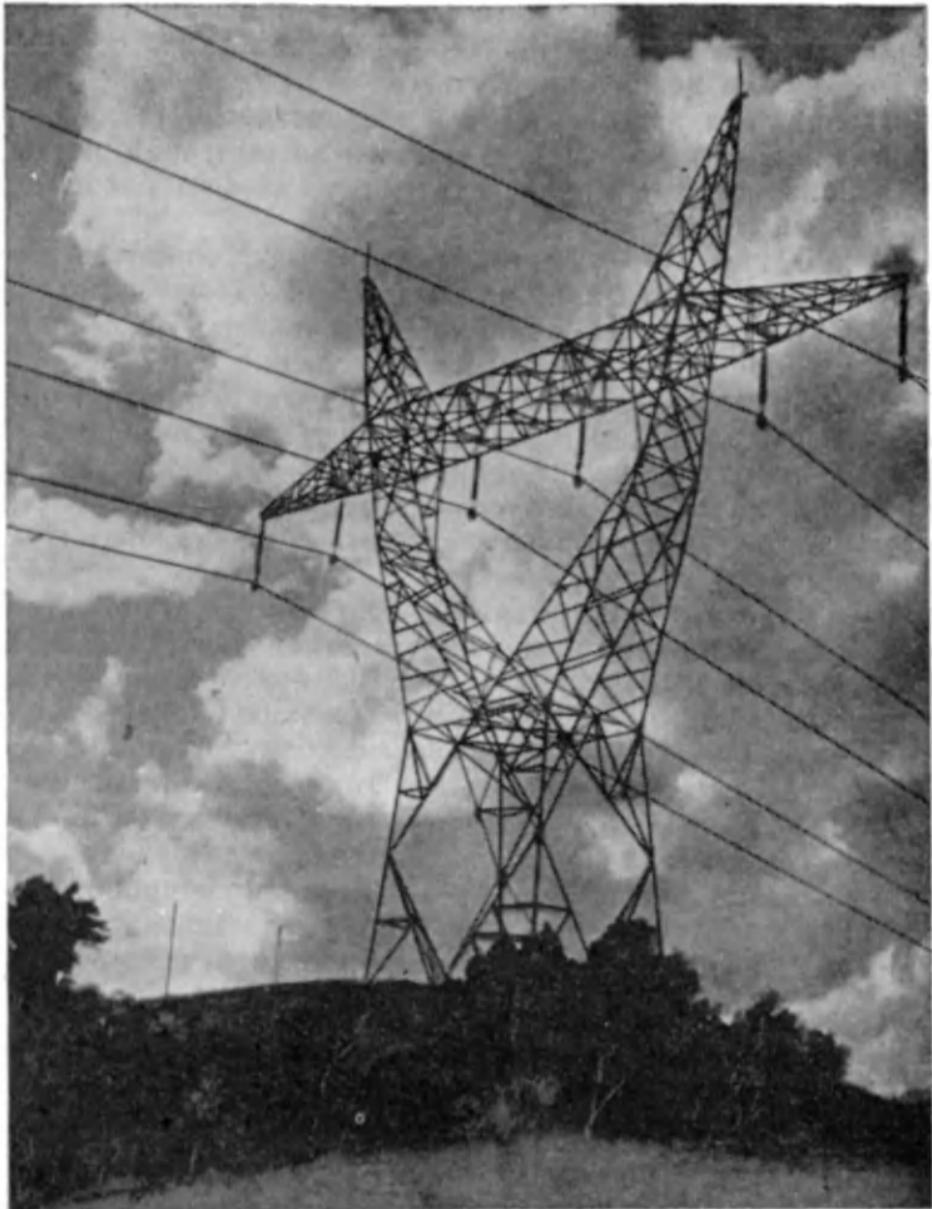
ских выродков во имя кучки маньяков и их капиталистических сородичей. Бог его, к сожалению, не может быть ему судьей, — его нет. Но есть люди, и от их суда Лелотт и подобные ему не уйдут.

И люди припомнят ему, что от тоталитарного режима Муссолини католическая церковь приняла в дар государство Ватикан, которым курия владеет и поныне; что с национал-социалистским режимом Гитлера это государство, то есть та же курия, заключило дипломатический, не бесполезный для него и национал-социалистов конкордат.¹ По этому конкордату курия пользовалась многими благами и всяческим содействием. Эти блага и содействие она принимала из рук, обагренных кровью мучеников чудовищных застенков Майданека, Освенцима, киевского Бабьего яра и других, которым нет числа. Люди припомнят, что даже после разгрома фашизма монастыри и иезуитские центры долгое время были каналами, через которые скрывались от справедливого возмездия фашистские преступники; что последыши фашистов, ненавидимые народами диктаторы Франко в Испании и Салазар в Португалии, широко опираются на местные церковнические круги и на братьев отца Лелотта «по ордену Иисусову».

В своем стремлении оградить всё индивидуалистическое, спасти «частную инициативу», то есть тот же капитализм, Лелотт упорно подчеркивает, что «человеческой личности свойственно индивидуальное сознание», разумея под этим индивидуалистическое. Он забывает слова Аристотеля о том, что «человек — животное социальное», что вся история человечества от первостада до нас — это история людей среди людей.

Но отцу иезуиту это понадобилось для того, чтобы подчеркнуть, что «государство обязано уважать неотъемлемые права личности...». Например, «право располагать своим заработком». Казалось бы, неоспоримо хорошие и верные слова. Но Лелотт под этим понимает не только трудовые, честные заработки трудящегося человека, но и доходы представителей любимой им «частной инициативы» — капиталистов. А ведь в «заработке» такого капиталиста пот и кровь эксплуатируемых в

¹ Конкордат — договор, соглашение. Обычно — договоры папского государства с правительствами отдельных стран.

Последняя страница обложки книги Лелотта. Намекая на ленинский план ГОЭЛРО, иезуит заявляет, что одного электричества человеку мало. Но „лампочки Ильича“ не были только электричеством. Ими началась эра, принесшая советским людям знания, духовные богатства и материальное благополучие.

бесчеловечных условиях и без малейших признаков охраны труда рабочих-шахтеров сицилийских серных рудников или испанских ртутных.

Продолжая защиту всё той же частнособственнической «инициативы», Лелотт провозглашает, как нечто установленное раз и навсегда богом, «право располагать своей собственностью».

А вот газеты не раз описывали, как, опираясь на это «право» собственности, хозяева доходных домов в трущобной части Нью-Йорка выкачивают последние гроши у бедняков, сдавая им помещения. Они не ремонтируют дома, — зачем тратить деньги! Бедняку ведь некуда податься. Дома эксплуатируют пока они не начинают окончательно разваливаться. В них люди живут как в аду. Там крысы кусают детей, воздух отравлен смрадом вечно портящихся санитарных узлов, там царят ревматизм и туберкулез.

Лелотт торопится объявить, что «государство обязано ...содействовать развитию ...частной деятельности». Так, к примеру, госдепартамент США содействовал американской «Фруктовой компании» совершению переворота в Гватемале, чтобы вернуть себе свободу «частной деятельности», вернуть банановые и ананасовые плантации и утопить в крови свободолюбивые чаяния гватемальского народа. Маленькая среднеамериканская республика Гватемала впервые в своей истории попробовала вступить на путь демократии, народ ее надеялся построить счастливую жизнь. Но это противоречило «частной деятельности» американских монополий. И вот — вторжение организованных ими банд; посаженная ими покорная капиталистам марионетка вместо демократического правительства; тюрьмы, пытки, насилия.

Во имя этой же «богоблагословенной» «частной деятельности» был убит герой конголезского народа Лумумба, чтобы его забота о благе конголезцев не мешала рудничным и другим частным компаниям Бельгии и Англии эксплуатировать национальные ископаемые богатства Республики Конго и выжимать соки из ее народов.

Подлинным певцом насилия отец иезуит становится, когда доходит до темы «власть в государстве». Он провозглашает старый библейский тезис, что «законная власть на земле может быть только от бога», что «бог

доверяет законным носителям государственной власти священную миссию», а посему все зависящие от данной власти обязаны «повиноваться по совести» всем ее требованиям.

Веками, тысячелетиями это обожествление власти было мощным орудием угнетения в руках сильных мира сего... «Божию милостию» император Николай I, — «Палкин», как прозвал его народ, «прославился» зверскими пытками солдат, когда провинившихся прогоняли «сквозь строй» и били при этом до смерти шпицрутенами.¹ «Божию милостию» император Александр III гноил в тюрьмах лучших людей России, «Божию милостию» император Николай II обагрил в Кровавое воскресенье кровью площади и улицы Санкт-Петербурга... Лелотт в наше время переносит это обожествление на диктаторов и президентов, королей и королев, канцлеров и государственных секретарей. На всех, кто осмеливается перечить им, замахивается кнутом «страха божия».

Правда, о кнуте Лелотт говорит и более откровенно, заявляя, что «некоторые виды власти (например, по его же словам, татарское иго у нас на Руси. — А. О.) необходимо признать наказанием божиим, посланным за грехи», — значит, опять-таки от бога. А потому — терпи и повинуйся этой власти, то ли «милостию», то ли «гневом» божиим правящей.

Но вот беда! Когда писалось утверждение, что «всякая власть от бога», были короли и князья, императоры и цари. Как бы люди не подумали, что, если не будет таких правителей, прекратится и «власть, которая от бога». Много ли коронованных особ царствует ныне в мире? Эксплуататорские классы нашли более гибкие формы гнета. Лелотт учитывает это и поясняет, что «бог доверяет членам общества выбор носителей власти». Эта власть тоже облечена «богоустановленностью», и ей тоже необходимо «повиноваться».

Затем Лелотт спохватывается: а что если верующие стран социализма применят этот тезис к своей власти и посчитают и ее богоустановленной?

И иезуит поспешно изрекает: «Если закон (издаваемый властью. — А. О.) противоречит велениям божиим,

¹ Шпицрутены — длинные, гибкие прутья из ивняка.

граждане обязаны отказывать ему в повиновении», а «носителей государственной власти», издавших такие законы, «имеют право заменить другими».

Что же получается? В мире капиталистическом, где церковь состоит на службе plutokратов, трудащиеся обязаны слушаться их, так как они «от бога». В странах социализма церковь отделена от государства (мы уже видели, как негодует по этому поводу Лелотт), следовательно, по Лелотту, властям можно не повиноваться, против них можно готовить заговоры и мятежи. Вот и оправданы контрреволюция в Венгрии и козни иезуитов и униатов в Литве, Латвии, на Западной Украине.

Гибкими становятся догматы и каноны в руках иезуитов и им подобных. На Западе они превращаются в броню для властей и в топор палача для подчиненных, на Востоке — в пулью диверсанта для властей, в металл подкупа и укрывательства — для подчиненных.

В своем приспособленчестве к нуждам эксплуаторских, кооперирующихся с церковниками-клерикалами классов Лелотт поистине не знает предела.

Он решается говорить даже на такую непопулярную тему, как колониализм.

Читатели знают, что даже ООН, в которой США и НАТО удается пока еще создавать угодное им механическое большинство, были вынесены резолюции, требующие положить конец господству колонизаторов над народами. Попытки английских, французских, голландских, бельгийских и португальских колонизаторов представить свое господство и колониальное ограбление народов как прогрессивную цивилизаторскую деятельность высмеиваются, разоблачаются и опровергаются печатью стран, ставших свободными или еще борющихся за освобождение от колониального рабства. Африканские журналисты цифрами статистики показывают, как, уходя, колонизаторы оставляют на всю страну единственного врача-туземца и ни одного инженера, или оставляют инженера, но увозят всех врачей, и т. п. Таковы следы их культурного влияния, «плоды» их заботы. Империалистам всё труднее становится ссылаться на лживые утверждения о том, что колонии «не дозрели», «не доросли» до способности «выдержать» независимость. Там, где независимость, свобода приходят в бывшие колонии, в

них, как правило, начинается рост, прогресс, формирование национальной интеллигенции, экономики, правительственно-аппарата.

Во всем мире звучат гневные голоса, обличающие колонизаторов, когда они пытаются получить какие-то «компенсации» за свой уход и раскрепощение колоний.

А вот у отца Лелотта написано черным по белому на странице 341 его книги:

«Если государство взяло на себя опеку над другими народами (случай колоний), оно обязано предоставлять им все большую независимость по мере их прогрессивного развития, до того дня, когда, достигнув полной зрелости, они образуют самостоятельные государства. Государству-колонизатору принадлежит тогда право требовать известных компенсаций, главным образом экономического характера, в соответствии с размерами его капиталовложений и сумм, затраченных им на образование колонизованных народов».

Так Лелотт расписывается в том, что он является другом колонизаторов. Правда, он говорит, что колонизатор «обязан» предоставлять «все большую независимость» колоний. Но так сейчас вынуждены говорить и сами колонизаторы. Времена не те... Колониализму, как и капитализму, чтобы задержать неудержимый процесс распада, приходится прикрывать свое сопротивление красивыми словами с выхолащающими смысл этих слов оговорками. Именно это видим мы и у Лелотта.

Но, заботясь о капиталистах и колонизаторах, Лелотт тем более печется о своих собственных интересах. Так, он вновь и вновь решительно выступает против отделения церкви от государства и школы от церкви и осуждает эту высокую мечту прогрессивных деятелей всех времен, осуществляющую странами лагеря социализма. Словами энциклики «Иммортале Дэи»,¹ он требует для церкви большой области в общественно-политической и общественно-социальной жизни, и при этом с правами суверенитета, со статусом подлинного государства в государстве.

По его словам, сам бог поделил между церковной и гражданской властями «попечение о благосостоянии

¹ «Иммортале Дэи» («Бессмертному богу») — начальные слова одной из энциклик папы Льва XIII.

рода человеческого». Каждая из этих властей «суворена в своей области». Какова же область власти церковной?

«Всё, что в человеческих делах так или иначе касается религии, всё, что касается спасения душ и служения богу, по существу или в силу принципа, от которого оно зависит, подлежит ведению церковной власти».

Пожалуй, с таким ограничением сферы действия церкви можно согласиться.

Ведь и в нашей стране отделение церкви от государства оставляет за ней ее религиозную сферу, гарантируя признание за каждым гражданином свободы совести, права исповедовать любой культ или не исповедовать никакого культа и пропагандировать атеизм. Так говорится в нашей Конституции, так обстоит дело и в других социалистических странах.

Социалистические государства, как известно, не вмешиваются во внутренние дела церкви, если церковь не выходит за пределы законов и сама не нарушает государственного законодательства.

Всё дело в том, что понимает под этой суворенностью церкви Лелотт и где проводит рубежи разграничения сфер действия.

Он утверждает, что церкви богом даны права «формулировать, истолковывать и охранять все естественные и богооткровенные законы, определяющие течение общественной жизни» и даже «судить о том, в каком именно конкретном случае мероприятия государства соответствуют или не соответствуют этим законам».

По Лелотту выходит, что не государство определяет место церкви в жизни, а церковь определяет, что ей оставить государству в общественно-социальной, общественно-культурной и общественно-политической жизни.

Короче говоря, осуществляя древнюю мечту о теократической¹ (а на деле просто клерикальной!) власти на земле, Лелотт требует, чтобы церковь была поставлена над государствами, их судьей и последней инстанцией законоутверждения. Лелотт зовет в мрак средневековья, где церковь пыталась некогда осуществлять такую политику методами святейшей инквизиции, отлу-

¹ Теократия — боговластие. Практически выливается обычно в иерократию или в клерикализм.

чениями, запретами, кострами, духовным сыском отцов доминиканцев,¹ крестовыми походами, процессами «ведьм» и еретиков, натравливанием католических стран на протестантские, православные, мусульманские, христиан — на евреев, монахов — на светских лиц и т. д. и т. п.

Может быть, мы преувеличиваем, когда именно так понимаем рассуждения отца Лелотта?

Как же иначе тогда понимать следующие его слова:

«Если политика того или иного государства не считается с вечным законом, установленным богом, если она презирает особую миссию Церкви ... Церковь может и должна выступать против нее». При этом отец иезуит утверждает, что «это не означает вмешательства в политику», так как-де здесь сама политика «выходит из своих рамок, препятствуя осуществлению замыслов божиих и выполнению божественной миссии Церкви».

Хитро придумано: хотя церковь и выступает против того или иного государства, это всё-таки не вмешательство в политику, а... религия...

В средние века, во время всех упомянутых выше ужасов, церковь только и твердила, что всё совершающее ею — это лишь «дело веры», в защиту «святых интересов святой церкви», ее «догматов и богооткровенных истин».

Лелотт же, стараясь убрать ненавистное теперь многим понятие и отнести его от церкви, пишет: «...Церковь ... осуждает клерикализм, т. е. вмешательство духовенства в собственно политическую область...».

Стойте ли рассказывать о том, как ловко обходят это «осуждение»? В католических Франции, Италии, Бельгии и ФРГ существуют клерикальные политические партии, в которых лидерствуют светские лица, но выполняются задания специфически клерикального негласного руководства. Почитайте внимательно газеты, журналы «Новое время» и «За рубежом», и вы получите богатейшие материалы, доказывающие это. Посмотрим, что же сам Лелотт включает в сферу суверенного влияния церкви.

¹ Доминиканцы — члены монашеского ордена, основанного «святым» Домиником, которому и были поручены в средние века инквизиция, розыск еретиков, выпытывание у них «подноготной» правды. Вместе с орденом иезуитов доминиканский орден пользуется наиболее страшной известностью.

Это, видите ли, право «наблюдать за воспитанием, даваемым окрещенным детям, в каких бы учреждениях, казенных или частных, они ни находились, и не только в том, что касается религиозного воспитания, но и в том, что относится ко всем предметам преподавания и к организации обучения, поскольку они связаны с религией и моралью» (энциклика «Дивини Магистри»).¹

Вы понимаете, читатели, что значат слова иезуита? Если верующие тетушки, бабушки или родители окрестили ребенка, его нужно считать принадлежащим на всегда церкви, которая получает право формировать его детское сознание, внушать ему свои суеверия, догмы.

Выходит, по Лелотту, все когда-то окрещенные граждане Советского Союза должны были бы поэтому пройти церковное воспитание, стать духовными рабами божьими, готовыми терпеть частнособственническую эксплуатацию и, конечно, своих детей тоже вручить властям церкви.

И.Лелотт не стыдится говорить, что это не политика, а только дело веры. Да мир всепять начал бы жить — осуществив эти иезуитские планы, а мы ведь пока только первое «право» церкви назвали.

Есть еще и второе. «Право основывать и содержать свои собственные учебные заведения любой специальности и любого уровня» (та же энциклика папы).

Дело церкви не ограничивается мечтой о контроле над начальным или средним образованием. Церковь пытается простирать свою власть на решающую стадию образования, на вузы. Мы знаем по статистике, приведенной отцом Лелоттом только для его ордена иезуитов, как это ей местами и удается осуществлять.

Спрашивается, такая попытка накладывания узды и повязки докторов на все просвещение — не есть политика? Или тоже только «дело веры»?

Кроме того, по Лелотту, «церковь имеет право заниматься всеми видами благотворительности...»

Если государство проводит работу по социальному обеспечению стариков, сирот, инвалидов, многосемейных, то в этом проявляется забота о материальном положении этих категорий трудящихся. Для церкви же это вопрос пропаганды, вербовки рублем и куском хлеба, при-

¹ «Божественные учителя».

влечения душ поддержкой тела. Для нее — это рычаг политики и сети для ловли душ. Там, где государства уделяют мало внимания социальным вопросам (в капиталистическом мире) и отдают эту область государственной жизни церкви, там она подкармливает бедняков и добивается мощного влияния на массы.

За государством Лелотт признаёт лишь право оставаться нейтральным «в отношении Церкви, то есть не связывать себя официально ни с какой религией, ограничиваясь исключительно исполнением обязательств, налагаемых религией естественной (официальным признанием бога, официальными богослужениями и т. д.)».

Здесь что ни слово, то либо ложь, либо политическая провокация. Наука давно уже изучает длительный безрелигиозный период жизни человечества (приблизительно 550 тысяч из 600 тысяч лет существования человека), а в книге Лелотта говорится о «естественной» религии.

Лелотт писал о строгом разграничении сфер. Церкви он отвел колоссальную «сферу», обеспечивающую ей морально-политическое господство в умах многих поколений людей, во всех отраслях воспитания и образования. Он дал ей право использования пропагандного и материального фактора благотворительности. Оговорил независимость церкви во всех ее делах. А от государства требует еще и исполнения ряда церковно-религиозных обрядов, то есть пытается поставить его на службу церкви так, чтобы самым отправлением этих обрядов государство и со своей стороны утверждало бытие религии, обязательность церкви и т. д. Вот тебе и разграничение сфер! Вот тебе и невмешательство в политику!

Таковы государственные, общественные и социальные аппетиты отцов иезуитов, таковы их затаенные мечты и планы. «Третья сила» мечтает стать клином, который вышибет все другие, чтобы стать силой единственной. Но она, как мы видели, совмещает себя с капиталистическим частнособственническим миром. Более того, в конечном итоге направляется им. Следовательно, клин-то ее опасен не капитализму...

Клин этот направлен в сердце людей и стран нового, социалистического мира. Одной из заноз этого клина является, в частности, и сама книга отца Лелотта.

Право утверждать это дает нам рассмотрение заключительного раздела книги отца иеромонаха.

„НОВАЯ ЖИЗНЬ“, ГРЕЗЯЩАЯСЯ ОТЦУ ЛЕЛОТТУ

В последней части своей книги, названной «Новая жизнь», Лелотт пытается нарисовать идеал, который хотел бы увидеть на земле. Напомним, что Апокалипсис, Евангелие и некоторые библейские книги Ветхого завета называют «новой жизнью» то «блаженное царство благодати», которое якобы наступит на земле после «второго пришествия» и «страшного суда». Но отец иезуит, употребляя этот термин, думает не о «будущем веке». Он мечтает о «новой жизни», которая наступит-де на земле, если церкви удастся пронизать собою всю жизнь, наложить свою руку на всё бытие и перекроить его по-своему. Лелотт пытается представить читателю описание этого счастливого для церкви и ее лидеров положения. Что ж у него получается за картина?

Церковь здесь «благословляет всё», «вмешивается в материальную жизнь своего народа, проникает в дома, в мастерские, в конторы и в шахты; она благословляет семейную трапезу, брачный покой, кирку рудокопа, способы передвижения, спортивные площадки, посевы, скот и так далее», «дабы отметить права Христовы, простирающиеся на все предметы...»

Короче говоря, во имя «прав Христовых» провозглашается вмешательство руководителей-церковников во все стороны человеческой жизни. Правда, иезуит при этом не провозглашает вначале ни неизменности классового общества, ни частнособственничества, как он это делал раньше. Наоборот, он рядит церковь под «родной дом» для тружеников и творцов ценностей жизни. Он говорит, что церковь поощряет труд и трудящихся, так как они-де «продолжатели творческого дела божия на земле». Более того, «разумный труд», по Лелотту, ведет к богатству «подлинной культуры».

Провозгласив этот тезис, иезуит тут же обрушивается на творцов материальных ценностей, заявляя, что огромные технические достижения «отнюдь не являются реальным прогрессом», что из-за этого люди «всё более погрязают в материализме». Вот в чем суть!.. Отцов иезуитов в дрожь бросает при мысли, что наука не оставляет места призракам богов, чертей и духов, выдуманным невежеством, непониманием и страхами.

Иезуитам милее «духовная культура» африканцев, лишенных всего, но одетых в белые рубашки европейского образца (не дай бог, нечистая нагота появится) и по нуждаемых петь не национальные песни, а церковные псалмы и «канты». Вот почему на последней странице обложки книги Лелотта, под фотографией, на которой мы видим мачты линий электропередач высокого напряжения, помещена ядовитая подпись: «Недостаточно пронести людям больше электричества, надо делиться с ними всеми дарами божиими: материальными благами и тем более вечным светом и теплом любви, принесенным нам Христом»...

Он думал попрекнуть В. И. Ленина, этот иезуит? Опорочить великий ленинский план электрификации России? Но с лампочкой Ильича к нам пришла и сытость. Найдется ли у нас сейчас подлинный нищий? Найдется ли хоть один, кто умирал бы в нашей стране сегодня без куска хлеба? Сколько тепла и света уделяется у нас сиротам, уделялось детям — жертвам войны! Вспомним хотя бы детей республиканской Испании, спасенных советскими людьми от мести христианского диктатора Франко. Да, мы не несем им «света Христова», так как давно убедились, что это не свет, а призрак светового эффекта. Подлинный свет у нас не отделен от подлинного тепла большой человеческой любви. И этого не может не увидеть каждый, кто побывает в нашей стране.

В христианском мире лелотов служители божьи чаще всего являются только печальными регистраторами смертей от голода и болезней, уносящих миллионы и миллионы людей, «просвещенных светом Христовым» и непросвещенных, сколько бы библий ни печатали и ни переводили для них отцы духовные, сколько бы они ни кропили их над купелью крещения, сколько бы ни призывали на них «благодать святого духа», — вся его «всемогущая» сила не произвела и не производит еще ни одного так нужного голодающим сухаря, ни одного так необходимого трясущимся от малярии — грамма хинина.

Лелотт говорит, что бог хотел бы, чтобы все могли «жить по-человечески, т. е. чтобы иметь возможность развиваться физически и духовно, основать семью, содержать ее, приносить пользу человечеству и т. д.». И тут же констатирует, что на деле это далеко не так:

«Одни народы прозябают в нищете...», «другие пользуются изобильными богатствами...», «в странах, где, по видимости, царит достаток, число людей, не располагающих жизненным минимумом, намного превосходит число богатых...»

Да, от правды не уйдешь. Даже США, как ни кичатся своим «американским образом жизни», вынуждены языком статистики признавать эту глубоковопиющую социальную несправедливость...

Однако, констатировав факт, отец иезуит видит причину всех бед в... «либерализме» («полная свобода» каждого «налагать руку на материальные блага и пользоваться ими по своему усмотрению...»). На первый взгляд, это удар по капиталистической системе «свободного предпринимательства». Но не торопитесь с выводами, читатель. Не забывайте простой истины, что волк волка не ест.

Дело проще. Зло налицо, а потому нельзя и не сказать, кто его породил. Вот отец иезуит и ищет виноватого...

Какие же он затем предлагает рецепты для устранения зла? Может быть, коммунизм? Казалось бы, оттирании «свободного предпринимательства» богатых взор должен обратиться к миру, уничтожившему эту тиранию, вернувшему плоды трудов самим труженикам.

Нет, «коммунистическое решение» отцу иезуиту решительно неприемлемо.

А что же делать?

Церковь, видите ли, должна «напоминать о моральных принципах»; в них, мол, и кроется «справедливое и гуманное решение социального вопроса». Что же она не разрешила эти вопросы до сего дня, за две тысячи лет своей истории? И не будут ли эти «напоминания о моральных принципах» похожими на сентенции повара из басни Крылова «Кот и повар», действенность которых великий баснописец выразил короткой строчкой: «А Васька слушает да ест»...

Да, собственно, отец Лелотт и сам поясняет, что эти «напоминания» никакими неприятностями эксплуататорам не грозят, — ведь христианство «не может признать, что эти бедствия порождаются правом частной собственности».

Так частная собственность — фундамент классового

мира — объявляется незыблемой, более того — «основой общественного строя». Худы-де только «злоупотребления» ею. Само же «право собственности дано человеку природой, то есть богом». Тем самым вопрос о частно-собственничестве догматизируется как «богоустановленный». Собственники могут спать спокойно.

Ну, а как же дело с «злоупотреблением» этим «догматом»?

Отец иезуит «признаёт» три момента ограничения собственности:

1) когда бедняк, доведенный до отчаяния, украдет кусок хлеба — он не вор... ибо человек имеет «право на жизнь». Конечно, самодовольно констатирует Лелотт, теперь до этого редко доходит, «так как многочисленные благотворительные учреждения легко доступны неимущим. Но наш пример показывает, с какой твердостью Церковь ограничивает право частной собственности».

Увы, это ограничение ничего не исправляет, а пытается подавлять через благотворительность чувство голода, не уничтожая причин голода. Что ж, такое ограничение не страшно собственникам. Ведь за благотворительность церковь сулит им еще и «царство небесное», тешит их самолюбие, успокаивает их совесть и возвышает хищников в их собственных глазах. Так и Гитлер гладил в качестве добросердечного вегетарианца «бедных» баражков и подписывал акты об истреблении очередного миллиона людей «неполноценных» рас или народностей;

2) «право на приобретение части материальных благ». Это право Лелотт поясняет на таком примере:

«Помещик приобрел постепенно огромные земли. Десятки крестьян стали его вассалами и должны арендовать обрабатываемую ими землю. Несколько поколений одной и той же семьи вложили в эту землю свой труд и повысили ее плодородность, но не могут приобрести ее в собственность. Их судьба зависит от воли помещика или даже от его прихоти, тогда как земля могла бы быть так же хорошо или даже лучше эксплуатируема, если бы каждый крестьянин стал собственником своего участка.

В подобных случаях Церковь признаёт за государством право на вмешательство. За неимением другого

выхода государство имеет право разделить имение на участки в целях более справедливого распределения собственности, при условии, что помещик получит ответственное всэмщение».

Не думайте, что Лелотт стал в этом вопросе социалистом. Он здесь рассуждает так же, как рассуждали советники русского царя Александра II, когда посоветовали освободить крестьян от крепостной зависимости «сверху», раньше чем народ начнет это делать сам «снизу».

Вспомните, что читали вы в газетах за последние десять—пятнадцать лет. Вспомните южноитальянских крестьян, доведенных до отчаяния и явочным порядком начинавших дележ помещичьих земель, стычки с жандармами, кровь, бунты, нарастание острого аграрного кризиса... Вспомните баррикады из деревенских повозок на дорогах Франции, остановленные поезда, разгромленные автомашины... А ведь это выступали правовернейшие католики... Вот и 24 апреля 1963 года, когда я сижу над правкой этой уже написанной мною рукописи, «Известия» сообщают: «В провинции Куско (Перу) отряды вооруженных крестьян захватывают помещичьи имения и делят землю среди жителей. В провинцию, сообщает из Лимы агентство ЮПИ, спешно переброшены резервные полицейские части».

В Перу, как во всей Южной Америке, живет множество верующих католиков.

Вот почему отец иезуит полагает, что власть имущим надо что-то предпринять, пока опыт земледельцев Перу и Италии не применили в других странах.

Как русский царь, раскрепостив по необходимости крестьян, оставил их по существу почти без земли, обязав выкупать ее у помещиков, так и Лелотт во имя того же «богоустановленного права частной собственности» обеспечивает вековых эксплуататоров «соответствующим возмещением».

Таков куцый идеал отца иезуита.

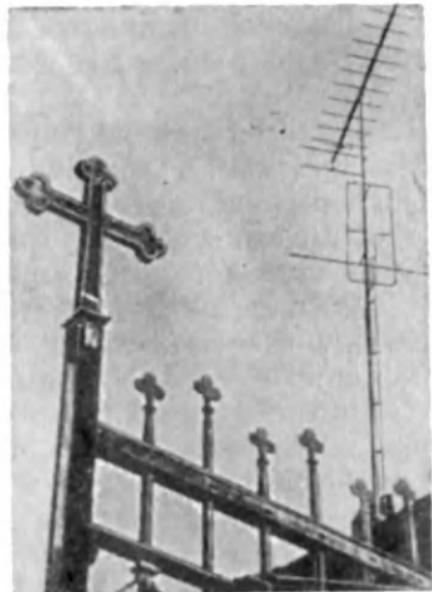
Но даже так, с оговорками, приглашая капиталистические государства «оделить» бедняков землей, Лелотт боится, чтобы люди не почувствовали правды лозунга: «в единении -- сила» и, став сильными, не отказались от иллюзорных утешений религии. Повторяя идею царского министра Столыпина, он стремится сделать кре-

стьян собственниками, хуторянами - единоличниками, со всей свойственной этому роду людей косной индивидуалистической психологией. Хуторскую систему хозяйства он объявляет наиболее «естественной» формой «частной собственности».

Данные этнографии и археологии опровергают подобные утверждения. Вначале земледелие развивалось именно как наиболее коллективная (из-за необходимости ирригации, общинного выжигания леса и т. д.) форма общественного труда; и, наконец:

3) «право пользоваться плодами своего труда». Лелотт не может не признать, что « тот, кто отдает свой труд внаем другому (то есть рабочий, пролетарий. — А. О.), часто лишен этого естественного права». Как же выйти из тупика? Если человек вкладывает свой труд в свою собственность (ремесленник, крестьянин-середняк, мелкий торговец, очевидно), здесь Лелотту всё ясно: кто трудится, тот и ест. «Но как быть, когда собственник материальных благ (земли, леса, недр, завода, парохода, банка, магазина и т. д.) пользуется чужим трудом для придания прибавочной стоимости своему имуществу?» Короche говоря, как быть с капитализмом, где труд и капитал разъединены и последний подчиняет себе первый, эксплуатирует его?

Лелотт категорически утверждает от имени христианства, что, если «капитал приобретен собственником законными средствами», капитализм как таковой не является «безнравственным сам по себе». Но он не может всё же не признать, что на деле капитализм «порождает

«Вчера и сегодня» — так озаглавил свой снимок немецкий фотограф В. Штадтлер. Мертвеницы кладбищенских оград веет от этих крестов, за которыми, улавливая голоса мира, вознеслись мачты антенн. Не запереть крестами прошлого стремительно идущее вперед человечество.

бесчисленные злоупотребления», «оказывает на трудящихся постоянное давление», «расстраивает хозяйственную жизнь».

Что же, в конце концов, — нравствен капитализм или безнравствен? Плох или хорош с точки зрения церкви? Поддерживается или опротестовывается ею?

И Лелотт делает хитроумный зигзаг, снова переворачивая свои отзывы о капитализме с ног на голову:

«Отнюдь не почитая капиталистический режим единственным возможным (и даже предписывая религиозным общинам «коммунитарный» режим, объединяющий труд и капитал в одних и тех же руках),¹ Церковь признаёт законным режим, при котором капитал и труд остаются разобщенными».

Признав капитализм законным, Лелотт, однако, ставит капиталу некоторые «условия», которые, очевидно, по его мнению, должны уменьшить гнет эксплуататоров над трудящимися. Но все его «условия» сводятся к советам капиталистам-предпринимателям: заключать с рабочими договоры о «справедливой» заработной плате, которая давала бы «рабочему возможность рождать и воспитывать детей, чтобы недостаток материальных средств не ограничивал их числа», позволяла бы «трудящимся жить согласно требованиям современной цивилизации», предохраняла их «от невзгод в будущем (несчастные случаи, болезни)» и позволяла «накопление личных сбережений и приобретение личной собственности».

Далее Лелотт советует капиталистам допускать рабочих к участию «в управлении предприятием», «во владении предприятием» и «в прибыли предприятия...». Здесь он стоит на позициях пресловутого «народного капитализма», о котором мы уже писали.

Все эти слова не умаляют прав хозяев, оставляют капиталиста полным господином положения и дают ему возможность лишать рабочих столь необходимых, по словам Лелотта, для каждого трудящегося благ. Система различных оговорок, припасенных Лелоттом, сводит на нет «узаконенные» им права трудящихся.

¹ Лелотт разумеет в первую очередь, очевидно, монастыри с их условной «общностью» имущества и фактическим закабалением людей церковью.

Начинает отец иеромонах свои замечания с утверждения, что капиталист имеет право из-за конъюнктуры сбыта откладывать всякую заботу о рабочих (а поди разберись, когда и как эта конъюнктура складывается при постоянных кризисах капиталистической экономики) и что из-за налогов (а где их нет!) предприниматель может перекладывать тяжесть своих трудностей на спины своих рабочих.

Вторая оговорка отца Лелотта еще своеобразнее. По его мнению, безработица, вызываемая, как известно, внутренними противоречиями капиталистической системы, дает право собственнику снижать и ограничивать зарплату рабочим якобы для того, чтобы дать кусок хлеба другим рабочим. Опять трудности, вызываемые капитализмом, перекладываются на плечи трудящихся, на плечи пролетариата.

Поскольку кризисы перепроизводства и безработица — постоянные спутники капитализма, как это с непреложностью показал Маркс в «Капитале», тезис Лелотта об участии рабочих в управлении производством повисает в воздухе, и осуществление этого «права» при «нравственной и законной» капиталистической системе откладывается, очевидно, до наступления «царствия божия», то есть навсегда.

Замахнувшись на дележ прибылей капиталиста с рабочими, Лелотт спешит оговориться, чтобы его, не дай бог, не поняли неправильно.

Да, да, говорит он, «трудящийся имеет право на известную долю прибавочной стоимости, т. е. на участие в прибылях предприятия». «Однако прибыль не определяется разницей между себестоимостью (сырье, заработка плата и жалованье, производственные издержки) и продажной ценой продукта производства. Дабы установить подлинные размеры прибыли, следует сначала определить законную оплату капитала...»

В чем же видит отец Лелотт эту «законную оплату капитала»?

Во-первых, из прибыли следует вычесть расходы на амортизацию, деньги, откладываемые про запас, новые капиталовложения на расширение производства.

Итак, с прибавочной стоимости снимается львиная доля. Какой капиталист не стремится расширять свою «долларовую державу»? И всё это расширение, утучне-

ние остается для него одного, и все средства, расходуемые на это, недоступны для рабочего...

А вот и еще одно «но».

Лелотт проявляет трогательную заботу о капиталистах, которые всегда рискуют пострадать от конкуренции, от кризисов и т. д., а следовательно, они имеют и «право на соответственное вознаграждение».

Отец иезуит развивает целую теорию по поводу того, насколько бедняга капиталист находится в более трудном и ответственном положении, чем рабочий. Стоит его послушать:

«Возьмем для примера рабочего, вложившего часть своих сбережений в акции предприятия, на котором он не работает. Он мог бы оставить эти деньги втуне или истратить их немедленно; вкладывая свои сбережения в предприятие и рискуя ими, он оказывает услугу человеческому обществу. Впрочем, расчет на прибыль облегчает этот социальный акт.

Но риск в каждом случае различен. Рабочий рискует в иной степени, нежели богатый промышленник. Пайщик общества с неограниченной ответственностью рискует больше, чем пайщик акционерного общества».

Послушать Лелотта, так у рабочего и вообще жизнь без забот: «...рабочий легко расстается с предприятием и тем самым рискует меньше, чем собственник». А поэтому трудно «определить риск капитала и установить, какими финансовыми преимуществами должен компенсироваться этот риск».

Вы понимаете, что получается? «Бедненький» капиталист! Он рискует больше пролетария: тому же нечего терять, кроме его нужды. «Следовательно», капиталиста и обеспечить надо лучше, — как бы не затрещали его миллионы... Вот ему и дается право складывать капитал в банк, в качестве «вознаграждения за риск». И снова изрядная доля капитала проходит мимо рабочего.

Это не всё. Лелотт далее пишет:

«Наконец, собственник, активно участвующий в управлении предприятием, становится сам таким же трудающимся, как и рабочий. Его труд заслуживает вознаграждения».

Еще и капиталистическую зарплату для капиталиста удержать надо!..

Всё, что остается после перечисленных вычетов, является, по Лелотту, реальной прибылью. Вот ее надо бы как-то распределить... Впрочем, останется ли что-нибудь? Ведь такие статьи расходов, как расширение дела, коммерческий риск, оплата труда капиталиста — все они расплывчаты. Можно так подсчитать, что и гроша не останется...

Оsmелившись подсказать господам капиталистам, что неплохо бы какие-то крохи, какую-то видимость уделить и рабочим, Лелотт опасается повернуть слишком «влево» и тут же торопливо отказывается от любой более реальной рекомендации, так как «эти вопросы решаются не Церковью, а государством и специалистами производственной техники. Церковь выразила свое удовлетворение, констатируя, что в некоторых предприятиях трудящиеся так или иначе привлечены к участию в прибылях, но она не высказала в пользу того или иного способа их распределения».

Вот это «так или иначе», да еще «в некоторых» только местах, и остается всего-навсего от всех пожеланий отца иезуита.

А что же осталось от торжественно провозглашенного права на «участие во владении предприятием»?

Здесь Лелотт даже не подыскивает никаких оговорок. Он просто отмежевывается от имени церкви от любых рекомендаций капиталистам по этому вопросу и пишет:

«Церковь не указывает, каким образом должна устанавливаться эта доля. Но она радуется „тому или иному участию рабочих во владении предприятием”».

Радоваться не трудно. Есть ли только чему радоваться-то?.. Много ли сейчас в капиталистическом мире предприятий, в которых рабочие фактически, а не в качестве владельцев одной-двух акций из миллионов, то есть не номинально, участвуют во владении предприятиями? Таких предприятий нет.

И, наконец, последнее пожелание отца Лелотта об «участии рабочих в управлении предприятием»...

Сначала Лелотт пишет: «Ряд причин требует этого...» Сильно сказано, не правда ли?

Затем следует очередная оговорка:

«На деле, однако, многие рабочие еще не вполне до-росли до этой роли; поэтому они требуют не столько

участия в техническом руководстве предприятием, сколько контроля над финансами; наблюдая за составлением балансов, они надеются иметь возможность точно установить прибыль предприятия в целях обеспечения своих материальных интересов. Однако даже в этой области многим рабочим не хватает опыта. Немногие из них способны понять баланс предприятия, и у них часто создается впечатление, что дирекция предприятия их обманывает.

К тому же всякое предприятие имеет свои секреты (способы продукции, преимущества, предоставляемые тем или иным покупателям, и т. д.), и в интересах самих же рабочих многие данные не могут быть оглашены на публичном собрании».

Вот уж поистине, по пословице «и хочется и колется»! «Ряд причин требует» участия рабочих в управлении предприятием, но... подпускать рабочих к этому нельзя... А то вдруг докопаются до того, как их за нос водят, как на них наживаются, как за них счет пухнут от жира неслыханных прибылей...

Таким образом, от широковещательных заявлений Лелотта остается только голое пожелание, чтобы рабочие привлекались к управлению предприятиями «тем или иным образом...», имели возможность «выражать свои пожелания», договариваться о «предотвращении конфликтов»...

От прав рабочих остались одни пожелания, и даже право на забастовки заменено неопределенными разговорами о предотвращении конфликтов.

Отец иезуит испугался им же высказанных мыслей, — а вдруг капиталисты обидятся, — поэтому он сводит на нет и то ничтожное, что решил предложить, и заканчивает раздел так:

«Важно, однако, напомнить, что участие рабочих в управлении предприятием не должно подрывать авторитета руководства», а потому «рабочие должны подчиняться приказам главы предприятия и выполнять по совести полученные задания».

А в заключение церковь напоминает главам предприятий, что они должны относиться к рабочим «отечески, по примеру самого бога...».

Что ж, капиталисты от этого не откажутся. Если припомнить, что, судя по Библии, бог «отеческий» при малей-

шем неповиновении истреблял тысячи и десятки тысяч людей, морил их голодом, насыпал эпидемии и диких зверей, наказывал нашествиями иноплеменников и войнами, то, пожалуй, капитализм сейчас уже действует вполне «по-божески» и «отечески»...

Призвав к «отеческим» и «сыновним» взаимоотношениям между эксплуататорами и эксплуатируемыми, Лелотт разражается поистине сакральным фразой: «...легко себе представить, какого самоотвержения, какого бескорыстия это сотрудничество требует от хозяев и от рабочих! Именно потому всякая попытка коренного преобразования хозяйственной жизни, пока не изжита атмосфера ненависти и взаимного недоверия, может привести лишь к пагубным последствиям».

Вы понимаете, что значат эти слова, читатель?

Мир разделен на антагонистические классы. Волки терзают овец. И потому, пока волки и овцы не научатся взаимно любить друг друга, нельзя предпринимать ничего, чтобы избавить овец от волчьих зубов... Вот беспредельный цинизм сюсюкающего всепрощения, иезуитской, с позволения сказать, логики!

И после этого отец Лелотт заявляет: «...таково решение мучительной проблемы распределения материальных благ, предлагаемое Церковью». Далее он говорит, что, несмогря на все якобы осуждаемые церковью «злоупотребления, порождаемые режимом частной собственности», этот режим всё-таки «является необходимой основой общественного порядка».

Надо быть иезуитом, чтобы так цинично заявлять, как это делает Лелотт: «нельзя не согласиться», что подобные рекомендации «чудесным образом сочетают и преображают, казалось бы, в корне противоречивые элементы».

Но всем ли приемлемо это ложное учение, требующее терпеть и ожидать, когда бог и его «благодать» сами разберутся в противоречиях мира сего и богатые станут добрыми отцами смиренных «овец» — трудящихся?..

Я дописывал эти строки 5 января 1963 года. Сейчас утро. Принесли газеты. «Ленинградская правда». Заметка:

«Немцы покидают ФРГ. 800 000 немцев покинули ФРГ за период с 1945 по 1962 год. Особенно больших

размеров послевоенная эмиграция достигла в 1952 году, когда страну покинуло 90 000 человек. Эмиграция из ФРГ и сейчас не уменьшается».

В ФРГ живут верующие католики и верующие протестанты, не говоря уже о различных сектантах. Ее министры без бога шагу не ступят. В ее церквях возносятся самые горячие моления...

И всё-таки жизнь здесь такова, что люди бросают родину и едут в чужие негостеприимные края в поисках куска насущного хлеба, лучшей участи, «кусочка счастья».

«Известия». Другая заметка:

«ДОРОГОЙ „ПОДАРОК”

Париж, 4 января. (ТАСС.) Власти преподнесли парижанам «дорогой» в самом прямом смысле слова новогодний «подарок». С первого января 1963 года повышена плата за медицинское обслуживание. Теперь один день пребывания в больнице будет стоить жителям французской столицы 69 франков (около 13 рублей) вместо 56 франков. Еще дороже обойдется им пребывание в хирургической клинике: 95 франков (более 17 рублей) в день вместо прежних 79.

С первого января в Париже подорожала на 8 процентов также плата за воду».

Это во Франции, где у власти благочестивый поклонник Христа генерал де Голль, где мощная церковь ведет самую энергичнейшую воспитательную работу, влияет на школы, литературу, искусство и т. д. Вряд ли этот «подарок» вызовет удовлетворение в сердцах верующих французов...

Еще заметка в той же газете:

«БОРЬБА НЕ УТИХАЕТ

Нью-Йорк, 4 января. (ТАСС.) В США ширится забастовочное движение. Вчера 10 000 низкооплачиваемых рабочих, занятых в шляпном производстве в Нью-Йорке и других городах, прекратили работу, требуя 10-процентной надбавки к заработной плате.

Продолжается забастовка свыше 60 000 портовых грузчиков, парализовавшая работу в портах от штата

Мэн (Североатлантическое побережье) до штата Техас (Мексиканский залив).

Забастовка печатников в Нью-Йорке продолжается 27-й день».

Это в США, где проповедует кардинал Спеллман, где подавляющее большинство людей — христиане, в стране, которую проповедники выставляют христиацнейшим опорным пунктом Евангелия.

Видно, трудящимся США не очень подходит «терпение и ожидание» того времени, когда «иссякнет ненависть и недоверие». Теории непротивленчества и все-прощения, когда вокруг тебя волки, щелкающие зубами, хорошими выглядят только на бумаге.

Лелотт между тем вздыхает:

«Как прекрасен был бы мир, если бы все ищащие правды люди приняли учение Христа и его Церкви...»

«Если бы да кабы; да во рту росли бобы, — говорит о таких «если бы» русская народная пословица, — го был бы не рот, а целый огород».

Впрочем, Лелотт и сам видит, что его «если бы» далеко от осуществления:

«...Надо признать, что ...Церковь насчитывает множество противников. Искренность многих из них не подлежит сомнению». Почему так? Отец иезуит видит, что многих отвращают от церкви сами церковники, «образ жизни которых скрывает истинное лицо христианства».

Он напрасно отделяет идею от ее носителей. Ведь теория оправдывается практикой. И его же Христу в Евангелии приписываются слова:

«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые; а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Матфея, гл. 7, ст. 16—18).

Сильно и точно сказано! Сама народная мудрость отразилась в этой древней записи.

Отец иеромонах может не принять наших слов, — мы ведь безбожники, неверующие, — но как не принять ему слов своего бога и искупителя! Лелотту ведь и без

этого трудно уйти от окружающих всех нас фактов. Вот он и вынужден констатировать, что даже единоверцы его начинают сомневаться в вере своей, в своих беспросветных, бесперспективных упованиях «на бога и его правду».

Лелотт пишет:

«Приходится пожалеть, в частности, что, наблюдая настоящее и представляя себе будущее, многие христиане отчиваются, утрачивают радость жизни, становятся неспособными к труду, к молитве и даже к размышлению». И это в итоге долгого пути «насаждения христианских истин по лицу земли», действия «благодати» и «тайств», «бескровной жертвы Христа» и всех евангельских проповедей и поучений!

К чему же, наконец, приходит отец иезуит? Чем кончает он свое «благовестие»?

Да тем же самым отчаянием. Он говорит:

«Откажемся раз и навсегда от мечтаний о мире всеобщего благополучия, о мире, не знающем братоубийственной борьбы.

Разве общество, отрицающее бога, сможет порождать что-либо, кроме ненависти и отчаяния?»

Так ничего и не удалось на земле его Христу и божией «благодати».

Но зачем ответственность за провал миссии христианства сваливать на атеистов? Разве они преследовали христиан в течение двух тысячелетий? Разве они вмешиваются в жизнь и судьбы стран Западной Европы, Америки, Австралии, именующих себя «озаренными светом Христовой истины»?

Разве не христианские страны ведут гонку вооружений, отказываются от разоружения? Разве не они сбросили первые атомные бомбы, противятся ликвидации колониализма, обрушаются на освободительные движения малых и слаборазвитых народов? И в то же время разве не атеисты зовут к миру и выступают против войны, останавливают агрессии, помогают угнетенным и слаборазвитым народам становиться на ноги? Не валите с большой головы на здоровую, отец иезуит!

Мы не присваиваем атеистам всех заслуг в борьбе за мир. Нет, мы отчетливо сознаем, что желание мира, сосуществования, разоружения — общее стремление всех простых людей-тружеников, независимо от того,

веруют они или не веруют. Мир социализма никогда не питал, не питает и не будет питать ненависти к труженикам, во что бы они ни верили, как бы ни жили. Более того, непримиримые в идеологической борьбе (а именно этой непримиримостью вызвана к жизни и настоящая книга), считая, что не может быть мирного сосуществования идеологий, мы убежденно боремся за мирное сосуществование государств, независимо от того, какой политической или экономической системы они придерживаются.

Это можно было видеть недавно из отношения нашей партии, нашего правительства и лично главы нашего государства Н. С. Хрущева к миролюбивым выступлениям покойного папы Иоанна XXIII.

Разве ненавистью была пронизана оценка миротворческой деятельности папы Иоанна XXIII со стороны Н. С. Хрущева в его «Ответах на вопросы директора итальянской газеты «Джорно» И. Пьетра («Правда» от 24 апреля 1963 г.), где Н. С. Хрущев сказал:

«Проблема сохранения мира затрагивает всех людей, независимо от их национальности, политических взглядов, вероисповедания. Всякая деятельность, направленная на сохранение и укрепление мира, искренние призывы к мирному решению всех спорных международных проблем путем переговоров в интересах мира, откуда бы такие призывы ни исходили, должны быть поддержаны. В этом отношении для нас не может быть исключением и позиция папы Иоанна XXIII. Многие сейчас отмечают, что папа Иоанн XXIII, в отличие от некоторых своих предшественников, занимает реалистическую позицию в ряде актуальных вопросов современности и, в первую очередь, в вопросе о мире и разоружении. Мы приветствуем выступления папы Иоанна XXIII в пользу мира.

В своей недавней энциклике папа Иоанн XXIII высказался за прекращение гонки вооружений, запрещение ядерного оружия, прекращение испытаний этого оружия, за осуществление разоружения под эффективным международным контролем, за мирное сосуществование государств, за равноправное отношение между государствами и народами, за устранение военного психоза.

Нельзя не видеть, что эти высказывания основаны на реальном понимании всей опасности войны».

Разве эти слова не опровергают утверждения отца иезуита, что общество, отрицающее бога, не может порождать что-либо, кроме ненависти и отчаяния?

А как справедливо оценил Н. С. Хрущев в тех же ответах позиции некоторых западных политиков, которые отнюдь не отрицают бога, в вопросе мира и разоружения:

«Казалось бы, что на Западе, где слова главы католической церкви считаются, во всяком случае внешне, своего рода непререкаемым законом, эти призывы тоже должны были бы быть именно так и восприняты. Но оказалось, что слова папы о мире некоторыми западными политиками, стоящими на позициях гонки вооружений, были встречены с неодобрением.

Конечно, кое-кто на Западе не прочь даже поприветствовать призыв папы к сохранению мира и разоружению, но это им не мешает ратовать за то, чтобы в Средиземном море почти под стенами Ватикана шныряли подводные лодки с ракетно-ядерным оружием.

Мы, коммунисты, не принимаем любые религиозные воззрения. Вместе с тем мы исходим из необходимости объединить все усилия в интересах сохранения мира.

Я глубоко убежден, что в столь ответственное для судеб человечества время имеется одно всеобщее и драгоценное благо — мир, который могут и должны защищать люди доброй воли любых философских и религиозных взглядов.

Я не богослов. Но, насколько мне помнится, согласно Евангелию, Христос проповедовал мир, а не войну. Это обязывает, во всяком случае тех, кто считает себя верующими людьми, не создавать атомные бомбы, ракеты, самолеты, пушки и другое оружие для уничтожения людей, а обеспечивать мир и безопасность народов.

Люди доброй воли должны суметь отбросить все предубеждения с тем, чтобы объединить свои усилия в борьбе за всеобщий и прочный мир, за всеобщее разоружение».

Советские люди были удовлетворены и тогда, когда, узнав об избрании новым папой кардинала Монтини,

принявшего имя папы Павла VI, прочли вскоре в газетах следующую заметку, переданную ТАСС:

«ПРИЗЫВ ПАПЫ ПАВЛА VI

Ватикан, 22 июня. Папа римский Павел VI заявил, что он намерен «продолжать большое дело, начатое Иоанном XXIII». Это заявление содержится в первом послании нового главы римско-католической церкви и Ватиканского государства, с которым он обратился по радио «к католическому миру» после торжественной церемонии «поклонения кардиналов», состоявшейся сегодня в Сикстинской капелле папского дворца в Ватикане.

Папа Павел VI сказал, что направит «все усилия на сохранение великого блага — мира между народами», и призвал всех людей, независимо от положения, которое они занимают в обществе, «внести свой вклад в построение всё более справедливого правопорядка, помогающего защите мира».

Никита Сергеевич Хрущев, чутко реагирующий на любое доброе слово о мире, разоружении и сосуществовании, отправил новому папе Павлу VI следующую приветственную телеграмму:

«В связи с вашим избранием на высокий пост, прошу принять мои поздравления и пожелания вам успехов в деятельности на пользу мира и мирного сотрудничества между народами, чему посвятил немало усилий покойный папа Иоанн XXIII.

Москва. Кремль. 22 июня 1963 года».

С большим одобрением встретили все советские люди и ответ папы на это приветствие:

«Многоуважаемому господину Никите Сергеевичу
ХРУЩЕВУ

Председателю Совета Министров СССР

Москва

Выражаем живую и искреннюю благодарность за поздравления и пожелания, полученные от Вашего Пре-

восходительства. Ваше послание возбуждает в нашей душе память о русском народе, его гражданской и христианской истории, и мы просим бога, дабы этот народ в своем процветании и благоустроенной общественной жизни мог принести богатый вклад в действительный прогресс человечества и в дело справедливого мира во всем мире.

Ватикан.

Павел VI».

Да, советские люди, люди стран социализма, люди доброй воли на всей земле не могут не радоваться всему, что ведет к миру, а не к войне, чтобы людям жить и не оплакивать погибших близких своих, чтобы нивам колоситься, лугам цветти, городам и селам хорошеть, детям видеть солнце, а не дым пожарищ.

Почему же так получается, отец Лелотт? Мы за мир, мирное сосуществование, при соревновании систем и борьбе идеологий. За мир, пусть, может быть, и худой, но который всегда «лучше доброй ссоры». И ваши папы, покойный и новый, — за мир, хотя они и верующие католики. Мы отнюдь не собираемся навешивать на покойного папу Иоанна XXIII, как это делала буржуазная «желтая пресса», ярлыки «социалиста», «коммуниста», «левого». Но мы рады, что он, как и мы, был за мир. Рады будем, если по этому пути пойдет и новый глава католической церкви, новый папа.

А вы твердите о ненависти, пугаете нас отчаянием.

Вместо
ПОСЛЕСЛОВИЯ

Вот мы и рассмотрели с вами, дорогие читатели, книгу аббата Фернана Лелотта. Мы прошли по скользким, петляющим тропинкам, которыми Лелотт попытался вести людей (и в том числе наших, советских) в поисках разрешения смысла жизни. Мы увидели за фасадом красивых слов и патетических высказываний защиту иллюзорного «мира», нами давно отвергнутого, неприятие мира, нам дорогое и близкого. Увидели в чисто земном плане пропаганду системы, глубоко нам враждебной, и ох�ивание системы, единственно оправданной самой жизнью нашей.

Раскрыл ли Лелотт проблему жизни, ее смысла, направленности? Нет, только напустил мистического тумана.

А как же всё-таки с проблемой смысла жизни? Какой ответ можем мы дать на этот вопрос? Начну немного издалека.

В начале 1963 года по московскому телевидению состоялась передача, посвященная как раз теме смысла жизни. Выступили в ней философ Б. Т. Григорьян — заместитель редактора журнала «Наука и религия» и автор настоящей книги. Текста Бориса Тиграновича у меня на руках нет, а сам я начал выступление с рассказа об одном споре.

Спорили раз идейный христианин и откровенный эгоист-себялюбец:

— Я от жизни хочу взять всё, что только удастся. Пожить всладь. На идеи всякие мне наплевать. Они мне радости не дадут. Мне мою долю сейчас подай. И чтобы кусок был потолще и маслица пожирней, — говорил один.

— Страшный, опустошенный ты человек, эгоист и себялюбец, — отвечал ему убежденный христианин. — Да и эгоист-то себе во вред... Ну, наешься, напьешься,

напляшешься вдоволь; с женщинами наслаждение получишь... А дальше что? Придут болезни желудка — тут не до питья, не до еды. Скорчит ревматизм — не до пляса. Пройдет молодость и зрелость — иссякнут страсти. С чем останешься?..

— Приятно вспоминать будет!

— Нет, брат! Прошлым не проживешь. Для того у человека глаза спереди, чтобы в будущее глядеть. Страшно тебе станет при мысли об этом будущем. И пустоту ощущишь в сердце своем.

— Хорошо критиковать другого, а сам ты чем живешь?

— Я свою жизнь не с тленным и временным связываю. Мне надо здесь так прожить, чтобы там бога узреть, к нему ближе быть. Он податель всех благ, он высшее добро, и быть рядом с ним — высшее счастье. Лучше я здесь потерплю зло и неприятности, зато там вкушу нетленных божественных благ...

— Ну, хорошо! Вот ты меня в эгоизме обвинил. Я и не отрицаю этого. А ты разве не эгоист? Ведь вся разница между нами только в том, что я в земной, а ты в небесной жизни свое получить хочешь. Но ведь опять-таки — свое. Свое блаженство, свое спасение, себе близость у бога обеспечить.

— А разве мы добра не творим? Милостыню подаем. Голодного накормим. Холодного согреем...

— Положим, что и так! А чего ради? Чтобы себе нетленный капиталец заслуг перед богом побольше собрать. Ближний-то для вас средство, а не цель.

Долго они спорили... И оба были неправы.

Верующий неправ потому, что действительно, даже в добре своем, был эгоистичен, так как всё делал для спасения своей души. Мало того, мы к словам эгоиста могли бы добавить, что и самое добро-то верующего — скорее дешевая благотворительность. В самом деле, вот сегодня человек, скажем, голоден, верующий его накормит, — в этом он видит свой долг, заботу христианскую... А изменить порядок, чтобы совсем не было голодных, верующие не смеют. Они говорят: «Таким бог мир создал, что одни имеют, а у других нет... На всё божья воля, и каждому от него своя дана доля!..» Дешевенькое добро-то получается...

Неправ верующий и тем, что основное внимание в

жизни направлял на несуществующий тот свет, на несуществующее царство несуществующего бога. Этим он разменивал подлинную неповторимую ценность — свою жизнь — на выдуманную ценность — царство небесное и душеспасение. Жизнь на несбыточное тратил, а она ведь один раз бывает у человека, и необратима.

Эгоист был неправ тем, что разменивал ту же единственную жизнь на ее наименее ценные частности. Атеистам-марксистам эгоист неприемлем еще более, чем верующему. Ведь верующим эгоист жалок тем, что цепляется за земное — якобы временное — и пренебрегает небесным — будто бы вечным. Для нас эгоист мерзок и нетерпим, потому что норовит урвать от жизни самые большие и лучшие куски, принадлежащие не ему одному, а многим. Следовательно, он грабит жизнь, являясь врагом и своекорыстным вором благ земных у окружающих его. Разве человек на необитаёмом острове живет? Наша жизнь протекает среди людей. Тот же, кто в себе и на самом себе замыкается, жизнь свою даже для себя самого беспощаднейшим образом обедняет и обесценивает, хотя и думает, что живет только ради себя одного. Нет, этот путь неверный.

Припоминается мне один подлинный случай. Удивительный по своим контрастам.

Живет у нас женщина; сейчас уже старушка. Суроные испытания послала ей жизнь. Муж ее чахоткой заболел и рано умер. У нее началось хроническое воспаление тройничного нерва. Женщина стала инвалидом, в холодное время года дома взаперти, как под арестом, просиживала. Зубы ей вырвали, всю искололи, трепанацию делали. И ничего не помогло, так и страдает.

Эгоисткой была бы — давно в петлю полезла бы. Или озлобилась бы.

Верующей была бы — в живые святые угодила бы, ханжой стала бы, в молитвы ушла бы, страстотерпицей себя мнила бы. Верой в бога утешалась бы и горе свое тем самым, как морфием, глущила бы...

Но женщина была советским человеком. И жизни своей не мыслила вне людей. В молодости и в зрелые годы в комнатке ее вечно жили то студентки, то курсантки, которых она и подкармливала из своих скучных доходов и поддерживала морально, как мать и старшая

сестра. Не было человека окрест, который не забегал бы к ней поделиться радостями и бедами, излить душу, просто выговориться. И часто страдалица, прикованная к постели, заставляла здоровых забыть свои тяготы и улыбнуться, распрямить плечи. Жизнь среди людей и для людей по закону бумеранга возвращалась к самой большой заполненностью жизни, теплом и радостью ответной человеческой поддержки. Она никогда не была одна. Ей некогда было копаться в своих тяготах. Едва воспрянув после тяжелого приступа, она старалась приносить пользу людям.

Когда болезнь обострилась, женщина эта приехала из далекого города в Ленинград лечиться в институт нейрохирургии. Я навестил ее, ибо обязан ей долей тепла и света в один из самых трудных дней моей жизни. Это было перед Новым годом. Встречаю в коридоре врача — доктора Иозефович:

— Ну, как наша больная?

— Трудно ей. Искололи мы ее. Блокаду за блокадой делаем. Но что это за человек! Вот сейчас потребовала гофрированной бумаги. Целые палаты с увлечением делают под ее руководством смешных собачонок, кошек, человечков. И с коек вместо стонов звучит смех. Она и вам, в ожидании визита, и всем вашим семейным подготовила новогодние подарки — маленькие радости с большим теплом...

Как хорошо было бы в мире, если бы побольше было таких людей.

Я не называю ее имени, — она скромная женщина, и ей это было бы неприятно. Хорошие люди не любят рекламы...

Думается мне, наш смысл жизни не в том, чего нет. И не в человеке, замкнутом в себе, ибо это противоестественно. Наш смысл жизни — в жизни среди людей, во имя людей, для людей, чтобы сегодня было хорошо, а завтра стало лучше, чтобы вокруг было тепло. Да, человек живет в круговороте людей. Порочное звено этого круговорота заражает пороком неустойчивых, хорошее — облагораживает. Когда я плох — возле меня трудно. Когда я достоин звания Человека — и вокруг меня люди становятся человечнее. Я живу в обществе, и ничто в нем не может быть для меня безразличным... Потому я всегда борец, принципиальный его строитель...

Враги наши клевещут на нас. Мы-де строим коммунизм только для будущего, для потомков, а сами в рушище ходим... Какая это клевета!

Будущее это строится теперь; по нашему сегодня определяется наше завтра. Ведь грядущее всегда стоит на фундаменте предыдущего.

Человек — существо деятельное. Труд — его стихия. Если мы строим, мы счастливы счастьем созидания. Этого чувства никогда не познает ни эгоист, ни фанатик-святоша, ведь счастье эгоиста — накопление или трата. Но накопление ненасытно, а трата опустошает. Счастье фанатика-святоши — мечта. Она чарует, но не питает. Она только манит обманчивым счастьем.

Подлинное счастье — счастье созидателя, труженика, человека, сеющего радость, тепло жизни и пользующегося ими наряду с другими. В этом светлый смысл той чудесной неповторимой вспышки в море огней человеческих, которая называется отдельной человеческой жизнью...

Мое выступление по телевидению, содержание которого я только что изложил, вызвало поток писем-откликов. В Публичную библиотеку, где я работаю, они стали приходить буквально пачками по 10—18 писем раз. Это свидетельствует об интересе наших советских людей к коренному вопросу жизни.

Одно письмо поразило меня своей искренностью, остротой и болью за жизнь. Его написал ленинградец, шофер по профессии, человек пятидесяти лет, который в жизни, как он пишет, очень много перенес. Мы не знаем, приятно ли будет ему, если мы назовем его имя, и потому назовем его «Н. Н.»

Вот что он написал:

«Вопрос о смысле жизни, я считаю, это беспредметный вопрос. Каждый человек понимает и решает его по-своему. Счастье-то в том и состоит, что большинство людей не задумываются и не ломают головы над этим. Человек, как и всё живое, создан для того, чтобы жить!»

Разница только в том, что всё живое не задает этого вопроса, а человек — большой эгоист и поэтому спрашивает об этом.

Есть ли предел для разума человека? Вряд ли кто

взьмет на себя смелость ответить, — это было бы равнозначно тому, как если бы вы захотели перепрыгнуть через собственную тень. Я думаю, что намного полезнее было бы направлять разум людей не на решение необъяснимого — зачем мы живем, а как нужно жить людям на земле?..

Мы очень много тратим в жизни на слова, и очень часто бывает, что ученые больше думают о разговорах, нежели о жизни.

Люди начинают привыкать больше говорить языком и меньше работать руками, а это очень плохо! Политика, религия, как и чрезмерное мудрствование, начинают надоедать людям. Люди перестают многому верить, появляется много сомнений.

Когда я вижу на улице детей, одетых в военную форму, у меня в голове всё начинает путаться, я ничего не могу осмыслить. Невольно приходят на память слова «чем меньше знаешь, тем проще жить, знания делают человека сильным, но несчастным». И действительно так, вглядитесь в жизнь, в эту, именуемую землей, маленькую, затерянную где-то в бесконечном пространстве пылинку, и если внимательно присмотреться, что делают на ней и чем занимаются существа (разумные!), именующие себя людьми, то, ей-богу, становится одновременно и смешно и страшно. Смешно оттого, что в этом муравейнике огромное количество людей делает совсем не то, что нужно (муравьи, видимо, разумнее!). Люди без конца обманывают сами себя, думают и говорят одно, а делают совсем другое. Строят, создают, творят, а потом всё это ломают, рушат, сжигают.

И становится страшно, когда знаешь, что на земле каждый третий человек ложится спать голодным, а разум людей, затуманенный каким-то страшным пьяным угаром эгоизма, властолюбия, лицемерия, поставил человечество на грани самоубийства! Добываются ли люди взаимного понимания? Вот главный вопрос современности. На земле должно быть одно — любовь людей друг к другу!

«На небе не могут светить два солнца, на земле не могут править два хана». Должно быть одно! Сильный рывок науки отбросил на низшую ступень наше воспитание, нравственность, нашу духовную жизнь! И это одна из главных причин многих пороков нашей жизни.

Да, изречение оправдывает себя, что всё хорошо в меру!

Заканчивая свое письмо, я хочу высказать еще одну мысль. Наш мир вступил в эпоху осуществления двух положений. Или всеобщее уничтожение и оставшееся живое будет отброшено далеко назад на грань первобытства, или людям всей своей душой надо понять и осмыслить слова — «любите друг друга», и от себя хочу добавить: и всё живое! Без рассуждения о том, кто сказал эти слова: бог или человек.

Я буду благодарен всем вам, если получу от Вас ответ.

Уважающий Вас Н. Н.».

Вы уже заметили наверное, дорогие читатели, что Н. Н. в своих думах невольно попался на те общие страхи и внешние сопоставления, которые так ловко обыгрывает иезуит Лелотт.

Вот что я ему поэтому ответил:

«Уважаемый тов. Н. Н. Вы не совсем правы. Задавая вопрос о смысле своей жизни, человек тем самым ставит и программу для себя — как нужно ему жить.

А говорить — «жить, чтобы жить», — это мало. Живут и мокрица и тля. Живут и волки, живут и терзаемые ими овцы. У человека на то и ум, а не инстинкты голые, чтобы осознать свое место в мире и среди себе подобных. Тогда-то и встанет в полный рост вопрос: ну хорошо, вот для чего я живу. А как же тогда я должен вести и проявлять себя, какое место должен найти среди людей, чтобы мое осознание смысла бытия не осталось пустым словоблудием?

Кстати, о привычке больше говорить, чем делать, — это у Вас мудро сказано.

Один умный человек дал такой совет писателям, журналистам, ученым: больше думай, чем читай; больше читай, чем пиши; больше пиши, чем печатай!.. Ничего не скажешь — замечательные слова. Воды в них мало, словоблудья нет и следа, а сказано очень много. Но вернемся к главной теме.

Что неуютно сейчас в мире, голодно многим, страшно за завтрашний день, — не спорю. Да и не о чем спорить здесь. Так это! Всё правда...

Но вы же сами пишете, что угар «эгоизма, властолюбия, лицемерия (я бы прибавил: стяжательства, жажды наживы и личной, собственной своей выгоды) поставил человечество на грань самоубийства».

Вы предлагаете рецепт — «любовь друг к другу». Неплохо! Но сколько бы Вы ни проповедовали тигру или волку о любви к оленям, ланям, овцам, — они вегетарианцами не станут...

Тут приходится сказать, что пока люди не осознают смысла человеческой жизни, того, что человек должен жить среди людей, растворяя свое в общем и черпая свои радость, счастье, блага в общей радости, общем счастье, общих благах, — ничего мы не достигнем...

Для этого одних надо идеологически воспитывать на основе прогрессивного мировоззрения, каким является построенный на реальных законах общественной жизни марксизм-ленинизм. Других приходится разумно сдерживать в их эгоистических, антисоциальных, антиобщественных устремлениях и желаниях, призывать к порядку, с достоинством и сознанием правоты, опирающейся на несокрушимую силу. На «добреньких» же словах далеко не уедешь. Ведь вот две тысячи лет христианство твердит о любви, а люди всё так же грызутся и режут друг друга.

Науку винить в трудностях не надо. Хорошо сказано: топор останется куском железа, если его не насадят на топорище. Наука и ее законы, ее открытия, искусство с его эмоциями, ремесла, навыки — это средства. За ними стоят люди. Атом, как и топор, можно повернуть и на созидание и на разрушение.

Не наука отбрасывает назад нравственность: Она, идущая вперед, не может этого делать. Всё зависит от того, как люди используют ее в отношениях друг с другом. Суть в социально-экономических условиях, в тех надстройках, которые ради них и на их базе, как подобные силы, формируются. Суть в людях, а не в машинах...

У нас при социализме машина облегчает труд, на Западе — выкидывает рабочего на улицу. У нас обилие зерна дает возможность накормить больше людей. У них на Западе — вызывает животный страх перед перспективой падения цен, снижения барышей, заставляет искусственно сокращать посевные площади или уничто-

жать излишки, независимо от того, сколько людей ляжет спать без куска хлеба или горсти риса.

Из-за этого западный мир непрерывно лихорадит, короткие взлеты экономической активности сменяются там длительными спадами, борьба за жизнь перемалывает миллионы человеческих жизней.

Мы знаем, что капиталистическая система обречена всем ходом истории. Знаем, что сегодня все пути в мире в конце концов ведут к коммунизму. Но умирающему свойственно судорожно цепляться за жизнь, переходить от отчаяния к надеждам. Отчаяние же — плохой советчик благоразумию. Люди, у которых почва уходит из-под ног, способны на бессмысленные кровавые авантюры.

В наши же дни авантюрам, более чем когда-либо, не должно быть места, ибо ведь авантюристы могут протянуть руки и к атомным кнопкам...

Вот почему сегодня борьба за мир является делом огромной важности. От нее зависит во многом гамлетовское: «быть или не быть!». Все, кто отстаивает мир, все они борются и за людей! Это так. Их не спрашивают, от чьего имени — бога или людей — поднимают они голоса.

Мир — потребность нашего дня, важнейшая проблема современности. Вокруг вопроса о мире объединяются люди разных идеологий, вероисповеданий, взглядов. Ведь жить хочется всем. Но это объединение не снимает и не прекращает борьбы самих идеологий, борьбы за лучшее устройство мира — тоже. Однако борьба борьбе рознь, — можно драться, а можно и соревноваться.

Ученые разных стран, исследовавшие во время Международного Геофизического года Антарктиду, соревновались и сотрудничали друг с другом. А мир в целом выиграл, люди ярче почувствовали себя хозяевами планеты.

Стокгольмский турнир хоккеистов зимой 1962/63 года был большим соревнованием. Но он сблизил людей, а не восстановил их друг против друга. В нем были победители и побежденные, но не было жертв.

Мирное соревнование систем, безусловная борьба идеологий и всё же запрещение ядерного оружия и войн — вот путь, который является единственно пра-

вильным для нашего мира, без сюсюканья, без утопических учений о взаимной любви волка и ягненка...

На этом пути, где неизбежна борьба, но не обязательны войны, каждый должен ответить себе — во имя чего он живет и какое осуществление своих идеалов и чаяний избирает для себя в мире. Человек среди людей... Маленькая, но нужная и по-своему единственная часть великого целого, именуемого Человечеством...»

А вы что скажете, дорогие читатели?

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Ленинградская правда» от 21 марта 1963 года.

Я. СУХОТИН

НЕБОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА «БОЖЬИХ ЛЮДЕЙ»

Священник Троицкого собора Петр Владимиров попросил С. З. Хренникову, бывшую машинистку института «Механобр», а теперь пенсионерку, напечатать на машинке нужные ему материалы. Она охотно приняла предложение священника: печатала акафисты и прочие религиозные тексты. Когда их накапливалось много, спешила на квартиру к Петру Владимирову.

Однажды священник поведал Хренниковой о том, что из-за границы получена изданная на русском языке книга Фернана Лелотта «Решение проблемы жизни»

— Надо отпечатать на машинке в нескольких экземплярах, — сказал Владимиров.

Известно немало фактов, подтверждающих, что «божьи люди» прикрывают «святым словом» дела далеко не божественные. Так было и на этот раз. Книга Ф. Лелотта, как и другие подобные ей «произведения», засыпается в нашу страну империалистическими разведчиками.

В книге католического монаха Фернана Лелотта, кроме откровенно религиозного вздора, содержится наглая клевета на наш социалистический строй.

Об этом С. З. Хренникова, видимо, не знала, но, когда она стала читать и перепечатывать книгу Лелотта, ей не могло не броситься в глаза, что автор возводит гнусный поклеп на наш общественный строй. Бросить бы ей это всё, вернуть пачкотню попу, спровоцировавшему ее.

Но Хренникова поступила иначе. Она перепечатала в нескольких экземплярах книгу Лелотта и обратилась к своей знакомой по институту «Механобр» переплетчице М. К. Стешиной, работающей в отделе оформления проектных материалов.

— Хотите подработать? Есть выгодное дело...

М. К. Стешина не спешила из института домой: она оставалась в отделе и переплетала экземпляры книги Лелотта, перепечатанной Хренниковой. Затем Хренникова передала их священникам П. Владимирову, А. Верзину и другим.

Втянув Стешину в грязное дело, Хренникова на этом не остановилась. Она «по секрету» сообщила Стешиной адрес врача-гомеопата М. И. Бубнова:

— Полечишься у него, да к тому же еще и подработаешь. Ему тоже надо кое-что переплести...

Бубнов лечил Стешину и давал ей переплести теософическую литературу. Мистика, суеверия, спиритизм — вот что лежит в основе теософических книжонок, распространяемых Бубновым и его сыном — инженером, а также пенсионером Н. В. Тарасовым и другими лицами.

Но сколько веревочке ни виться — конец всё равно будет. Недавно в отделе оформления проектных материалов института «Механобр» состоялось общее профсоюзное собрание. На нем присутствовала бывшая машинистка института С. З. Хренникова. Общественность сурохо осудила тех, кто распространяет враждебные книги.

Один за другим выступают сотрудники института И. М. Балтрук, П. Н. Степанов, Э. Г. Негода, Е. А. Мартыненко, Б. А. Таран, С. С. Ноцони, Н. Ф. Агуреев, И. Г. Лешина, П. Г. Кульев, А. Э. Вдовин. Они с гневом говорили о поступках Хренниковой.

Хренникова и Стешина были строго осуждены всем коллективом.

Высказывалось также справедливое недоумение, почему П. Владимирову безнаказанно позволяет, прикрываясь саном священника, совершать темные дела и нарушать советские законы.

«Известия» от 2 ноября 1962 года.

КАТОЛИЦИЗМ И СОВЕТСКАЯ НАУКА О ВОСКРЕШЕНИИ УМЕРШИХ МЕТОДАМИ МЕДИЦИНЫ

Возвращение к жизни

Является ли оживление организма также и оживлением души? — этой проблемой озабочен Гельмут Гольшер, автор статьи «Еще не умер, но уже больше не живет», опубликованной в западногерманской газете «Ди Вельт». Опираясь на авторитет церкви, он склонен считать, что оживлять человека нецелесообразно.. Дескать, применяя для лечения тяжелобольных «железное легкое» и «искусственное сердце», врачи лишь добиваются сохранения «вегетативной жизни», «жалкого существования». «Врачи уже не знают, где есть жизнь, а где вступает в свои права смерть. Да, они даже не в состоянии сказать, присутствует ли еще искра души в этих личностях, у которых происходит обмен веществ с помощью техники». А поскольку, по определению папы Пия XII, «смерть есть полное и окончательное отделение души от тела», стбит ли давать право на жизнь такому пациенту? Гольшер недоволен успехами советской медицины и брюзжит: «Советские врачи не рассматривают всерьез вопроса о жизни после смерти, это делает их исследования более простыми. Они разрешают человеку умереть лишь тогда, когда техника уже совсем бессильна». Заканчивается статья странно: «Если жизнь — подарок бога, то почему смерть не является такой же милостью?»

Не стоило бы, возможно, цитировать эту статью, будь она просто досужими рассуждениями «научного обозревателя» газеты «Ди Вельт». Однако высказывания его в достаточной степени типичны для идеологов западного мира.

Религия вербует сторонников, спекулируя на страхе человека перед смертью. Вот почему наступление врачей на смерть религия пытается обесценить, а саму проблему оживления запутать.

Корреспондент «Известий» обратился к советским ученым — директору лаборатории по оживлению организма профессору В. А. Неговскому и заместителю директора Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР доктору медицинских наук П. В. Симонову с просьбой рассказать о научных, социальных и моральных аспектах проблемы оживления, борьбы за человека.

Профessor B. NEGOVSKII РЕЗЕРВ ПРОЧНОСТИ

Однажды в нашей лаборатории произошел забавный разговор. В присутствии иностранной делегации мы оживляли собаку через пять минут после ее клинической смерти. Кто-то из гостей спросил: «А как же с душой — она ведь отлетела? Собака оживет без души?» Другой объяснил: «За пять минут не успела». А мы, слушая гостей, думали, какая же растяжимая вещь религиозные воззрения...

Жизнь, умирание, смерть — это длительный процесс. Точные знания его хода дают возможность добиваться полного оживления.

Несколько лет назад мы могли оживить организм только через три минуты после клинической смерти. Теперь возвращаем жизнь через шесть минут, а применяя гипотермию, даже через два часа после смерти. Пройдет какое-то время, и мы сможем восстанавливать деятельность нервных клеток высших отделов мозга через более долгий срок. Но религиозные люди и тогда найдут выход. Мы будем оттягивать время смерти человека, а они будут объявлять все новые и новые сроки отлета души...

Жизнь организма — это жизнь его клеток, сложная цепь химических реакций, обмен веществ, протекающий при участии многих элементов.

Ученые установили, что самые выносливые и стойкие ткани — ткани более древние по историческому происхождению. А молодые и сложные по строению ткани умирают раньше. Сердце можно заставить биться и через двое суток после смерти, но клетки коры головного мозга начинают погибать уже через шесть минут. Время оживления после клинической смерти определено именно сроком необратимой гибели коры.

Когда прекращается дыхание и кровообращение, в тканях наступает кислородное голодание. Химизм резко нарушен. Но все же это еще не смерть. Жизнеспособность, резерв прочности клетки очень велики, и замедленная «изолированная» жизнь в ней продолжается. Если принять меры к возобновлению сердечной деятельности и дыхания, к обогащению тканей кислородом, функции клеток

полностью восстановятся. Какими бы необратимыми ни казались изменения в протоплазме, они постепенно исчезнут. Клетка погибает безвозвратно только тогда, когда растворяется ее ядро.

Жизнь продолжается до тех пор, пока все жизненные функции организма, включая и функции наиболее ранних высших отделов мозга, могут быть восстановлены. Это и определяет границу жизни и смерти.

Полемизируя с советскими учеными, Гольшер заявляет, что смерть — милость бога. Мне пришлось быть в ряде стран Запада. Я видел там роскошные дорогостоящие больницы. В них никто из малооплачиваемых людей — рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция — попасть не может. В этих больницах применяются самые совершенные методы. По-видимому, соглашаясь на умирание людей, на Западе не имеют в виду богатых

Яснее всего в этом смысле высказывался папа Пий XII. Он говорил, что, решая вопрос об оживлении человека, врач должен сопротивляться с его материальным достатком: «Если попытка оживления представляет собой нагрузку для семьи пациента, можно прекратить оживление». И тогда церковь «снимет с врача религиозную ответственность».

Гольшер явно извращает дело, когда говорит, что, преодолев клиническую смерть, медик добивается лишь вегетативной жизни, жизни не освещенной разумом. Нет, задача оживления никогда не сводилась к этому. Конечно, в результате несовершенного или запоздалого оживления возможны случаи, когда жизнь организма полностью не восстанавливается, и эти организмы обречены, они скоро погибают. Но это лишь редкие неудачи. В шестидесяти с лишним городах Советского Союза работают сейчас под руководством нашей лаборатории центры по оживлению организма. В тысячах, теперь уже и в десятках тысяч случаев врачи добиваются стойкого и полноценного воссоздания жизни организма. Оживленные больные возвращаются к труду и ничем не отличаются по своему состоянию от других здоровых людей.

Доктор медицинских наук П. СИМОНОВ

ДОЛГ ВРАЧА

Четырнадцать миллиардов нервных клеток коры головного мозга дирижируют всеми процессами, происходящими в организме. Вот их работу и называют религиозные люди «бессмертной душой человека». Как уходит, как возвращается эта «душа» при потере сознания, при умирании и при возвращении к жизни?

Сама по себе психическая деятельность живого организма, эти сложные совокупности связей клеток — «суть рефлекс», как говорил И. М. Сеченов. «Душа» складывается из многих связанных друг с другом компонентов: непосредственные впечатления от внешнего мира, сигнализация от внутренних органов, аппараты врожденных безусловных реакций, направленных на сохранение жизни и продолжение рода, плюс самокорректировка, приспособление организма к жизни.

Мы уже многое знаем о том, какая «часть души» в какой части мозга размещается. Кора задних отделов левой лобной доли регулирует «моторную речь», в левой височной доле заложена способность восприятия слов и фраз. В левом же полушарии, недалеко от центров речи, расположены центры других высших корковых функций. письма, чтения, счета...

Вызывает восхищение пластичность, подвижность, приспособляемость нервной системы. При операциях удаляют какие-то кусочки мозга, некоторые участки разрушаются, и всё же вполне реально наступает полное восстановление тонких функций организма — движения, чувствительности, равновесия гела, зрения и слуха, становится возможным приобретение новых навыков

Науке известны примеры, когда больные находились в состоянии глубокого угнетения в течение многих лет. Они лежали совершенно беспомощные и безмолвные не реагировали на происходящее вокруг, их жизнь поддерживалась исключительно благодаря гщательному уходу, искусенному кормлению и сложным гигиеническим процедурам. Но проходило время, борьба за жизнь давала свои результаты, и больные снова обретали способность трудиться, познавать, наслаждаться искусством, шутить, возвращались к своей профессии. вспоминали все, что знали до своей болезни

Кстати, о механизме памяти. Предполагается, что он зависит от глубоких сдвигов молекулярного характера в нервных клетках в результате возбуждения. Опыты, поставленные физиологами, показали, что даже после долгого угнетенного бессознательного состояния «молекулярная запись» в нервных клетках различных условных рефлексов сохраняется, организм не может «забыть» информацию, записанную атомно молекулярным «алфавитом», возможно, в нуклеиновых кислотах. Когда сознание в период клинической смерти потеряно, это еще не значит, что память утрачена, в клетках она остается запечатанной. Поэтому говорить, как теологи, о том, что во время клинической смерти организм всё утрачивает и «душа полно и окончательно отлетает от тела», наивно и нелепо.

Проблема восстановления функций мозга может служить ярким примером того, как разная идеология приводит к различным практическим выводам. Для идеалиста человек в состоянии глубокого угнетения — «бездушное» тело, некий сосуд, в который машинами накачивают кровь и воздух. При подобном взгляде появляется множество мнимоглубокомысленных проблем о «границах» целесообразности борьбы за поддержание жизни, о том, вправе или не вправе врач прекратить эту борьбу, можем или не можем мы решать вопрос о возвращении человека к жизни без его согласия. Рассуждения подобного рода нередко встречаются в зарубежной печати. Пример тому — статья в газете «Ди Вельт».

Для ученого-материалиста человек остается человеком, общественно ценной личностью в любом его состоянии, каким бы тяжелым оно ни оказалось в результате ранения или болезни. Временная потеря нервных функций речи, мышления, сознания, способности активного приспособления к действительности означает только то, что другие члены общества, прежде всего врачи, берут на себя заботу о жизни больного, — таков девиз советской медицины, обусловленный принципами коммунистического гуманизма и достижениями передовой материалистической науки.

Борьбе за жизнь хочет сказать религия — остановись! Пытается противопоставить буйному и богатому цветению жизни бесплотную, иссохшую выдумку о мире ином.

Но наука дерзновенно проникает в сущность живого ради самой жизни, ради управления ее явлениями на благо человека. Ради возвращения человеку счастья бытия медицина крепко берет в свои руки управление процессами жизни и смерти. Для человеко-ненавистника легче всего поставить человека к стенке; бороться до последнего за каждую крупу из жизни — вот естественная позиция врача.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вводная	3
<i>Глава 1. О чём пойдет речь</i>	5
<i>Глава 2. О иезуите Лелотте, его ордене и переводчике . . .</i>	15
Часть первая. Фальшивый фундамент труда Лелотта .	29
<i>Глава 3. Метод унижения, с которого начинает Лелотт. Психологические приемы воздействия</i>	31
<i>Глава 4. Метод запугивания человека. Древний страх смерти. Страдания. О верующих знаменитостях и игре цитатами</i>	45
<i>Глава 5. Водительство с „подходцем“</i>	65
Часть вторая. Здание веры иезуита Лелотта	91
<i>Глава 6. Лелотт „доказывает“ бога и сотворение им мира . .</i>	93
<i>Глава 7. Антропология иезуита Лелотта</i>	112
<i>Глава 8. Христология иезуита Лелотта</i>	145
<i>Глава 9. Лелотт проповедует откровенный клерикализм . . .</i>	169
Часть третья. Их идеология, их мораль	185
<i>Глава 10 Человек по „замыслу божию“ и Лелоттову</i>	187
<i>Глава 11. Мир чувств и искусство, дружба, семейные отношения по „замыслу божию“ и Лелоттову</i>	198
<i>Глава 12. Разум и личность человеческая по „замыслу божию“ и Лелоттову</i>	210
<i>Глава 13. Лелотт занимается политикой</i>	224
<i>Глава 14. „Новая жизнь“, грезящаяся отцу Лелотту</i>	238

Вместо послесловия	257
Приложения	269
Я. Сухотин. Небожественные дела „божьих людей“ . . .	271
Католицизм и советская наука о воскрешении умерших методами медицины	272

Александр Александрович Осипов
«Евангелие» от... иезуита»

Редактор К. Л. Иллюминарский
Художник И. П. Кремлев
Художник-редактор Г. И. Гунькин
Технический редактор И. М. Тихонова
Корректор Е. Н. Куренкова

Сдано в набор 23/IX 1963 г. Подписано к печати 31/I 1964 г.
Формат бумаги 84×108^{1/8}. Физ. печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 14,35.
Уч.-изд. л. 14,88. Тираж 100 000 экз. (1—50 000). М-31023. Заказ № 1363

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57
Цена 45 коп.

45 коп.